

TAKEN

ERIN BOWMAN

Once you're over the Wall, there's no going back.

В городе Клейсут нет мужчин. Есть лишь мальчики, но каждый из них исчезает в полночь на свое восемнадцатилетие. Земля содрогается, воеет ветер, и появляется ослепительный свет... где они исчезают. Они называют это Похищением. Восемнадцатый день рождения у Грея Визерби настанет всего через несколько месяцев, и он готов встретиться со своей судьбой, до того момента, пока не находит записку от своей матери, и не начинает сомневаться в том, во что верил: Совет лидеров, их очевидные тайны, что означает Похищение и то, что находится за пределами стен, окружающих город Клейсут, которые никто не может пересечь оставшись при этом в живых. Восхождение на стену это самоубийство, но возможно после Похищения будет все гораздо хуже. Должен ли он сидеть, сложа руки и ждать пока его заберут либо же стоит поддаться риску в надежде на спасение по другую сторону стены?

ЭРИН БОУМАН ЗАЛОЖНИК

Автор: Эрин Боуман

Оригинальное название: Taken

Название на русском: Заложник

Серия: Taken#1

Редактор: Маргарита Колесникова,

Надюшка Леди

Перевод: Ольга Орешкина

Оформление: Надюшка Леди

Часть 1. Похищение

Глава 1

После сегодняшнего дня я никогда больше не увижу своего брата. Я должен провести последние часы с ним, но вместо этого лежу на лугу и на-блюдаю за вороной, которая клюет наполовину съеденную тушу кабана. Ворона — грязная птица: у нее клейкие черные перья и клюв, напоминающий маслянистую кость. Если бы я хотел, мог бы свернуть ей шею, незаметно подползти и раздавить в ладонях ее хрупкие кости, прежде чем она бы меня заметила. Но это ничего не изменит. Жизнь, выдавленная из тела маленькой птицы, не спасет моего брата. Блейн проклят с самого рождения. Так же, как и я. Так же, как и все юноши в Клейсуге.

Я резко встаю. Своим движением я напугал ворону, которая быстро взлетает в предрассветном свете. Я пускаю ей вслед стрелу, но не попадаю, скорее всего, намеренно. Правда в том, что я не лучше вороны. Я беру, что могу, подбираю каждый клочок мяса, который могу добыть. Если бы мои черные волосы были перьями, они бы сверкали ярче, чем перьевое одеяние птицы.

От кабана мало что осталось. Труп пустой внутри. Животные хорошо постарались над его желудком. Задняя нога кажется еще нетронутой, но на ней слишком много мух. Я не

хотел бы, чтобы кто-нибудь заболел. Это не стоит риска. Особенно сегодня. Последнее, что нам нужно вечером Похищения, — это еще больше тревоги и беспокойства. Я снова взвешиваю мешок для добычи, и ноги сами ведут меня в лес. Мои сапоги знают дорогу. Пока кожаные подошвы уверенно шагают, я думаю о Блейне. Я спрашиваю себя, что он делает сейчас, просыпается ли или крепко держится за остатки беззаботного сна. Но я не знаю. Столько опасного ждет его впереди. Когда я перед восходом солнца отправился в лес, он еще лежал в кровати, бормоча что-то во сне.

За все утро в лесу я смог добыть только двух перепелов, но их должно хватить для обеда. Блейн, вероятно, не захочет много есть. Похищение перебивает аппетит, особенно юношам, у которых день рождения. Восемнадцатилетие не празднуют. Когда наступит полночь, Блейн будет вынужден бороться с судьбой. Он исчезнет на наших глазах, так же, как все юноши, которым исполняется восемнадцать. Это равносильно смерти. Я боюсь за него, но я бы солгал, если бы сказал, что не напуган до смерти. Блейну сегодня будет восемнадцать, и это значит, что мне через триста шестьдесят четыре дня тоже будет восемнадцать.

Когда мы были младше, это было весело — вместе отмечать день рождения. Мама дарила нам то, что могла: вырезанную из дерева лодку, шапку из растягивающейся ткани, металлические ведерки и совочки. Мы бегали по городу и везде находили место для игр: иногда это была лестница, которая вела к дому Совета, или столы в больнице. Так было до тех пор, пока Грейс Картер не поймала нас, не схватила за руки и с проклятиями не провела по городу. Наши проделки сделали нас известными на весь город. Мы были братья Везерсби — подростки, которые находили слишком много радости в этом сером месте. Конечно, это длилось недолго. В Клейсуге взрослеют быстро.

Когда я добираюсь до последней охотничьей тропы и покидаю лес, уже наступает вторая половина дня. Я прохожу мимо двух мальчиков, которые играют у небольшого костра, пока их мать развешивает белье за домом. Один еще очень маленький, ему года четыре или пять; второму, кажется, не больше восьми. Не останавливаясь, я улыбаюсь матери. Она пробует ответить улыбкой, но совсем неубедительно. Она выглядит постаревшей, подавленной, хотя на вид ей не больше двадцати пяти. Я понимаю — это все из-за мальчишек. Определенно не проходит и дня, когда она не желала бы, чтобы они, или по крайней мере один из них, были девочками.

Перед зданием Совета я встречаю Кейл. Она играет на лестнице и тянет за собой деревянную утку, с которой уже успели поиграть Блейн и я, когда были детьми. Это был подарок от нашего отца, прежде чем он стал жертвой Похищения. Мы оба были слишком малы, чтобы помнить нашего отца или о том, как получили подарок. Но мама рассказывала, что он сам вырезал птицу, потратил на это больше трех месяцев. Между тем утка уже весьма потрепана и выглядит на свой возраст: на носу откололся кусочек, вдоль хвоста неровная трещина. Когда Кейл, подпрыгивая, идет ко мне, утка неуклюже катится по ступенькам и все время приземляется на одну сторону.

— Дядя Грей! — кричит Кейл.

Она еще совсем малышка, ей нет и трех лет. Нос у нее мягкий и розовый, как малюсенькая кнопочка посреди лица. Когда я подхожу ближе, она сияет.

— Привет, Кейл. Что ты там делаешь?

— Я иду на прогулку с Дакки. Мама разрешила, — она тянет деревянную иг-рушку ближе к себе, неуклюже гремя по дороге.

— А где папа? — она смотрит на меня сияющими голубыми глазами. У нее глаза

Блейна.

— Я не знаю. Почему бы нам не пойти на рынок? Возможно, мы найдем его вместе, — я протягиваю ей руку, и она хватается за нее. Теплые пальчики держатся за мой большой палец.

— Мне не хватает папы, — бормочет малышка, пока мы идем дальше.

Я улыбаюсь ей, но мне нечего ответить. В такие минуты я думаю, что мне повезло. Я не Блейн. Мне не исполняется восемнадцать. Я не отец. Я не исчезну, когда кто-то очень сильно во мне нуждается. Если Кейл уже сейчас скучает по Блейну, хотя он всего лишь на работе или еще спит, как она будет чувствовать себя утром, после Похищения? Как я должен объяснить ей это? Сможет ли это кто-нибудь?

На рынке, как всегда, шумно и оживленно. Женщины и девочки предлагают приправы, ткани и овощи. Тут и юноши моего возраста или младше. У многих на прилавках лежат свежие тушки животных, рабочие инструменты, оружие и сбруя для вьючных животных. Кейл переступает с ноги на ногу позади меня, пока я торгуюсь с Тесс, которая предлагает хлопковые ткани и пошитые в швейной мастерской платья.

— Я знаю, Тесс. Понятно, что одна птица не стоит куртки, — признаю я и кладу одного из моих перепелов перед ней. — Но ты же помнишь, как две недели назад я просто так отдал тебе кролика, потому что тебе это было нужно?

— Грей, ты же знаешь, что я потеряла бы магазин, если бы каждый раз меняла свой товар по дружбе.

— Это для Блейна, — объясняю я и провожу рукой по деревянным пуговицам куртки. Она сшита из крепкой хлопковой ткани с темно-коричневыми и черными полосками. — Он всегда мечтал о хорошей куртке, и я хотел подарить ее ему на день рождения, даже если он сможет порадоваться ей только один день.

Я притворяюсь, что люблю ее работами, но из-под челки замечаю, как она реагирует, когда я давлю на жалость. Тесс нервно покусывает губы. Она прекрасно знает, как и все остальные, что сегодня ночью Блейну предстоит Похищение.

— Ох, ладно, возьми ее, — говорит она и кидает мне куртку. — Но теперь мы квиты.

— Конечно, — я беру Кейл за руку, и мы покидаем рынок. На одном плече у меня висит новая куртка, на другом — охотничий мешок с перепелом.

Когда мы сворачиваем на дорогу, ведущую к дому, который принадлежит мне и Блейну, Кейл все еще тянет деревянную утку за собой. Дом находится в южной части города, позади других домов. Здесь мирно и спокойно. Я хмурюсь, когда понимаю, что меньше чем через день дом будет принадлежать не нам, а мне.

— Как трогательно, — перед нами стоит Челси Сильверстоун, иронично улыбаясь. — Отец и дочь, возможно, последний раз гуляют вместе.

Я поднимаю голову и свирепо смотрю на нее.

— Ох, привет, Грей. Я перепутала тебя с твоим братом.

Она увидела мои глаза, единственное, что отличает меня от брата. У него они голубые, блестящие и живые. Мой взгляд мрачен и бесцветен. Именно за серый цвет глаз меня и называли «Грей». Я громко вздыхаю, но у меня нет настроения ругаться. Я стараюсь сосредоточиться на последнем дне. Использовать его настолько, насколько это возможно.

— Что случилось Грей? Помогает влиять на погоду? — еще когда мы были детьми, она доставала меня этими шуточками (Грей Везерсби — игра слов имени и фамилии).

Хотя я слышал эту шутку миллион раз, меня это вдруг достало.

— Лучше закрой пасть, прежде чем я сам тебя заткну, — бросаю я.

— Ой, да ладно, Грей. Ты просто нервничаешь из-за твоего старшего брата. Надуваешь губы и реवेशь, потому что он исчезнет всего через несколько часов.

Этими словами она затронула самое болезненное. Что-то стало нарастать в груди и давить на ребра. Мне стало наплевать, что мы вместе ходили в школу и все дни проводили в одном классе. Я забываю о том, что она девочка и что ее нельзя бить, и автоматически наношу удар. Я отпускаю руку Кейл и кулаком бью Челси в щеку. Она это заслужила, все заслужила. Я снова бью ее, на этот раз в живот. Затем мы падаем на землю и деремся. После пары ударов кто-то оттаскивает меня от Челси и отбрасывает в сторону.

— Возьми себя в руки, Грей, — я перекатываюсь на спину и вижу, что надо мной стоит Блейн. Его взгляд говорит о разочаровании. За его спиной Саша Квартерс, мама Кейл. Я чувствую кровь во рту, кровь течет по моему подбородку. Отлично, Челси набралась мужества и смогла ударить в ответ.

— Ты сумасшедший, — кричит Челси окровавленным ртом. — Полностью сдвинутый.

— Но она... — говорю я, и мой взгляд мечется между Челси и моим братом. — Она прикалывалась над тобой, Блейн. Похищение для нее ничего не значит.

Блейн хмурится.

— Мне плевать, может ли она мне сочувствовать. Больше мне хочется узнать, почему мой младший брат бьет девушку, которая в полтора раза меньше его. Ты в порядке? — спрашивает он Челси.

Все больше жалеют Блейна, чем меня. Все будут скучать по нему, но вряд ли заметят, если я исчезну. Он очень спокойный, и у него доброе сердце. Брат смотрит на все разумно. Я же, напротив, неосмотрителен, и всегда поступаю так, как подсказывают мне чувства.

Я сижу в грязи и вытираю кровь. Кейл убегает и прячется между ног Саши. Саша старше Блейна, но выглядит младше. Я думаю, ей между девятнадцатью и двадцатью, но очень сложно сказать, потому что она безумно красива. Когда Блейн выбрал ее, я очень ревновал. Через месяц она забеременела, и моя ревность мгновенно превратилась в облегчение. Тогда я начал сам ходить на свидания и старался избегать их, если это было возможно. Я не хотел становиться отцом. Никогда.

Саша поддерживает Челси, которая идет, прихрамывая. Я смотрю им вслед и спрашиваю себя, как Блейн может сдерживаться: Кейл будет жить с Сашей, и Саша останется одна. Блейн где-то в стороне от этой картины, как будто он совершенно не важен, словно это нормальный ход событий. Мальчики важны, но рано или поздно мы все уходим, поэтому никто не старается влюбиться и привязаться к нам. Дети получают фамилию отца, но это все. Они живут с матерями, ну а юношам остается только скитаться.

— Куда они? — спрашиваю я.

Блейн протягивает мне руку и помогает подняться.

— В больницу. Тебе тоже надо туда?

— Нет, я выживу.

— Отлично. Ты заслужил боль, — ухмыляясь, брат бьет меня кулаком в плечо. Это так больно, что я еле терплю. А затем выражение его лица меняется, становится напряженным и озабоченным.

— Ты не должен так поступать, Грей, — шепчет он. Блейн все еще выглядит разочарованным, и это намного хуже, чем сердитым. — Ты всегда начинаешь драться, прежде чем попытаешься понять других. Челси перенесла много боли. Конечно, она

ненавидит Похищение. К тому же она испорчена и говорит ерунду. За последние два с половиной года она потеряла троих братьев. Это нелегкая ноша.

Я закатываю глаза: «Но смеяться над горем других неправильно».

Вздыхая, Блейн бросает на меня взгляд. Типичный взгляд-старшего-брата. Взгляд, который говорит, что он знает лучше. Затем он наклоняется, чтобы поднять куртку, которую я купил для него. Когда брат выпрямляется, он выглядит уставшим. Мне не хочется с ним ругаться. Не сегодня. Не в последний наш день.

— Куртка для тебя, — движением головы я указываю на грязный узел в его руках. — Счастливого дня рождения.

Пару секунд он выглядит радостным и одновременно слегка испуганным, но затем стирает испуг с лица и надевает куртку.

— Спасибо, Грей, — его улыбка снова на месте. Такая дружелюбная и брат-ская.

— Всегда пожалуйста.

Больше мы ничего не говорим. Есть много всего, чем мы можем на-полнить молчание, но это бессмысленно. Мы оба знаем, что предстоит, и ничего нельзя изменить. Словами тем более. Остаток пути домой мы идем вместе. Блейн одет в куртку, хотя утреннее солнце быстро прогревает воздух.

— Мне будет тебя не хватать, — говорю я и жмурюсь на свет.

— Не начинай снова, Грей, — его тон больше наполнен болью, чем злостью. Хотя именно злость он должен чувствовать, так как на прошедшей неделе сотни раз спорил о своей судьбе.

— Возможно, мы могли бы попробовать убежать, спрятаться. Мы могли бы убежать сегодня вечером и жить в лесу.

— И что потом, Грей? Мы доберемся только до Стены, и Похищение неизбежно, где бы я ни находился.

— Я знаю. Но возможно, нам удастся перебраться через Стену. Может быть, там есть что-то еще.

Блейн напряженно покачал головой.

— Там нет ничего.

— Но ты не можешь это знать.

— Каждый, кто пытается перебраться через Стену, снова возвращается сюда, но уже мертвым. Если там и есть что-то другое, мы сможем увидеть это пару секунд перед тем, как умрем.

— Может, если мы пойдем вдвоем, будет по-другому. Так же, как на охоте. Вместе мы лучше, Блейн, — я практически умоляю его. Это невозможно. Жизнь не может быть настолько короткой.

Блейн откидывает волосы с глаз и застегивает куртку на все пуговицы.

— Ни один юноша не будет старше восемнадцати, Грей. Похищение наступит, хотим мы того или нет. Не усложняй все еще больше.

Мы оба знаем, что он прав, и вместе заходим в дом последний раз.

Глава 2

Сегодняшний день похож на все остальные последние дни. Наш последний обед. Последний послеобеденный чай. Последняя игра в шашки. После сегодняшней ночи этого

больше не будет. После сегодняшней ночи он исчезнет.

Блейн берёт свою темную глиняную шашку и съедает две мои из дерева. Я провожу рукой по линиям на игральной доске, которая вырезана на нашем обеденном столе, пока он, ухмыляясь, собирает съеденные фигуры.

Трудно поверить, что настало время Похищения. У меня чувство, как будто годы пролетели мимо, как будто я закрыл глаза и пропустил пару лет. Мгновение, в которое я погружаюсь, далеко в нашем детстве.

Первые школьные дни, и мы учимся охотиться. Ксавье Пильтес учил нас во время ужасно жаркого лета, когда мне было десять. Ему было пятнадцать, и у него был свой собственный лук. Ксавье состоял в Совете и мог обсуждать важные дела. Он знал очень точно, сколько нужно кроликов, чтобы обменять их на оленя, кабана или дикого индюка на рынке. Из-за нашей детской наивности казалось, что нет вопроса, на который Ксавье не мог бы ответить. Конечно, пока он не стал жертвой Похищения.

Когда мне было тринадцать, Блейн и я регулярно обменивали животных на рынке и помогали матери два раза в неделю в швейной мастерской. Через год мама сильно простыла, и даже Картер и ее медицина не смогли ей помочь. Дальше нам пришлось жить самостоятельно.

Как и следовало, в пятнадцать нас признали мужчинами, мы посетили Совет и получили официальное назначение принимать участие в жизни города. Настоятельно рекомендуется, чтобы молодые мужчины осматривались в Клейсуге и начинали встречаться сначала с одной женщиной, затем с другой. От этого я всегда чувствую себя разбитым. Нет, это не неприятно, так было всегда, но я ненавижу этот кочующий образ жизни. Спать с одной девушкой, чтобы потом быть отправленным к другой. Я чувствую себя жутко от этого. Эти встречи, каждая из которых кажется мне формальной, закончатся только тогда, когда я стану отцом. Я ненавижу это, но понимаю, почему Совет каждый месяц направляет нас к другой девушке. Если мы не хотим, чтобы наш род вымер, у нас нет другой возможности. Блейн всегда был на год впереди меня, он всегда шел первым и давал мне пример. Если я тревожился или боялся, он успокаивал меня. И теперь через пару часов он навсегда исчезнет.

— Грей? — голос Блейна вырывает меня из моих мыслей.

— Да?

— Я думаю пойти в кузню. Я должен чем-то заняться.

— Нет, не ходи на работу. Давай закончим игру.

Блейн прикасается к одной из своих шашек, но убирает руку, не сдвигая ее с места.

— Я не могу дальше так сидеть до полуночи. Для этого я слишком взвинчен.

— Тогда я пойду с тобой, — предлагаю я.

Он качает головой и показывает на мой подбородок.

— Тебе лучше проверить свой клюв. По сравнению с сегодняшним утром он выглядит ужасно.

Только сейчас я замечаю, что уже послеполуденное время. Неужели мы и правда так долго играли, или так всегда последний раз? Все так быстро проходит мимо.

— Хорошо, — говорю я. — Я зайду в больницу.

Он удовлетворенно кивает, почти так же, как наша мама раньше, и бросает мне на колени мой мешок для добычи. Несмотря на то, что воздух давящий и тяжелый, брат надевает свою новую куртку. Блейн ерошит мои волосы, прежде чем уйти. Я сижу и смотрю на игральные камешки. Фигурок Блейна из глины гораздо больше, чем моих деревянных.

Наша последняя незаконченная игра. Он бы выиграл.

В больнице много кроватей. Они отделяются друг от друга тонкими шторками, которые висят на деревянной балке, тянущейся по всему зданию. Когда я захожу, все шторки раздвинуты, и Картер нет на месте. Но ее дочь Эмма на другом конце комнаты сортирует глиняные кувшины на полках. Я знаю Эмму с самого детства. Наши матери были хорошими подругами, главным образом потому, что я был очень больным ребенком. Мама рассказывала мне, что до года меня не выносили из дома. В это время Картер часто приходила к нам, много возилась со мной и использовала свою магию. Все, что она делает, хорошо. Половина Клейсута все еще смотрит на меня как на чудо. Почти невозможно вылечить такого больного ребенка, чтобы он вырос крепким юношей.

Большую часть моего детства мама и Картер оставались неразлучными, и из этого следовало, что я много времени проводил с Эммой. Иногда мама брала Блейна и меня с собой в больницу, и мы охотились за Эммой вокруг стола, пока она не начинала просить о пощаде. В другие дни, если у Картер было не очень много работы, она брала Эмму к нам, и мы играли в шашки или в «Правда или ложь» (игра, где рассказывают четыре правды и одну ложь, и тот, кто не угадает ложь, проиграл).

Тогда Эмма была маленькой и тощей, но всегда держалась с нами. Если мы играли в уличных разбойников, она бегала с нами. Если забирались на деревья и разбивали колени о валуны, она с гордостью выносила последствия сражения. Несмотря на то, что детьми мы провели вместе несчетное количество часов, Эмма всегда была ближе к Блейну. Я никогда не мог избавиться от ревности, но возможно, я сам виноват. Когда мне было шесть, а им обоим по семь, я прогонял ее и забирал деревянные игрушки, с которыми она играла. Со дня, когда она предпочла Блейна, все и началось. Чем больше она предпочитала Блейна, тем больше Эмма казалась мне милее других.

Сначала это были просто детские чувства, но моя симпатия и сейчас осталась прежней. Я жил с тем, как она менялась с годами, и ее неуклюжее тело обретало ту форму, на которой сейчас красовалось платье. Ей сейчас почти восемнадцать, и она становится все прекрасней. Сколько я себя помню, меня не интересовал никто другой. Я выполнял мои назначенные круги, но всегда хотел только Эмму. Возможно, я заслужил то, что меня никогда не ставили вместе с ней. Вероятно, я этого не достоин.

— Картер здесь? — окликаю я Эмму.

— Она навещает одного из пациентов на дому, — отвечает она и оправдывает мои ожидания, даже не глядя на меня. — Дай мне немного времени, и я сразу же подойду.

Я сажусь на пустую кровать, трогаю подбородок и вздрагиваю, когда нащупываю открытую рану. Блейн прав. Я обязательно должен обследоваться.

Пока я жду, наблюдаю за Эммой и восхищаюсь ее искусными руками, которые с легкостью берут горшки с полки. Она двигается очень быстро и ловко. После того как она несколько лет заботилась о больных, ее руки действуют автоматически. Ни один кувшин не дрогнет и не соскользнет. Ее взгляд сосредоточен и скользит туда и обратно. Каждый раз, когда я смотрю в ее глубокие карие глаза, чувствую словно толчок в груди.

Когда кувшины, наконец, убраны как хочет Эмма, она идет ко мне, сидящему на кровати. У нее родинка на правой скуле, которая похожа на скатывающуюся с лица слезинку.

— Я не должна тебе помогать после того, что ты сделал с Челси, — голос Эммы мягкий, нежный и спокойный, как первый снег зимой.

— Она это заслужила, — отвечаю я категорично.

— Тебе повезло. Я считаю, что все покалеченные существа заслуживают по-мощи, — она удивленно наклоняет голову набок и смотрит на меня как на дикое животное. Я знаю, о чем она думает. Это всегда одно и то же: как это возможно, что я так похож на Блейна и настолько отличаюсь от него.

Она прикасается к моему лицу и осматривает подбородок. Рана болит, но я сосредоточиваюсь на ее прикосновениях, на ощущении ее пальцев на моей коже. Когда Эмма удовлетворена осмотром, она поворачивается ко мне спиной и начинает смешивать что-то в миске. Я присматриваюсь к тому, как она размальывает смесь, как напрягаются мышцы на ее руке. Она заканчивает работу, вытирает руки об фартук и снова поворачивается ко мне.

— Одной полной ложки должно хватить, — говорит она и протягивает мне миску, в которой находится мое лекарство. — Намажь внутреннюю сторону рта возле раны. Оно подействует как анестезия, и я смогу зашить рану.

Я беру немного кашицы на палец и использую по всем инструкциям Эммы. Почти сразу боль уходит.

— И еще прими это, — приказывает она, протягивая мне порцию еще чего-то незнакомого. Я все равно проглатываю это. — Ты должен спокойно сидеть, и это поможет тебе заснуть.

Эмма подготавливает иглу, когда в больницу заходит ее мать.

— Как все прошло? — спрашивает Эмма.

— Ребенок не смог справиться с этим, — объясняет Картер, ставя свою сумку, и приводит волосы в порядок, поднимая их наверх. Ее волосы такие же, как у Эммы, светло-коричневые, как шерсть олененка, и своевольно лежат строптивыми локонами. — Он умер при родах. Возможно, так даже и лучше. Это был мальчик.

Новость, кажется, огорчает Эмму.

— А как мать?

— С Лаурой все в порядке, — я знаю, что эта девушка близкая подруга Эммы. Я видел, как они шептались и смеялись на рынке, когда обменивали свой товар.

Эмма облегченно вздыхает, но по ее щеке бежит одинокая слеза. Движением руки она вытирает ее и возвращает все свое внимание назад к иголке.

— Откинься назад, — говорит она, и я слушаюсь. Я чувствую странную лег-кость в голове, и Эмма, которая наклоняется ко мне, чтобы еще раз проверить рану, сверкает как роса на траве в утреннем солнце. Она говорит, что мне нужно расслабиться, но я не могу ничего делать, кроме как смотреть в ее карие глаза, и просто говорю дальше.

— Хочешь пойти куда-нибудь? — спрашиваю я ее.

— Пойти? — ее выражение лица выражает смесь шока и возмущения.

— Да, например, пойти в трактир или погулять. Мне все равно.

— Моя лучшая подруга потеряла ребенка, ты почти потерял своего брата, и тебе ничего больше не пришло в голову, как пригласить меня в трактир? — то, как она это преподносит, звучит и впрямь ужасно. — Ты совершенно не похож на него, ты знаешь об этом? — добавляет она. — Может, вы и выглядите одинаково, но вы очень-очень разные.

Ее слова ранят меня, но она права.

— Это не так ужасно, Эмма, дорогая, — Картер появилась у двери. — Люди должны отличаться друг от друга.

Я не знаю, почему Картер защищает меня. Возможно, она не может перестать заботиться обо мне, хотя я уже много лет не нуждаюсь в ее уходе. Или это оттого, что она была близка с моей матерью. Или я напоминаю ей моего отца — она много раз мне рассказывала, как похожи на него Блейн и я. За то и другое я ей благодарен.

— Они назначили тебя? Совет? — спрашивает Эмма. — Ты должен быть со мной, верно? — она прожигает меня взглядом.

— Нет, — сознаюсь я. — Совсем нет. Никто мне не приказывал. Они оставили меня в покое из-за Блейна и Похищения. Я могу неделю ни с кем не встретиться. Я сомневаюсь, что следующую пару недель пойду с кем-нибудь.

Мои глаза закрываются. Я хочу спать, но борюсь со сном. У Эммы сердитое лицо.

— Тогда я должна чувствовать себя польщенной, потому что это настоящее приглашение? Радоваться тому, что ты по собственному желанию хочешь ухаживать за мной, а не потому, что Совет приказывает тебе?

Она хмурится и упирает руки в бедра. Я еще никогда не видел ее такой злой.

— Просто забудь это, Эмма. О'К? Я только спросил. Никто не заставляет тебя что-то делать.

Я обессилено оседаю в кровати. Медицина победила. Эмма нагибается ко мне, большие глаза смотрят на мой подбородок. Игла сшивает мою кожу, но я не чувствую боли. Она просто сшивает меня, как лоскутное одеяло. Затем вокруг меня наступает темнота, и я засыпаю.

Глава 3

Когда я очнулся, чувствую себя как в тумане. Прикасаюсь к подбородку и понимаю, что моя кожа сшита отличными стежками. В больнице никого нет, кроме Эммы, которая при свете свечи рвет старые тряпки на бинты. Я проспал всю вторую половину дня и ужин. В панике сажусь прямо.

— Я пропустил это?

Эмма вздрагивает.

— Ты до смерти меня напугал, Грей, — говорит она, прижимая руку к груди.

— Я пропустил это? — спросил я еще раз. — Церемонию Блейна? Похищение? Оно уже прошло?

— Нет, все еще в разгаре. Но тебе нужен был покой. Я предполагаю, что ты получил инфекцию, поэтому после обработки мы оставили тебя спать. Они начали без тебя.

— Сейчас мне намного лучше, — говорю я и опускаю ноги с кровати. Я про-бую встать, но все плывет перед глазами. Мгновение, и Эмма стоит рядом со мной, кладет одну руку мне на плечо, а свободной рукой поддерживает меня. Рядом с ней я сразу чувствую себя сильным.

— Мне нужно идти, Эмма, — говорю я и поворачиваюсь к ней. Она стоит рядом со мной, и ее ресницы касаются моего подбородка. — Пожалуйста. Ты сможешь мне добраться туда?

Она молчит и затем едва заметно поднимает брови, удивленная моим желанием участвовать в церемонии. Конечно, я должен быть там. Это последний раз, самый последний раз перед окончательным расставанием. Эмма ждет, пока я смогу восстановить равновесие, и затем выводит меня из здания.

На улице темно, уже поздно. Еще минута до дня рождения Блейна. В свете луны я узнаю школу перед нами. Это здание не очень походит на школу, оно совсем небольшое, с тремя комнатами. Раньше я проводил там всю первую половину дня, писал чернилами на пергаменте, читал свитки и сидел за пультом, который шатался, если на него нажать справа. Мой почерк всегда выглядел неряшливым. Из-за этого я получал плохие отметки за письмо, особенно по сравнению с Блейном. Но какое это имеет значение? Красивый почерк не спасает от Похищения.

Сначала мы идем медленно, и, кажется, что земля качается под ногами. Но мы двигаемся дальше, насколько мне хватает сил. Хорошо чувствовать Эмму рядом, поэтому я не говорю, что могу идти дальше самостоятельно.

В центре города горит церемониальный огонь. Он освещает колокол Совета, которым открывают собрания. Рядом стоит Блейн, приветствуя каждого человека в очереди из тех, кто хочет попрощаться с ним. Он делает вид, будто это все его не касается. Ни страха, ни заботы нет в его взгляде. На матрасе рядом с ним довольно спит Кейл. Она еще слишком мала, чтобы понять, что происходит. Для нее это просто веселый праздник, и впечатления ее утомили.

Эмма убирает мою руку со своей спины.

— Справишься? — спрашивает она и сочувственно мне улыбается. Я пони-маю, что она имеет в виду не ушибы, а то, что я сейчас потеряю Блейна. Я чувствую, что должен что-то сказать, но у меня пересохло во рту. — Пойдем, — говорит она. — Встанем в очередь.

Пришел почти весь город, и, как всегда, намного больше женщин, чем мужчин. Дети, которые еще не понимают, участниками чего они становятся, бегают вокруг огня, визжа и радостно играя. Все остальные переглядываются, даже участники Совета. Сестры Даннер перешептываются и стоят настолько близко друг к другу, что их можно принять за одного человека. Клара и Стелла-Мэй нервно стоят в очереди, переступая с ноги на ногу. Совсем не переживает, кажется, единственный член Совета — Мод Чилтон. Она опирается на суковатую палку и смотрит прямо в огонь. Освещена каждая морщина ее обветренного лица и белые волосы.

Мод здесь с самого начала, точнее сказать, последние сорок семь лет. Я это знаю, потому что читал свитки, которые хранятся в нашей библиотеке. Во время основания Клейсута Мод было тринадцать. Взрослых тогда не было. Теперь Мод возглавляет Совет. Если она в хорошем настроении — это то, чем стоит гордиться. Каждый сын Мод, каждый племянник, дядя или брат погибли как жертвы Похищения. Большинство девушек, с которыми она росла, умерли от болезни или старческого маразма. Возможно, она остается такой спокойной во время церемонии, потому что больше ничего не чувствует.

Эмма и я встаем в очередь. Мы последние, но, по крайней мере, мы перед Мод, которая всегда прощается последней. Пока я жду своей очереди, наблюдаю за жителями, которые прощаются с Блейном. Некоторые берут его за руку или хлопают по плечу. Другие плачут. Саша вытирает слезы после того, как выпускает его руку, несмотря на то, что уже несколько лет не назначалась Блейну. Наконец, стоим только мы. Я пропускаю Эмму вперед.

Неожиданно пылко она подбегает к Блейну и обнимает его. Он отвечает на объятия. Они разговаривают друг с другом, но я ничего не слышу. Вероятно, это хорошо. Я не должен слышать прощальные слова Эммы. Когда они отходят друг от друга, Блейн ободряюще пожимает ей руку. Прежде чем повернуться и уйти, Эмма встает на цыпочки и целует Блейна в щеку. Я ничего не могу сделать с ревностью, которая разгорается во мне. Она

пробегают через мое тело, я завидую их поцелую и злюсь, что ей так сильно будет его не хватать. Это отвратительно, что у меня такие эгоистичные мысли, когда Блейн скоро уйдет навсегда. Почему я не могу вести себя прилично? Почему не могу сказать «до свидания»?

Моя очередь. Блейн первый берет слово.

— Привет, Грей, — он все еще одет в новую куртку.

— Привет, — больше я ничего не могу выдать из себя.

— Ты пропустил банкет.

— Все в порядке. Будут и другие.

Это верно. Для каждого Похищения проводят церемонию, и для каждой церемонии готовят праздничную еду, чтобы отвлечь нас от серьезности события.

— Ты выглядишь хорошо, — добавляю я и смотрю на него, на мое зеркальное отражение, которое отличается от меня только цветом глаз.

Сомневаюсь, что через год в это время я буду таким же спокойным. Мне не хватает его спокойной сдержанности. Возможно, я буду принадлежать к числу тех юношей, которые теряют обладание, когда Похищение подходит ближе, во время церемонии не могут держать себя в руках, и паника ломает их.

— Ну, я не могу ничего сделать, чтобы это остановить, — объясняет Блейн открыто. — Это наступит так или иначе, так что я могу только провести последние минуты со всеми.

Последние минуты. Конец.

— Мне будет тебя не хватать, Блейн, — я не могу заставить себя посмотреть на него.

— Я тоже буду по тебе скучать, но мы же скоро увидимся. То, что приближается сейчас, отличается от смерти. Думаю, что мы увидимся снова.

Он подмигивает мне. Эта веселая нотка в такую серьезную ночь застает меня врасплох, но потом мне становится ясно, что он хочет меня утешить. Это я должен его утешать вместе со всеми, кто стоял перед ним, и все равно он стоит здесь и рассказывает мне, что все будет хорошо. Он такой хороший старший брат.

Я обнимаю его крепко, и он обнимает меня в ответ. Мы не обнимаемся слишком долго, и никто из нас не плачет. Но когда я отпускаю его и отстраняюсь, внутри возникает чувство, как будто часть меня вырвана из груди.

Мод подходит к Блейну, и я хочу, чтобы она двигалась медленнее. Я не желаю, чтобы все заканчивалось, так как если она закончит, значит, время пришло. Полночь, должно быть, уже близко, и затем начнется новый день. День рождения и конца Блейна. Мод нежно обнимает его и шепчет ему прощальные слова. Затем она отстраняется. Мы ждем.

И тогда это происходит, так же, как и всегда. Земля начинает дрожать. Сначала легко, так что маленькие комки и камни ударяют по нашим ногам, и затем, только один раз, сильнее. Некоторые люди не могут удержать равновесие и падают на колени. Ветер завывает. Мир переворачивается. А затем свет. Он бьет струей с неба, как стрела легко проникает в пергамент одним плавным движением. Луч света становится шире, длиннее и таким ярким, что начинают болеть глаза.

Обычно в это время я лежу на земле, закрыв глаза от света и стараясь не видеть его. И сейчас мне плохо, Похищение всегда оказывает такое действие, но я заставляю себя стоять. Я сосредоточиваюсь на Блейне и задерживаю на нем взгляд. Несмотря на жгучий свет, он держит глаза открытыми. Но он не выглядит испуганным. Свет окружает его, как будто исходит из его тела. Он как сверкающее шоу, горящее пламя. Затем последнее колебание земли, взрыв света, и он исчез.

Землетрясение закончилось так же быстро, как и началось. Люди стоят, борясь с головокружением, выбивают из одежды пыль и облегченно протирают глаза. Мы все кашляем и стонем, пока приходим в себя, и тогда Мод кричит в толпу:

— Давайте почтим минутой молчания, — хрипит она своим сухим, ломким голосом, — Блейна Везерсби, который похищен утром его восемнадцатого дня рождения.

Глава 4

Чувства, вызванные исчезновением Блейна, похожи на те, что я испытывал, когда умерла мама, но на этот раз у меня больше никого нет. Несколько первых дней я постоянно забываю, что он не вернется. Я ловлю себя на том, что сижу, смотрю и жду, что он войдет в дверь. Или у меня возникает чувство, что он ходит по дому за моей спиной. Но когда я поворачиваюсь, там только комната, пустая и холодная.

Приблизительно через две недели, когда мне постепенно становится ясно, что это реальность, что он никогда не вернется, я ломаюсь первый и последний раз. Весь вечер я провожу в постели и рыдаю в подушку. Несмотря на то, что никто этого не замечает, я в ужасе. Я чувствую себя потерянным, как будто часть меня вырвали и выкинули, и у меня больше нет семьи. У мамы был брат, у которого был сын, но оба они уже давно похищены. Кейл еще здесь, но я не могу стать отцом, в котором она нуждается. Я не могу заботиться о ней так же хорошо, как Блейн. Но самая страшная мысль, что у меня есть всего один год. У меня год до моего восемнадцатилетия, и нет никого, с кем я мог бы провести время и поделиться мыслями.

В Клейсуге я что-то вроде белой вороны. Люди смотрят на меня с сочувствием, опускают глаза или нерешительно улыбаются. «Все в порядке, Грей?» — кажется, хотят они спросить. Я нахожу покой в лесу. Среди веток, деревьев и шишек я чувствую себя свободным: взгляды не преследуют меня, мысли не крутятся у меня в голове. Там я чувствую себя самим собой.

Лучшее во всем этом то, что я смог попрощаться с Блейном. Когда я был младше, я читал в библиотеке один свиток, в котором было описано Похищение.

Жители Клейсуга не всегда знали, что это такое. Когда случилось самое первое Похищение, никто ничего не понял до следующего утра. Тогда исчез старший брат Мод, Бо Чилтон. Он таинственным образом пропал без вести. После того, как городские леса были полностью осмотрены, его объявили мертвым, хотя его тело не было найдено. Было странно, что Бо просто исчез. Это было совершенно на него не похоже. Он был самым старшим среди первых детей, их предводитель. Он был невозмутимым, умным, ответственным.

Когда первые жители однажды открыли глаза и увидели свой город в руинах, они запаниковали. Жители подозревали сильный шторм, во время которого они потеряли сознание, но не могли вспомнить надвигающуюся непогоду. На самом деле они вообще не могли вспомнить ничего, что было до катастрофы, и, за исключением братьев и сестер, не узнавали друг друга. В одно мгновение соседи стали незнакомцами.

Бо был тем, кто позаботился об инструментах и начал заново отстраивать город, прежде чем всё погрузилось в хаос. Он привел каждого в здравый рассудок и каждому нашел задание. Через несколько месяцев город был восстановлен. На полях снова вырос урожай. Они укрепили заборы вокруг пастбища, и скот, который сбегал в лес, снова стал возвращаться в город. Бо возглавил Совет, который состоял из пяти избранных жителей. Так

как никто не мог вспомнить, как назывался их родной город, они дали ему название, которое состояло из двух слов, хорошо описывающих город: грунтовые дороги из красной глины (clay — глина) и черная пыль (soot — сажа), которая была везде, и чтобы от нее укрыться, нужно было сбежать в лес. То, что неорганизованные и напуганные дети объединились в единую команду, способную восстанавить общину, было заслугой Бо.

Когда они нашли Стену, Бо вызвался первым забраться туда, чтобы осмотреться. Но он не смог увидеть, что находится по другую сторону. Он поднялся на большой дуб в северной части леса, но оттуда смог увидеть только темноту за стенами. Бо был уверен, что туда подниматься опасно. Он пробовал отговорить других, но пара человек все равно попыталась. Вернулись только обугленные тела. Догадка Бо подтвердилась.

Его исчезновению по-прежнему не было объяснения. Но несколько месяцев спустя пропал еще один юноша, а через неделю другой. Наконец, Мод заметила, что это внезапное исчезновение происходит с юношами в определенном возрасте. Это всегда был один из старейших, и тогда она поняла, что это всегда происходит, если юноше исполняется восемнадцать.

Первый опыт провели с Райдером Фениксом. Он сидел в центре города накануне своего восемнадцатого дня рождения, все остальные сидели вокруг него и ждали. Это была первая ночь, когда они почувствовали, как дрожит земля, и увидели, как загорается небо. С тех пор они знали.

Мод убедила всех повторить опыт. В течение следующих нескольких дней рождения случилось то же самое. Юноши исчезали, за считанные секунды они были вырваны из города, и всегда в день своего восемнадцатилетия. Каждый из них был потерян, похищен, украден, и каждый раз в одно и то же время и по одному сценарию.

Как только они поняли это, некоторые юноши начали паниковать. Несколько человек пытались сбежать до наступления восемнадцатого дня рождения. Они забирались на дерево в северной части леса, которое росло достаточно близко к Стене, и с его помощью легко было перебраться на другую сторону. Но они всегда возвращались. Мертвые. Большинство мальчиков признали, что Похищение неизбежно. Мод заняла место своего брата как глава Совета и организовала первые в истории церемонии. Похищение было неизбежно, но можно было к нему подготовиться. По крайней мере, на церемонии каждый мог сказать «до свидания», то, что Мод не смогла сделать со своим братом. Во время церемонии люди могли примириться с Похищением.

На самом деле, я еще не совсем смирился с Похищением Блейна и не уверен, что когда-нибудь это сделаю. Я знаю, что борьба с последствиями Похищения — часть жизни, но потеря Блейна — это моя собственная боль. Он ушел и никогда не вернется. Мои чувства не выразить словами. Прежде всего, это просто несправедливо.

Кто-то стучится в мою дверь и вырывает меня из моих размышлений. На улице светло, уже утро, и я должен быть на охоте, но с тех пор как Блейн исчез, мои внутренние часы не работают. Я встаю с постели, надеваю штаны и иду к двери.

— Доброе утро, лежебока, — приветствует меня Челси. Ее лицо необычно свежо. Она снова выглядит здоровой, следов от моих ударов не осталось.

— Что тебе надо? — спрашиваю я сердито. Я мог бы еще полежать в кровати.

— Мод хочет встретиться с тобой.

— Это все?

— Да.

— Отлично, — я захлопываю дверь прямо перед ее носом, одна из картин на стене падает на пол. Возможно, не стоит быть таким невежливым, но я все еще не простил Челси. В отличие от Блейна я не пытаюсь ее оправдать.

Я останавливаюсь, чтобы поднять упавшую картину. На ней углем нарисовано здание Совета, ее еще ребенком нарисовал Блейн. От падения рамка сломалась. Пока я собираю осколки, замечаю, что за рисунком есть еще что-то. Пергамент грубый, но не белый, как для рисования. Я вытаскиваю его из осколков и осторожно осматриваю. Это письмо, написанное почерком, который я узнаю всегда.

«Моему старшему сыну», — начинается оно. Это мамин тщательный, чистый почерк. Я глубоко вздыхаю и читаю дальше: «Ты непременно должен это прочитать, а затем сразу спрячь письмо. Грей не должен о нем узнать. Я часто думала, как мне все рассказать вам, но потом решила, что ты должен узнать эту тайну после моей смерти. Я пишу это письмо в последние часы жизни. Я так сильно хочу сама все тебе объяснить, но я прикована к постели. Этот мир с Похищением и Стеной полон загадок и такой странный, что я никак не могла понять его. Думаю, ты поймешь, когда наступит твой восемнадцатый день рождения, почему я поделилась с тобой этой тайной. Правда или ее поиски не могут умереть вместе со мной. Ты не можешь рассказать об этом брату. Я знаю, это будет сложно для тебя, но если Грей узнает об этом, он будет искать ответы. Он поставит все на кон и рискнет тем, что ты не найдешь правду. Но ты должен. Ты должен найти истину вместо меня, потому что смерть заберет меня, прежде чем я успею разгадать тайну. И потому говорю тебе, мой сынок: ты и твой брат не то, во что я учила вас верить. Грей — это...»

Я переворачиваю письмо, но продолжения нет. Я просматриваю осколки на полу, но второй лист, который является продолжением первого, спрятан не в раме. Я читаю письмо снова и снова.

«Грей — это...» Кто я? Я бегу в спальню и распаиваю сундук, который принадлежал Блейну. Я переворачиваю одежду и старые вещи, пока мои руки не находят маленький, перетянутый крепким шнуром дневник. Я перелистываю его и останавливаюсь, когда нахожу день, в который умерла мама. Запись Блейна очень короткая.

«Картер со всем ее искусством не смогла помочь, и сегодня мама умерла. Она оставила мне странное письмо. Сначала оно напугало меня и смутило, но потом мне стало понятно, что удача благосклонна ко мне, потому что мой брат еще со мной. Грей, которого я, с каждым проходящим днем, все больше оберегаю».

Я кидаю дневник обратно в сундук, иду назад на кухню и стискиваю письмо матери в кулаке. Как они могли держать от меня в секрете то, от чего так сильно зависит моя жизнь? И что теперь? Их обоих больше нет, и я стою один в темноте без всяких объяснений. Правда, на которую так надеялась мама, после Похищения Блейна останется загадкой. Особенно для меня.

Я читаю письмо еще раз, и, когда меня переполняют чувства обиды и предательства, выбегаю из дома. Я должен убежать от письма так далеко, как могу. Но затем вспоминаю слова Челси, и понимаю, что стою перед домом Мод.

Я делаю несколько глубоких вдохов, прежде чем стучу в дверь, и слепящая ярость становится злостью, а злость переходит в глухое недовольство. Мод открывает почти сразу и приглашает меня внутрь.

Дом Мод один из красивейших в городе. Пол не земляной, а покрыт деревом. На раковине есть рычаг, при помощи которого можно накачать воду прямо в дом. Когда я

захожу в дом, чайник кипит на плите, и пахнет свежееиспеченным хлебом.

— Чаю? — спрашивает она, пока я сажусь за кухонный стол. Я отказываюсь, что, возможно, не так вежливо, как надо, и жду, пока она наливает себе чашку горячей воды и заваривает травы. Наконец Мод садится ко мне за стол и осторожно попивает приготовленную бурду.

— Вы хотели меня видеть? — спрашиваю я.

— Да, да. У меня есть имя для тебя, — я знаю, что это значит, и не хочу это слышать. Это последнее, о чем я хочу сейчас думать.

— Я думал, вы сказали, что некоторое время мне не нужно это делать.

— Прошло почти три недели, Грей, — говорит она. Пар поднимается от ее чашки, закручивается перед носом и сливается с ее белыми волосами, прежде чем зависнуть под потолком.

— Правда?

— Угу, — бормочет она утвердительно.

— Итак, кто на этот раз? — спрашиваю я. Впереди еще один месяц неловкой формальности, во время которого я открыто провожу время с девушкой, с которой, как думает Мод, я сплю, а затем пытаюсь отговорить ее от этого, если такая возможность предоставляется. Вторая часть иногда сложнее, чем я думаю, даже с потенциальным отцовством на кону.

— Если ты хотел бы встречаться с кем-то определенным, Грей, тогда все в порядке, — говорит она. — Но если мы видим, что самостоятельно ничего не выходит, тогда мы должны планировать.

Если встреча состоится не под давлением и не будет так официально организована, то возможно, все пройдет естественно. Но это у меня вызывает такие же чувства, как в детстве. Мама запрещала Блейну и мне играть с огнем, именно поэтому мы это делали. Если бы нам это не запрещали, мы, возможно, играли бы с камнями. Здесь точно так же. Огонь, который они мне предлагают, меня не интересует. Я не люблю, когда мне говорят, что я должен делать.

— В последнее время я не чувствую себя в лесу как раньше, — возмущаюсь я. — Со мной ничего не происходит.

— Хорошо, — говорит она и ставит чашку на деревянный стол между нами. — Для следующего месяца мы выбрали для тебя Эмму. Ты же знаешь Эмму? Дочь Картер, которая работает в больнице.

В моей груди образуется комок.

— Да, я знаю ее.

— Хорошо. Это все, Грей. Ты можешь идти.

Я иду, даже не поблагодарив ее. В первый раз, с тех пор как разбилась рамка, я думаю о чем-то другом, а не о тайне. Я должен радоваться этому выбору, но не радуюсь. Я не хочу встречаться с ней, потому что мне приказывают. Или она ответила бы на мои чувства, или нет. Возможно, все это неважно, и Эмма все равно отвергнет меня. Ходили слухи, что она не приняла еще ни одного из выбранных для нее партнеров и отказывала всем. Друг Блейна, Септет Тейт, который несколько месяцев назад стал жертвой Похищения, рассказывал, что Эмма врезала ему между ног, когда он не поверил, что она по-настоящему имеет в виду «нет, спасибо». Вообще-то никто ему не поверил, потому что Эмма очень дружелюбная и нежная.

Я поднимаю взгляд и понимаю, что ноги сами привели меня к больнице. Собственно я

могу покончить со всем прямо сейчас. Я толкаю дверь и вхожу. Картер с кем-то в передней части комнаты. Сквозь тонкую занавеску я могу различить оба силуэта. Эмма сидит в задней части за письменным столом и пишет что-то на пергаменте. На ней длинное белое платье, волосы небрежно подняты наверх. Несколько непослушных прядей растрепались. Нервно я провожу рукой по челке, затем иду к ее столу и сажусь на стул напротив, не дожидаясь приглашения.

— Привет.

— Привет, — говорит она и бросает на меня мимолетный взгляд. — Что я могу для тебя сделать?

— Нет, — я все еще обдумываю, что должен сказать. Возможно это не такая уж и плохая идея, прийти сюда. Может быть, мне нужно просто уйти с пути Эммы в течение следующего месяца.

— Тогда что ты делаешь здесь? — она откладывает перо и складывает руки на груди. Когда она злится, выглядит она прекрасно.

— Меня выбрали для тебя, — говорю я без надежды. Все, я сказал это.

— А! Еще что-нибудь? Хорошо. Меня это не интересует, — она снова берет перо в руки и пишет дальше.

— Да, я знаю. Я только надеялся объяснить, что мы, в самом деле, могли бы повеселиться, если следующий месяц проведем вместе.

Она смотрит на меня в замешательстве.

— Я не знаю, правильно ли ты меня понял, Грей. Мы не будем встречаться.

— Основания такие, Эмма. Я не хочу становиться отцом, не в ближайший миллион лет. Не хочу закончить как Блейн и оставить ребенка одного. И тебе не интересно. Это ты выразила четко. Но Совет все равно хочет, чтобы я стал твоим партнером, и если они будут видеть нас вместе, они подумают, что мы делаем все, что они от нас хотят, и оставят нас в покое. Возможно, я смогу их уговорить еще на несколько месяцев оставить нас вместе, и тогда тебе больше не придется отшивать еще кого-нибудь.

Некоторое время она молчит, и ее темные глаза изучают мои. Я не знаю, что она ищет и о чем думает. Она понимает все, но ее лицо ничего не выражает.

— Хорошо, — говорит она, наконец. — Договорились. Что бы ты хотел предпринять?

— Что? Сейчас?

— Да, сейчас, — она еле слышно смеется и вызывает этим боль в моей груди, толчок, который возникает, когда она смотрит на меня.

— Все равно что. Что бы ты хотела?

— Давай поедem к пруду, — говорит она и собирает свои вещи.

— Какому пруду?

— К пруду. Единственному, который есть. Тому самому, что недалеко от поля с колокольчиками.

— Это же озеро, — поправляю я ее.

— Ах, для меня это пруд. Пойдем, исчезнем отсюда, — она хватается мою руку и тянет за собой из больницы. Сегодня я не пойду на охоту.

Глава 5

Мы идем через город на юг, мимо школы, кузни и многочисленных домов, в том числе

моего, который обозначает границу города. Там, где заканчивается голая глиняная земля, кустами растет высокая трава до самого леса. Обычно я не охочусь в южных лесах. Они глинистые и влажные, а большинство живности держится в более сухих местах. Чем дальше мы продвигаемся в лес, тем мягче становится земля. Но в последнее время почти не было дождей, так что мы не проваливаемся в рыхлую землю. Когда мы достигаем густых зарослей, за которыми находится озеро, Эмма дергает меня за руку, чтобы я остановился.

— Нам туда, — говорит она и показывает направо.

— Но оно прямо перед нами, прямо за этими зарослями.

— Я знаю, но вид будет лучше, если мы заберемся на холм.

— Вид? Там нет никакого вида.

— Поверь мне, Грей. Доверься мне, — и она, не ожидая, пойду ли я за ней, идет направо между деревьями и кустами, несмотря на то, что там нет дороги. Она поднимает юбку до коленей, и я смотрю на ее ноги, пока она перебирается через упавшее дерево и валун, которые преграждают нам путь. Медленно мы преодолеваем отвесный склон. Возможно, там есть на что посмотреть.

Когда мы выходим из-за деревьев, я практически теряю дар речи. Мы стоим на холме высоко над водой. С этой точки зрения озеро выглядит довольно маленьким и узким. Длинная полоса воды скрывается за другим холмом. Вокруг нас растут колокольчики с высокими толстыми стеблями, которые достигают моего бедра. Нежные сиреневые цветы свисают пучками и танцуют на ветру. Вдали видно южную часть Стены.

Эмма идет вперед в поле к одинокой скале на холме. Фиолетовые цветы достают ей почти до плеча, но она идет дальше, и они ускользают из ее рук.

— Раньше я всегда приходила сюда с дядей, — рассказывает она мне, пока мы устраиваемся поуютней на камне. — Почти ежедневно. По крайней мере, пока... ну, ты понимаешь. Когда его забрали, мне было девять. Я не была здесь уже несколько лет.

— Отсюда озеро выглядит великолепно, — говорю я. — И, по правде сказать, оно кажется таким маленьким. Теперь я понимаю, почему ты называла его прудом.

— Видишь?

— Да, но это все равно озеро. Я просто пробую быть вежливым.

Она вздыхает.

— Ну да. Для тебя это очень тяжело.

— Знаешь, несмотря на то, что ты думаешь, я не плохой человек.

— И то, что ты сделал с Челси, не имеет значения?

— Это совершенно другое.

— Это все равно важно.

— Пусть. Но я не плохой человек. У тебя нет оснований думать обо мне пло-хо.

— Я приму это на веру до поры до времени, — она берет целую горсть травы и пускает ее по ветру.

— Тогда почему ты это сделал? — спрашивает она, глядя на меня. Солнечный свет падает на ее родинку под глазом, и похоже, будто она, в самом деле, плачет. — Почему ты сказал правду про назначение?

Я не знаю, как ответить на этот вопрос. Объяснений много. Я не хочу становиться отцом. Я ненавижу официальные назначения. Я хочу ее, но не под давлением.

— Ты сказал правду или...? — спрашивает она, когда я не даю ответа. — Ты же не собираешься позже на меня наброситься или что-то подобное? Я сильнее, чем выгляжу. Мои

руки печат, и все думают, что я такая дружелюбная и заботливая. Но я могу быть сильной, если потребуется.

— Я слышал, — я тихо смеюсь. — И да, я сказал правду.

Она вновь смотрит на меня так же, как тогда в больнице. Я так и не могу понять ее взгляд.

— Я ненавижу назначения, — говорит она.

— Я тоже.

— Сколько у тебя уже было?

— Ты не хочешь этого знать, — мне не хватит пальцев рук, чтобы пересчитать их. Хотя я давно ни с кем не спал, все равно это число больше, чем мне хочется ей назвать.

— А ты?

— Только один, — итак, слухи неверны. Эмма уже приняла однажды одно назначение.

— Помнишь Кро Феникса? — спрашивает она.

Я киваю. Он был похищен полтора года назад.

— Он мне нравился, — объявляет она. — Я имею в виду, правда, нравился. Тот месяц был так прекрасен, что я даже подумала, что так будет и дальше, и что между нами что-то есть. Не знаю, что именно. Это и впрямь было глупо. Я бы хотела и дальше с ним быть, но думаю, не было оснований для взаимности. Через две недели он встретился с Сашей Квартер, а затем исчез.

— Мы все когда-нибудь исчезнем, — говорю я. — Вот почему я это ненавижу. Я не вижу смысла в планах, когда так легко помыкать людьми. У меня есть время только до моего восемнадцатого дня рождения. Лучше я найду кого-нибудь хорошего, с кем буду чувствовать себя хорошо, и останусь с ним.

Она кривовато улыбается.

— Быть только с кем-то одним? Так долго, как назначено?

— Забудь о назначении. Делай так, как будто нет никакого назначения, нет правил, нет Клейсута, а только один единственный человек. Навсегда. Это кажется тебе смешным?

Одно мгновение царит молчание. Я знаю, что это странный вопрос, полностью гипотетический и слишком глубокий, и на короткое время я пу-гаюсь, что она высмеет меня.

— Знаешь, большинство сарычей (птица — NB) соединяются на всю жизнь, — произносит она, покусывая губы, и опускает взгляд на озеро. Оно похоже как застывшее серебро, которое извергается из земли, и долина бросает голубую тень на его глубину.

— Правда?

— Да, краснохвостые сарычи. Мой дядя и я видели их каждый год. Они воз-вращаются каждый год, и всегда те же самые пары. Если птицы могут вы-брать себе одного партнера на всю жизнь, почему мы не можем?

На мгновение я чувствую себя глупо. Я каждый день провожу несколько часов в лесу, но еще ни разу мне не попадались сарычи. С другой стороны, я даже не пытался их найти.

— Возможно, некоторые животные и находят себе пару на всю жизнь, но другие нет, — говорю я. — Может быть, нам не стоит быть похожими на птиц.

— А может и стоит.

Она так прекрасна, когда сидит вот так, играя пальцами с травой. Я спрашиваю себя, единственные ли мы люди на земле, кто хотел бы не обращать внимания на назначения и законы и найти кого-то, кто на самом деле тебе подходит. Я снова начинаю это делать: думать о чувствах в моей груди, вместо того, чтобы использовать голову. Если бы мы были

птицами, вымерли бы через несколько десятилетий, после того как все мужчины были бы похищены. Все равно я хочу, чтобы это было бы возможно, хочу, чтобы Эмма и я были бы птицами, и тогда мы могли бы улететь далеко-далеко, не оглядываясь назад.

— Ты и вправду совсем на него не похож, — говорит Эмма. Ее слова вырывают меня из моих мыслей, и я понимаю, что она смотрит на меня. Снова этот испытующий взгляд, который я не могу понять. — Я имею в виду Блейна, — объясняет она.

— Я знаю, я знаю. Он дружелюбный и очень ответственный, а я безрассудный. Он все обдумывает, а я реагирую не думая.

— Да, я знаю, но это не всегда плохо. Возможно, это хорошо — просто действовать, не забывая голову всеми этими мыслями. Если бы мы были дикими и свободными, как птицы, ты бы выжил, а Блейн — нет. Он бы слишком много думал, как все сделать правильно и всегда быть честным.

— Звучит, как будто я эгоист.

— Нет, я не это имела в виду, — она нервно вытягивает пальцы. — Я пытаюсь сказать, что не всегда просто делать то, что думаешь. По крайней мере, ты доверяешь сам себе.

— Все в порядке, Эмма, ты не должна пытаться представить меня лучше, чем я есть. Ты не должна пытаться убедить саму себя, что со мной стоит встречаться.

— Нет, я... — говорит она с расстроенным видом. — Проклятье, Грей, я просто хочу сказать, что думаю о назначении то же самое. И что это не значит быть сумасшедшим — хотеть быть птицей. И я пытаюсь извиниться, что все эти годы думала о тебе хуже, чем ты есть. Ты не такой, как Блейн, но не хуже. Возможно даже, что тебя от него отличают очень даже хорошие черты, и я только сейчас это заметила.

Она смотрит на меня своими темными глазами, большими, как лесные орехи. Что-то екает в моей груди. Внезапно мне становится жарко.

— Хочешь поплавать? — спрашиваю я и встаю с камня. Так как я хотел быть очень близко к ней, мне требовалось держать дистанцию. Это то самое слово. Что оно обозначает? Еще сегодня она говорила, что испытывает ко мне отвращение и считает меня гнусным, потому что я ударил Челси, а сейчас она любит меня. Только потому, что я следую своим чувствам?

— Купаться? — спрашивает она. — Сейчас? Не очень то и жарко.

— Делай, как хочешь, — отвечаю я и сбегая вниз по склону с цветами. Когда я достигаю берега озера, оборачиваюсь и вижу, что Эмма озадаченно смотрит на меня сверху вниз. Возможно, она все еще думает над тем, почему ее дружелюбные слова обратили меня в бегство.

— Ты идешь? — кричу я. Она пожимает плечами и встает со скалы, на которой сидела.

Я скидываю обувь, снимаю всю верхнюю одежду и иду в воду, прежде чем Эмма успевает преодолеть половину пути к озеру. Холод пронизывает меня, и у меня перехватывает дыхание. Но он освежает, и я чувствую, что снова могу дышать. Слова Эммы блекнут, пока я плаваю в озере. Я переворачиваюсь на спину и наблюдаю за облаками, плывущими по небу, когда слышу рядом с собой всплеск. Я оборачиваюсь и вижу Эмму, которая бросает в меня камешки, стоя на берегу. Она зашла в воду по щиколотки и держит в руках белый подол своего платья.

— Так ты идешь или нет?

Она качает головой.

— Вода слишком холодная.

— Трусиха.

— Ну и пожалуйста.

— Разве это не так?

Я подплываю к берегу достаточно близко, чтобы хорошенько ее обрызгать. Вода попадает на платье, и ее лицо становится бледным от испуга. Вероятно, вода для нее и правда слишком холодная.

— Сейчас ты получишь! — кричит она.

— Как это? Я же уже мокрый.

Я снова плыву к центру озера. Эмма закипает от ярости. Она стягивает платье через голову и бросает его в сторону. Затем разбегается и ныряет в воду. Она плавает лучше и быстро догоняет меня. Подплыв, она кладет руки мне на плечи и толкает меня под воду. Я слишком занят, рассматривая нижнюю рубашку, которая прилипла к ее телу, чтобы подготовиться к борьбе. Плююсь и кашляя, поднимаюсь на поверхность.

— И кто теперь трус? — хочет она знать. Ее волосы висят вниз мокрыми прядями, некоторые из них приклеились к шее. В воде они выглядят темными, почти такими же черными, как мои. Я приближаюсь к ней, но она слишком быстрая. Эмма ныряет и снова выныривает за моей спиной, откуда снова толкает меня под воду. Я пробую поймать ее, а она с легкостью уходит от моих нападков. Когда, наконец, мне удастся ее поймать, я уже четыре раза побывал под водой, а она четыре раза избежала моих нападений.

— Отлично, ты победила, — признаю я, пока мы выходим из озера. — Но в стрельбе из лука я легко тебя сделаю.

Я надеваю штаны и сушу волосы рубашкой.

— Ты ходишь каждый день на охоту, Грей. Это же нечестно, — она отворачивается от меня и одевает платье. Затем встряхивает волосы и заплетает их.

— Честно или нет, но это так.

— Прекрасно. Тогда возьми меня с собой, — отвечает она.

— Правда?

— Да. Возьми меня с собой, и тогда мы заключим пари, — она поворачивается и смотрит на меня. Там, где мокрые кончики касаются ее платья, остаются мокрые пятна.

— Договорились, — добавляю я. — Начинаем утром?

— Утром.

Мы идем домой молча. Я пытаюсь понять, почему Эмма такая милая и в таком веселом настроении. Так хорошо мы понимали друг друга, когда мне было шесть.

— Сегодня было весело, — говорит она, когда мы приближаемся к границе города.

— Да, — соглашаюсь я, — это было, как будто мы снова стали детьми.

Мы сворачиваем на короткую дорогу к больнице. Впереди я вижу Мод и Клару, которые сидят перед домом сестер Даннер.

— Возьми меня за руку, Эмма.

— Что? Почему?

— Просто возьми ее, — прежде чем она успевает возразить, я хватаю ее руку.

Ее кожа мягкая и нежная, в отличие от моих рук, которые покрыты мозолями после охоты. Я скрещиваю ее пальцы с моими и слегка сжимаю их, пока мы идем дальше. Мое сердце делает легкий скачок. Когда мы приближаемся к Мод, я замечаю, как она задерживает взгляд на наших переплетенных руках, и бросаю ей коварную улыбку, проходя мимо.

Глава 6

Следующая неделя пролетает незаметно. Утром я охочусь, а после обеда на пустом поле показываю Эмме, как нужно стрелять из лука. Мы начинаем с основ: прогиба лука, форм стрел. Я учу ее, как нужно держать лук, когда оттягиваешь тетиву, правильной позиции рук. Пару дней она трясется от нетерпения, потому что я не даю ей выстрелить прежде, чем она сможет с закрытыми глазами вложить стрелу. Когда Эмма, наконец, выпустила свою первую стрелу, она упала совсем близко, но только потому, что Эмма забыла все, что я ей объяснял. От возбуждения все вылетело у нее из головы, и она не смогла сохранять хладнокровие. В течение дня становится лучше: ее стрелы летят прямее, и целится она точнее.

Несмотря на то, что я счастлив так много времени проводить с Эммой, меня все еще преследуют слова моей матери из того письма. Я переворачиваю в доме все вверх дном в поисках каких-либо следов. Я перечитываю дневник Блейна вдоль и поперек, но это не приносит никаких результатов. Я пытаюсь, но не могу забыть о письме. Я хочу знать, что скрывали мама и Блейн. Я как воздух желаю знать правду. Все это подсознательно терзает меня.

В один из жарких дней с застойным и влажным воздухом я понимаю, что в это время Эмма сможет попасть в цель. Стрелять в чистое поле легко и удобно, но видеть определенную цель намного интереснее.

Мы идем мимо полей и лугов в восточную часть города, наше обычное место для упражнений. Я ставлю простой круг с мишенью и протягиваю Эмме несколько стрел и мой детский лук. Я давно из него вырос, но он хорошо подходит для ее сложения. Вешая колчан за спину, я слышу шорох, с которым стрела ударяется в траву. Я смотрю на Эмму и вижу разочарованное лицо.

— Ты слишком торопишься, — говорю я ей. Стрела врезалась в траву рядом с мишенью. Она хмурится.

— Когда мы просто стреляли, и я не должна была выбирать цель, это казалось таким простым.

— Без ограничений все проще. Выпрями руку параллельно земле, когда ты натягиваешь тетиву. Думай о том, как держишь лук.

Я показываю ей на моем луке, как это должно быть. Она пробует по-вторить за мной и терпит неудачу. Я сдерживаю улыбку.

— Давай покажу тебе, — я встаю позади нее, кладу руку на ту ее руку, что держит лук, а другой обхватываю ее так, чтобы взяться за тетиву.

— Теперь сосредоточься, — говорю я. — Ничего не существует, кроме цели.

Я опускаю руки и отхожу от нее. Она пускает стрелу и на этот раз попадает в цель. Она не попала в красный круг, но главное — стрела достигла цели. Она подпрыгивает от возбуждения и поворачивается ко мне.

— Ты видел?

— Конечно. Я же стою здесь.

Она вкладывает следующую стрелу и целится снова. Я замечаю, как напрягаются ее мускулы, когда она берет на мушку цель, как загораются ее глаза. Я спрашиваю себя, почему она еще не заметила, как я на нее смотрю, ни разу, с тех пор как мы начали проводить время вместе. Возможно, стрельба из лука — хороший отвлекающий маневр.

Эмма отпускает тетиву. На этот раз получается гораздо лучше, от середины мишени ее отделяет только один круг. С триумфальным криком она бросается мне на шею и обнимает меня. Я удивлен. Она такая маленькая в моих руках, несмотря на то, что она совершенно не кажется маленькой.

— Думаю, у тебя талант, — говорю я ей.

— А я думаю, что ты хороший учитель.

— Нет, я настаиваю. Через теорию и правильную стойку приходит лишь малая доля умения. Остаток идет изнутри, или ты так не думаешь?

Она идет к мишени, вытаскивает стрелы и вставляет их обратно в колчан.

— Давай постреляем на спор, — бросает она.

— Ты, правда, думаешь, что ты сможешь победить меня после того, как дважды попала в цель? — спрашиваю я скептически.

— Ах, да ладно. Это же только игра. Кроме того, ты бросил мне вызов на озере, не отказывайся.

Я ухмыляюсь.

— Прекрасно, как хочешь, я тебя предупреждал.

И мы начинаем игру: пускаем по три стрелы с тридцати шагов, затем три с пятидесяти, и наконец, один раз с семидесяти. На тридцати шагах Эмма стреляет великолепно, но на пятидесяти ее стрелы начинают отдаляться от цели. С более дальнего расстояния она промазывает полностью, и все три стрелы приземляются на землю рядом с целью. Мои выстрелы гораздо лучше, хотя я и не стараюсь. Мы собираем наши стрелы и садимся на траву. Пот выступает на наших лицах.

— Ладно, ты был прав, — подтверждает Эмма. — В стрельбе ты полностью меня обскакал.

— Я же говорил тебе, — я глотаю воды из фляжки и протягиваю ее Эмме, замечая, как капли пота катятся по ее шее и ключицам, исчезая в вырезе рубашки.

— Если я что-то тебе расскажу, обещаешь никому не говорить? — спрашивает она и возвращает мне воду обратно.

— Конечно.

Для нее я сделаю все.

— Ты уже читал свитки из библиотеки, в которых написано, как все здесь началось?

— История Клейсута? Да, я прочитал ее.

— Тебе не кажется она странной?

— В каком смысле?

— Во-первых, их воспоминания после первого шторма, когда Клейсут был разрушен, были с такими пробелами. Многие помнили, например, как работать в поле, но забыли имена своих соседей, и их собственный город и все, что они делали до того, как пришел шторм. Как такое могло случиться? И где были их родители? В рукописях нет ничего о том, что они должны были хоронить мертвых, и если взрослые не погибли во время шторма, тогда это значит, что их не было там, когда он начался.

— Ты думаешь, что родители были где-то в другом месте? — спрашиваю я.

Заявление поставило меня в тупик.

— Возможно? Я не знаю. Здравый рассудок подсказывает мне, что дети были рождены в Клейсуте матерями, которые должны были здесь жить, так как никто не пережил попытку перебраться через Стену. Но при этом это кажется невероятным, что все матери погибли во

время шторма, который пережили маленькие дети.

О таком я еще никогда не думал, но она могла быть права.

— Это невероятно, — повторяю я ее слова. — Но возможно.

Она хмурится.

— Это все равно кажется смешным.

— Вероятно, мы никогда этого не узнаем. Манускрипты могут быть неполными и с пробелами. Возможно, они пропустили погребение взрослых, потому что это для них было слишком сложно записывать.

— Да, может быть, — говорит она, но я слышу сомнение в ее голосе. Слова Эммы возвращают меня к письму и словам мамы о том, что жизнь полна загадок. Как и мама, Эмма замечала детали, которые были необъяснимы.

Я делаю еще один глоток воды. Она стала теплой, но приятно смочить губы.

— А почему я никому не могу рассказать об этом? — спрашиваю я.

— Ты же знаешь, что Совет выходит из себя, как только кто-нибудь начинает твердить, что за Стеной что-то есть. Но там просто должно что-то быть. Иначе я не понимаю, откуда взялись все эти дети. Каждое живое существо внутри этих стен имеет мать. Это невозможно, чтобы во время шторма все взрослые вымерли, дети должны были где-то иметь матерей, даже если не здесь.

Снова хороший аргумент.

— Ты так молчалив, — произносит Эмма. — Держишь меня за сумасшедшую?

Я смеюсь.

— Я не считаю тебя сумасшедшей. Совсем нет.

— И ты никому не расскажешь?

— Со мной твоя тайна в безопасности.

— Спасибо, Грей.

Она улыбается кривоватой улыбкой, которая приподнимает только один уголок рта, и с глубоким вздохом опускается в траву.

Сегодня безоблачное небо, огромная голубая поверхность, на которой нет ничего, кроме яркого солнца. Эмма устраивается поудобнее и ложится ближе ко мне. Я чувствую, как ее бедра прикасаются ко мне. Каждый мускул в моем теле кричит о том, что нужно перевернуться, прикоснуться к ее лицу и поцеловать, но я по-прежнему лежу неподвижно. То, что у нас есть сейчас, так прекрасно, что мне страшно это нарушить.

— Все в порядке, теперь моя очередь. Я хочу у тебя кое-что спросить, и ты должна пообещать, что никому не расскажешь.

— Договорились, — говорит она, все еще глядя в небо.

— Что бы ты сделала, если бы узнала, что кто-то что-то скрывает от тебя?

— Наверное, спросила бы, глядя в глаза.

— А если это невозможно? Если этого человека больше нет здесь?

— Тогда попыталась бы найти кого-то другого, кто, возможно, знает ответ. Или попыталась сама найти ответ.

— А если ты ничего не найдешь?

— Значит, ты плохо ищешь.

Я презрительно фыркаю и думаю о моей перевернутой спальне. Если объяснение и есть, оно находится не в моем доме. Но я мог бы поискать где-то еще. Возможно, как говорит Эмма, я недостаточно хорошо ищу.

— Ведет больница записи о пациентах?

— Что за записи?

— Не знаю. Что-то. Роды? Смертельные случаи? Что сказал пациент во время посещения?

— Конечно, — говорит она и поворачивается набок, чтобы смотреть прямо на меня. — Но эта информация не разглашается.

— Послушай, Эмма, мне нужно хотя бы взглянуть на эти бумаги. Это всего на пару минут.

— Какие бумаги?

— Моей матери.

— Это она что-то скрывала от тебя?

— Да. Она и Блейн.

Я знаю, что могу доверять Эмме, поэтому вытаскиваю из сумки письмо, которое преследует меня последние дни, и протягиваю ей. Ее мысли где-то далеко, пока она внимательно читает, и когда дочитывает, переворачивает лист в поисках продолжения.

— Где остальное? — спрашивает она.

— Не знаю.

— В ее бумагах этого нет, я могу сказать тебе точно.

— Но, возможно, мы найдем какой-нибудь намек.

Я беру письмо, складываю и убираю назад в сумку. Чувствую, что между глаз начинает появляться боль и пощипывание во внутренней части носа.

— Я, правда, не думаю, что мы что-то найдем, — говорит Эмма и садится.

— Все равно мы должны попробовать. Я должен знать, о чем она там пишет, иначе я потеряю еще и рассудок.

— Понимаю. Рано утром у моей матери осмотр на дому, и мы можем посмотреть, но надо все делать быстро.

— Спасибо, Эмма.

Она встает и протягивает руку.

— Нам нужно вернуться назад. Сегодня вечером церемония для Мохассита, и банкет скоро начнется.

— Ах. Я совсем забыл.

Еще один юноша, которому исполняется восемнадцать, еще одна жизнь будет потеряна. Я не друг Мохассита, но я хорошо его знаю по рынку. Он работает на полях, пасет коров и овец. Мохассит худой и болезненный, он болеет чаще, чем другие в Клейсуге. Ему не везло с самого начала, и все равно он смог все преодолеть. К сожалению, я знаю, что предстоящее сегодня он не преодолеет.

Мы собираем наши вещи и идем назад в город. Когда мы добираемся до моего дома, солнце уже клонится к закату. В то время как мы приближаемся к колоколу Совета, становится ясно, что что-то не так. Люди как обычно собрались, но в группе царит молчание. Никто не сидит у огня и не наслаждается едой. Вместо этого все стоят там как вросшие и смотрят вниз туда, где заканчивается охотничья тропа. Эмма и я следуем за их взглядом и застываем.

Двое подростков идут из леса с носилками. На них лежит черное обугленное тело того, чье лицо сожжено до неузнаваемости. Но мягкое, тощее тело, без сомнения, того, кто сегодня испытал счастье за Стеной. Вероятно, он не появился к банкету, и тогда послали

поисковую группу. И она нашла его где-то у подножия Стены, там, где появлялись и остальные, кто пытался перебраться через Стену. Мертвые. Сегодня начнется не Похищение, а траурная церемония.

Глава 7

Проходит немного времени, и начинается траурный праздник. Мод разжигает костер, и юноши, которые принесли тело, один из них брат младший брат Мохассита, положили тело в огонь. Эмма стоит рядом со мной, взяв под руку слева. Саша должна быть где-то рядом, так как Кейл нашла нас в толпе и взбирается по другой моей руке. Я прижимаю ее к груди, и она утыкается лицом мне в шею. Люди опускают головы. Друзья и члены семьи плачут. Когда встает Мод, замолкают все.

— Почтим минутой молчания Мохассита, — торжественно выкрикивает Мод, — который накануне своего восемнадцатого дня рождения погиб за Стеной.

Я склоняю голову, но молчание не наступает. Один голос прорывается через толпу.

— Его убило Похищение! — истерично кричит кто-то. — Не Стена убила его, а Похищение!

Силуэт появляется рядом с колоколом. Это мать Мохассита. Она еще меньше и слабее, чем был ее сын, и утопает в своей коричневой тунике.

— Может, его и убила Стена, но виной всему является Похищение, — добавляет она. — Они все. Исчезли они, сбежали и погибли, мы теряем их из-за этого проклятого Похищения. Я проклиная Похищение и это место, потому что оно забирает наших юношей. Я ненавижу это место. Я ненавижу!

Она просто расплзается. Она выталкивает из себя слова в паническом крике вперемешку с икотой, затем оседает на землю и дрожит как ребенок, пока ее живой сын не берет ее на руки, будто бы он и есть мать, и не утешает ее. Эмма прячет лицо на моем плече. Мой рукав намокает, и я понимаю, что она плачет.

— Смерть — часть жизни, точно так же и Похищение является ее частью, — объясняет Мод. — Возможно, мы этого не понимаем, находим это неправильным. Но если мы проклинаяем место, которое называем домом, мы не сможем жить в мире с нашим образом жизни, и воспоминаниями о тех, кто покинул нас. Мы хотим помнить о Мохассите и о радости, которую он подарил нам.

Мама Мохассита торопливо кивает. Ее сын все еще обнимает ее.

— Минута молчания, — говорит Мод, и на этот раз собравшиеся опускают головы в молчании.

Затем люди выходят вперед, чтобы сказать несколько слов о Мохассите: воспоминания, слова благодарности, о том, что им будет его не хватать. Кейл между тем засыпает, а моя рука немеет. Мне нужно пересадить ее на другую руку, и для этого мне приходится потревожить Эмму. Она вытирает слезы, улыбается мне и проводит рукой по белокурым локонам Кейл. Это так странно, стоять здесь втроем. Почти красиво. Почти как семья. Я спрашиваю себя: если бы мы жили другой жизнью, в другом месте, где нет Похищения, может быть, я даже захотел бы стать отцом?

Когда Траурная церемония подходит к концу и костер затухает, солнце уже давно зашло. Люди начинают расходиться домой. Саша находит нас и забирает Кейл, а затем приглашает нас что-нибудь выпить вместе. Мы принимаем приглашение, так как подавлены

этим вечером. Саша укладывает Кейл спать, приносит кувшин пива и ставит три больших кружки. После нескольких кругов в «Правда или ложь» мы забываем о траурной церемонии и хихикаем навеселе.

— То, что ты подпалила свои волосы, когда во время назначения пыталась затушить свечи. Это ложь, — предполагает Эмма, обращаясь к Саше.

— Ни в коем случае, — вмешиваюсь я. — Я считаю, что это история, что в детстве ты так наелась клубники, что целую неделю болела. Я знаю, что ты ненавидишь ягоды и никогда их не ешь.

Саша тихо смеется.

— Вы оба заблуждаетесь. Я ненавижу ягоды из-за детской болезни, и вовремя моего первого назначения сожгла половину своих волос.

Эмма и я удивленно стонем.

— И что же тогда была ложь? — спрашивает Эмма.

— Что я не могу лазить по деревьям. Я знаю, что не очень-то спортивная, но на дерево могу забраться на дерево легко.

Эмма и я обмениваемся сомневающимися взглядами.

— Ох, успокойтесь вы оба. Я покажу вам, когда на улице будет, не так темно... и не после такого количества пива. Давайте пейте, — мы слушаемся и опустошаем наши кружки.

Мы с Эммой почему-то плохо играем в эту игру, а Саша, чья кружка еще наполовину полная, очень хорошая обманщица. Мы играем еще пару кругов, во время которых я узнаю, что у Эммы огромный страх перед родами. Кровь и кишки ее не пугают, но появление человека на свет пугает ее до смерти. А Саша сообщает, что она полная катастрофа как повар, несмотря на то, что продает приправу на рынке. Когда Эмма и я выходим от Саши, наши головы кружатся, и дорога домой, после стольких кружек пива, кажется гораздо сложнее.

Я провожаю Эмму домой. Мы оба идем зигзагом по грунтовой дороге, как сухие листья на ветру. Эмма напевает что-то под нос и кружится, вытянув руки в стороны. Когда она закидывает голову, чтобы посмотреть на звезды, спотыкается и ударяется коленом об каменную лестницу, которая ведет к ее дому.

— Посмотри, у меня идет кровь! — объявляет она почти весело. Нет ничего радостного в том, что она поранилась, но я все равно улыбаюсь.

— С тобой все в порядке? — спрашиваю я и осматриваю кровь на ее колене.

Она кивает.

— Хм... Совсем не больно.

Удивительно, что пиво делает с некоторыми, кружит голову и приглушает чувство самосохранения.

— Давай, — говорю я и протягиваю ей руку, чтобы помочь.

Она легче, чем кажется, так что я нечаянно притягиваю ее к груди. Она стоит здесь, руки лежат на моей груди, и смотрит на меня. Кажется, что все вокруг кружится, все, кроме нее. Это от пива, или ее мир не кружится? Я беру ее руки и обдумываю, должен ли что-то сделать. Но мы просто стоим, переплетя пальцы, и смотрим друг другу в глаза. Где-то хлопает дверь, и мы отрываемся друг от друга.

— Н-да, — говорит Эмма и убирает прядь волос за ухо. — Увидимся утром? Встретимся в больнице?

— Конечно, если мы оба этого хотим.

— Все в порядке.

Она дарит мне ухмылку, еще один вид улыбки, который я не могу понять. Она кажется растерянной и счастливой одновременно. А затем проскальзывает в дом и закрывает дверь, прежде чем я успеваю пожелать ей доброй ночи.

Глава 8

Следующим утром я просыпаюсь с похмелья и очень слабым. В висках стучит, и во рту пересохло. Постанывая, вылезая из кровати. Я съедаю немного хлеба, который еле удерживается внутри. Наконец я оставляю попытки что-нибудь съесть и брызгаю водой в лицо. Я сижу за столом, голова на деревянной столешнице, глаза закрыты.

Сделает ли она вид, что ничего не случилось? Вспомнит ли она вообще о той секунде, когда явные чувства проскочили между нами? Я это помню, но, возможно, вся эта магия только в моей голове. Скорее всего, алкоголь ввел меня в заблуждение. Или я чувствую что-то, потому что всегда смотрю на все через чувства. Без чувств я не знаю, что должно меня остановить. Так или иначе, могло ли вчера случиться что-то большее, если бы не хлопнула эта дверь?

Возможно, даже хорошо, что ничего не случилось. Детали и без того затуманились, и границы между реальностью и фантазией утонули в темных уголках моего расстроенного с похмелья мозга. Я охотно вспоминаю время, проведенное с Эммой. И мне нравится, что мои воспоминания настоящие и правдивые. У пива есть одна особенность — превращать все в слепящую иллюзию.

После очередной успешной попытки съесть хлеб я надеваю чистую одежду и иду на улицу. Я подхожу к больнице, где нет никого, кроме Эммы. Она находится в задней части комнаты и проверяет высокие стеллажи, которые вмещали сотни пергаментов.

— Доброе утро, — ободряюще кричит она, сияя.

Видимо пиво не подействовало на нее как на меня, разрушая действительность.

— Доброе утро.

Я опускаюсь на стул и потираю виски. Она протягивает мне отвратительно пахнущий пучок трав, который выглядит так, как будто состоит только из сорняков.

— Это поможет от головной боли. Моя прошла.

Значит, она все-таки чувствовала себя плохо утром. На вкус трава еще хуже, чем выглядит, но я заставляю себя ее проглотить, и через пару минут головная боль, в самом деле, проходит. По-видимому, я выгляжу гораздо лучше, потому что Эмма плюхается на стул, который стоит напротив меня, и бросает мне один свиток.

— Это ее бумаги, — объясняет она.

Мне кажется свиток очень маленьким, и я подавленно смотрю на Эмму.

— Больше ничего нет, — добавляет она.

Я разворачиваю пергамент, ставлю глиняный стакан на край, чтобы он не свернулся. Эмма и я склоняемся над ним и начинаем читать. Все записи — это длинный список: даты с сопутствующими заметками, которые вносили Картер и разные ее помощники за прошедшие годы. На самом верху стоит имя моей матери, Сары Бурке:

«11 год, 3 января: родилась здоровой. Мать Сильвия Кейн.

14 год, 10 февраля: проведен осмотр из-за сильного кашля.

14 год, 13 февраля: снова из-за кашля проведен осмотр, пациент идет на поправку.

21 год, 14 августа: вследствие падения сломано запястье, наложен гипс.

29 год, 23 июня: родила здорового мальчика (Брейн Везерсби)

30 год, 23 июня: родила больного мальчика (Грей Везерсби), требуется дополнительный уход.

44 год, 8 ноября: проведен осмотр, высокая температура и кашель.

44 год, 1 декабря: поставлен диагноз воспаления легких.

44 год, 21 декабря: состояние ухудшается, уход на дому.

55 год, 27 декабря: пациент умер».

На этом записи заканчиваются. Ни одна запись не углубляется, нет ни-каких заметок по краям. Я убираю вес с документа, и он сворачивается обратно.

— Я же сказала: не думаю, что ты что-то найдешь, — говорит Эмма уныло. — Мы не ведем особенно детальных заметок, только то, что очень важно, что отразится на генеалогическом древе пациента.

— О, отличная идея. Можно, я сверю эти данные с моими? И с данными Блейна?

— Я не понимаю, что это тебе даст.

— Пожалуйста. Это не может быть все.

Эмма вздыхает, но снова подходит к полке и вытаскивает два пергамента. В пергаменте Блейна стоит только две заметки: о его рождении, как в документах нашей матери, и о его Похищении. В моем же после даты рождения, ровно на год позже, чем у Блейна, еще дюжина заметок. Первые тринадцать документируют посещения на дому, когда я был больной, слабый маленький ребенок. Я читаю следующие заметки, которые описывают мои прошлые посещения больницы из-за ранений на охоте и несчастных случаев, и думаю, насколько Блейн был здоровее меня. Тут Эмма прерывает мои размышления.

— Грей? — я поднимаю взгляд и вижу, что она сидит за столом Картер. — Ты должен это увидеть.

— Что это?

— Ты что-то сказал о том, чтобы сравнить заметки, и я подумала, что должна проверить пару заметок моей матери.

— Она ведет личные заметки?

— Ее тетрадь для личных посещений, — она поднимает обтянутую кожей книгу, на которой стоит 29 год. — Она берет их с собой, вносит всю важную информацию, а затем вносит в пергамент. Так ничего не забывается и не теряется, если в день у нее много визитов до того, как она вернется в больницу.

— Супер, давай посмотрим, — говорю я.

Эмма медлит и сжимает губы, как будто хочет что-то сказать, но молчит. Она переворачивает страницу и передает, наконец, мне книгу в протянутые руки.

— Прочитай это.

Я осторожно беру тетрадь, и когда мой взгляд падает на слова, я внезапно понимаю, почему Эмма так потрясена. Не сразу могу понять слова, которые стоят передо мной: «29 год, 23 июня: на свет появились близнецы (Блейн и Грей Везерсби), оба здоровы».

Я застываю. Трясу головой. Этого не может быть. Какое-то сумасшествие. Я читаю заметку еще раз и встаю на колени, держа книгу в руках. Не могу понять, злюсь я или удивлен. Скорее чувствую себя опустошенным. Потрясенным.

Вероятно, это объясняет очень многое. Почему мы выглядели настолько похожими. Почему у меня было чувство, что часть меня потеряна, когда его забрали. Почему мы могли

читать мысли друг друга, прежде чем слова слетали с губ. Это объясняет многое, и я могу это понять. С точностью до мельчайшей детали.

— Если это правда, ты просто не мог бы находиться здесь, — говорит Эмма. — Если вы с Блейном были близнецами, тогда тебе уже восемнадцать, а значит, несколько недель назад ты должен был быть похищен. Вместе с ним.

— Я знаю, — это часть, которая не имеет смысла, элемент, который я не могу исследовать.

— Возможно, эта запись ошибочна, — предполагает она.

— Почему она должна быть ошибочной? Записала бы твоя мама что-то, что в действительности не происходило?

— Нет, — соглашается она. — Но почему она что-то записывает в свою тетрадь, но по возвращении в больницу вносит в документы Сары что-то совершенно другое?

— Не имею понятия.

— Ты думаешь, это то, что твоя мама хотела рассказать в письме к Блейну? Что вы близнецы?

Я думаю о последних словах письма, которое уже знаю наизусть после того как читал его снова и снова. «И потому говорю тебе следующее, сынок: ты и твой брат не то, во что я учила вас верить. Грей — это...»

Грей — это твой брат-близнец. Должно быть, это так. Идеально подходит. Это и есть ответ, который я искал, тайна, которую прятали от меня. Я понимаю это как факт. Одна мысль охватывает меня и проникает в мозг через каждую клеточку моего тела. Я его близнец и по-прежнему здесь — единственный юноша, который после наступления восемнадцатого дня рождения избежал Похищения. Но почему? Потому что мой возраст хранился в тайне?

— Мы должны спросить твою мать, — наконец, говорю я. — Она же вписала эту запись в тетрадь, и я хочу знать, почему она изменила запись в документах.

В панике Эмма трясет головой.

— Нет, мы не можем. Тогда она узнает, что мы копались в ее личных записях.

— Эмма, это имеет огромное значение. Возможно, мне уже восемнадцать, и каждый заслуживает знать, что меня не забрали, — я чувствую, как мое сердце стучит все быстрее.

— Но это же ключевой возраст, Грей, — говорит Эмма опечаленно. — Если бы тебе вправду было восемнадцать, тебя бы похитили. Запись ошибочна.

— Если мы спросим твою мать, мы будем знать точно.

— Что вы хотите у меня спросить? — Картер стоит в дверях больницы и держит в руках свою большую сумку.

— Ничего, — бросает Эмма быстро. — Грей и я только что пришли, чтобы уйти с солнца.

Затем она хватается за руку и тянет к выходу. Когда Картер поворачивается к ней спиной, Эмма оставляет тетрадь на столе.

Глава 9

Большую часть двух следующих дней я провожу в лесу наедине со своими мыслями. Я забираюсь на северный склон, чтобы просто посмотреть на Стену. Я думаю, ответы на мои вопросы находятся по ту сторону. Они разрываются внутри меня и призывают перебраться через Стену. Они говорят мне, что все, что я хочу знать, лежит сейчас по ту ее сторону. То,

что там может быть больше, чем кто-то из нас знает, начинает сводить меня с ума. Что, если Похищение — это не то, что мы о нем думаем, неизменное и неизбежное, как смерть от старости? Не я ли живое доказательство, что на самом деле происходит что-то большее?

Если я не брожу по лесу, то сижу с пергаментом. Снова и снова я читаю письмо моей матери. Я ищу в библиотеке и изучаю каждый исторический манускрипт. Я вновь прокручиваю разговор с Эммой в лесу и постоянно думаю о Блейне, как он при прощании подмигнул мне. Хотел он что-то этим сказать?

Чем дальше я сижу так, погруженный в мысли, тем сильнее убеждаюсь, что здесь что-то не так. И даже Клейсут. Все кажется вывернутым наизнанку: Похищение, Стена, первые дети. Как такое может быть, что люди живут во вновь отстроенном городе и не могут вспомнить, как они сюда попали? Как они сюда попали через Стену, которой обнесен город? И почему Похищение забрало каждого восемнадцатилетнего юношу, но не меня? Часами я спрашиваю себя, почему никто другой не спрашивает обо всем этом? Но ведь я сам только сейчас начал задавать вопросы.

Тихим безветренным утром я иду с расспросами к Картер, не ставя Эмму в известность. Я сижу перед ее столом в больнице и неторопливо спрашиваю, являюсь ли я близнецом Блейна. Она невозмутимо смотрит на меня.

— Почему ты сделал такие выводы?

— Не знаю, — говорю я. — Я так скучаю по нему. И мы так похожи. Может быть, я просто схожу с ума от одиночества.

— Наши двери всегда открыты, если тебе нужно поговорить, — добавляет она мягко.

Затем она объясняет, что я появился на свет ровно через год после Блейна, и я ни в коем случае не близнец. Это злит меня, потому что я полностью убежден в том, что она знает правду и записала ее в блокнот. Почему она не бежит по городу и не кричит, что один из юношей, достигнув восемнадцатого дня рождения, избежал Похищения? Почему она решила держать это чудо в тайне? Я боюсь, что это написано на второй странице письма, которой я никогда не найду. Когда я покидаю больницу, у меня больше новых вопросов, чем ответов.

После обеда, когда Эмма и я сидим у меня дома и в неясном свете солнца играем в шашки, мое терпение лопается.

— Я должен что-то предпринять, Эмма, — говорю я. — Я не могу просто так здесь сидеть и надеяться, что ответы на мои вопросы свалятся мне на голову из ниоткуда.

— Что ты можешь сделать?

— Не знаю. Найти Блейна. Узнать правду.

— Что ты имеешь в виду под «найти Блейна»?

— Когда последние два раза был в лесу, я был вот так близко к тому, чтобы перелезть через Стену и пойти его искать.

Я поднимаю руку и показываю один-два сантиметра.

— Искать его? Но что ты будешь искать? Он не просто пошел прогуляться за Стеной. Он был похищен.

— Но в том-то и дело, Эмма. Если перебраться через Стену, что-то непременно убивает тебя, а это значит, что там что-то есть. Должно быть что-то еще, кроме Клейсута.

— Ты умрешь, Грей, как и все остальные, — говорит она.

— Может быть, и нет. По крайней мере, я пережил Похищение. Возможно, переживу и Стену.

— Обещай мне, что ты не сделаешь этого, Грей. Пожалуйста. Я понимаю, ты имеешь в

виду, что это даст какое-то объяснение. Я чувствую что-то подобное, когда думаю о первых детях. Но то, о чем говоришь ты, сумасшествие. Это самоубийство.

— Ну а что, если там есть что-то еще? Что, если нам нужно только перебраться через Стену, вместо того чтобы провести всю жизнь здесь, потому что мы боимся попробовать?

Она встает и идет вокруг стола. Прежде чем я успеваю понять, она садится мне на колени так, что ее спина упирается в шахматную доску, а ее лицо напротив моего. Она смотрит на меня и убирает прядь волос с моих глаз. Она ничего не говорит, но я так сосредоточен на ее руках, что это меня не волнует. Она проводит рукой по контуру моего лица и слегка касается кончиками пальцев подбородка. А затем медленно придвигается ко мне и целует. Она точно знает, что должна делать, чтобы перетянуть меня на свою сторону и подчинить своим желанием. Я прижимаюсь к ней, и каждый сантиметр моего тела просыпается к жизни.

Ее губы мягкие, но сухие, а волосы пахнут рыночным мылом. Я отвечаю на ее поцелуй, и мои руки начинают двигаться по ее спине. Я еле сдерживаюсь, чтобы не взять ее на руки и не отнести в спальню, когда она ослабевшими руками нажимает на мою грудь. Я открываю глаза и вопросительно смотрю на нее.

— Обещай мне, — просит она. — Обещай мне, что не натворишь глупостей.

— Ты знаешь, что я не могу тебе такое обещать, Эмма. Я постоянно делаю глупости. Это Блейн — тот, кто думает.

— Меня волнует не Блейн, а ты.

— Хорошо, могу обещать тебе: если я буду стоять на грани, чтобы сделать глупость, ты узнаешь об этом первой, прежде чем я это сделаю.

— Как всегда с оговоркой — если ты считаешь это глупостью.

— Да, с таким ограничением.

Я целую ее снова. Во второй раз мои руки пробираются к ее спине, но когда я начинаю обнимать ее, она смеется и сползает с моих коленей. Когда она включает кипятильник и улыбается мне через плечо, я не могу понять, как она может быть такой спокойной. Моя грудь все еще часто поднимается и опускается, и тело словно пропитано электричеством.

— Знаешь, возможно, ты все преувеличиваешь, — предполагает она. — Возможно, твоя мама на самом деле родила тогда близнецов, но второй мальчик умер. И потом, годом позже родился ты, и она назвала тебя в честь него. Ты можешь быть на год младше Блейна.

— Но смерть ребенка должна быть записана в пергаменте моей матери. И тогда я был бы записан как третий.

— Или документы не полные, — настаивает она. — Ты сам это сказал, когда мы разговаривали об основании Клейсута.

Я смотрю на нее, приподняв брови.

— Это другое.

— В каком смысле?

— Без понятия. Просто так.

— Возможно, тебе надо поговорить с Мод, Грей. Только она может тебе помочь, если на твои вопросы вообще есть ответы.

— И что, скажем ей, что мы шпионили в больнице и читали личные записи, и я не понимаю, почему меня до сих пор не забрали, несмотря на то, что мне восемнадцать?

— Мне кажется, что это гораздо безопаснее, чем перебраться через Стену.

Я ловлю себя на том, что смотрю на ее волосы, волнистые от влажного воздуха, и

понимаю, что она самое прекрасное, что я когда-либо видел.

— Ты такая умная, Эмма, ты знаешь об этом?

Она краснеет и протягивает мне чай.

Позже, после того как несколько часов проворочался в кровати в по-пытках уснуть, я сижу за столом и думаю о предложении Эммы. Может быть, есть возможность получить информацию от Мод, не говоря ей о наших поисках в больнице. Я мог бы сказать, что прочитал обе части письма матери и оттуда узнал, что я и Блейн близнецы. Еще до того как я успеваю решить, плохая это идея или хорошая, надеваю куртку с капюшоном и выхожу под дождь.

Несколько раз я стучу в дверь Мод, но она не открывает. Наверное, она спит, но я все равно пробую еще раз. На этот раз от моих ударов дверь слегка приоткрывается внутрь. Осторожно открываю ее ногой. Кухня пуста, но из спальни пробивается слабый мерцающий свет, который придает комнате жуткий голубой отсвет.

— Есть кто? — прежде всего, чтобы уйти с дождя, спрашиваю я. — Мод?

Все еще нет ответа. Я осторожно прохожу через кухню, и тогда слышу это: приглушенные голоса в спальне.

— Остальные события? — это голос мужской и такой тихий, что я еле-еле могу его слышать.

— Ничего необычного, — говорит Мод.

Я заглядываю в щель и вижу, что Мод стоит ко мне спиной. Она стоит лицом к странной светящейся части стены спальни. Я наклоняюсь, чтобы выяснить, с кем она разговаривает, но наступаю на плохо прибитую половицу, и она скрипит под моим весом.

Мод разворачивается и, когда видит меня, прищуривает глаза. Она быстро встает, намного быстрее, чем я от нее ожидал, и закрывает шкаф, из которого идет свет. Я отступаю назад и уже хочу выскочить из дома. Но она идет прямо ко мне, и я понимаю, что побег не имеет смысла.

— Что ты здесь ищешь? — она тяжело дышит и входит на кухню, опираясь на палку. Она не кажется разозленной, скорее испуганной.

— Я хотел поговорить с вами, — я осматриваю комнату позади нее. — С кем вы разговаривали?

— Ни с кем, — отвечает она. — Я была занята тем, что делала заметки для утренней встречи с главой Совета, и иногда я говорю вслух.

— Но я слышал мужской голос, — я снова вытягиваю голову и смотрю мимо нее в спальню.

— Ты ничего такого не слышал, — резко отвечает она.

Но я слышал. Я знаю, что я видел и слышал. Теперь я уже не могу доверять Мод, которая, как казалось, возглавляет наш народ и показывает нам путь. Добавился еще один непонятный элемент, и это случилось очень быстро.

— Я лучше пойду, — говорю я ей.

— Иди, но нехорошо вторгаться в чужие дома.

— Я ухожу не только из вашего дома, — объясняю я. — Клейсут. Я ухожу из Клейсута.

— Не торопись. Ты знаешь, что на другой стороне ничего нет.

— Я не тороплюсь. Но я не доверяю вам. Я не доверяю этому месту. Слишком много во всем этом странного, и если на мои вопросы здесь нет ответов, тогда я поищу их где-нибудь еще.

Я отступаю от нее и иду к двери, но она хватается мою руку. Хотя ее руки и кажутся такими хилыми, ее хватка удивительно крепкая.

— Не будь глупцом, Грей, — говорит она спокойно, — ты не найдешь за Стеной ответов, потому что умрешь.

— Но мне восемнадцать! Это может все изменить.

Пальцы Мод еще крепче сжимают мое запястье.

— Восемнадцать? О чем ты говоришь? Ты потерял разум?

— Мы были... и есть близнецы, — говорю я и вырываю руку. — Я не могу здесь остаться. Я просто не могу.

Я дохожу до двери и выхожу под дождь.

— Подожди! — кричит она, но я не слушаю ее.

Когда я бегу по затопленным улицам, она что-то кричит мне в спину. Я не понимаю, но это похоже на «останься» и «пожалуйста». Я бегу прямо к дому Эммы и стучу в дверь, так как обещал сказать ей, если решусь на глупость. И хотя это не кажется таким уж глупым, я знаю, что это опасно. Но у меня нет выбора. Моя единственная надежда узнать правду лежит за пределами Клейсуга.

— Грей, — говорит Эмма, открывая дверь. — Уже середина ночи. С тобой все в порядке?

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Хорошо, — произносит она, зевая. — Заходи.

— Нет, мне правда нужно поговорить с тобой, — я говорю спокойно и сосредоточенно, но она непонимающе смотрит на меня.

— Выходи сюда, — рычу я, хватаю руку Эммы и вытаскиваю ее на улицу, чтобы наш разговор не разбудил Картер.

— Ой, Грей! Что с тобой творится?

— Я должен уйти.

Она смотрит на меня удивленно.

— Уйти? Почему ты должен уйти? Куда ты идешь?

Я рассказываю ей про Мод, и про голос, который доносился из ее спальни. Я признаюсь, что не могу больше доверять Мод в таких вопросах, как Похищение и Стена.

— Пожалуйста, иди домой и выспись. Мы можем поговорить об этом утром, — уговаривает меня Эмма. — Ты не можешь сейчас ясно думать.

— Утром я не буду этого чувствовать. Я не могу больше здесь оставаться, Эмма. Все перепуталось, и мне нужны объяснения. Если они будут в виде моей смерти за Стеной, тогда, по крайней мере, я буду знать, что, кроме этого места, больше ничего не существует.

— Я не понимаю, почему ты это делаешь.

Она почти плачет. Я смотрю на нее, замечая каждую мелочь. Движения, как она моргает, родинки на ее щеке. Я хочу все это запомнить, так как смотрю на нее в последний раз. Еще один последний раз.

— Тебе не нужно это понимать, — говорю я. — Я делаю это для себя, потому что это для меня важно. Мы говорили об этом, когда были на озере. Я думаю о себе, о моих желаниях и потом действую. Я должен узнать правду, и я ее узнаю. Я не могу прожить всю жизнь, ничего не понимая.

— Пожалуйста, Грей. Не будь таким эгоистом, — она отчаянно хватается меня за руку.

— Я должен, — отвечаю я.

Я не уверен, вправду ли это так. Но я так чувствую. Каждая часть моего тела кричит, что это единственный путь, и больше не нужно ничего. Мои чувства всегда оправдывали мои поступки.

— Грей? — шепчет она.

— Если я пережил Похищение, кто сказал, что я не смогу выжить, перебравшись через Стену? Я вернусь. После того, как найду несколько ответов. Обещаю.

Затем я беру в руки ее лицо и целую, прежде чем она успевает возразить. Она отвечает на мой поцелуй и крепко держит меня за запястья. Становится ясно, что, когда мне, наконец, удалось хоть немного приблизиться к Эмме, я бегу прочь. Я освобождаюсь от ее рук, прежде чем она сможет поменять мое мнение своими губами. Она остается стоять одна. Пока я бегу домой, ее ночная рубашка развеивается на ветру.

Я кладу еду и воду в охотничью сумку. Нахожу лук и стрелы. Мне не нужно долго думать, такое чувство, что мое тело готовилось к этому всю жизнь. Я спокоен и совсем не волнуюсь. Я не чувствую ничего, кроме теплого дождя, который струится по моей коже, когда я с факелом в руках покидаю дом.

Тихо и темно в начале тропы. Затем вдруг сверкает молния и освещает местность, которую я оставляю. Я держу факел над головой и осматриваю все вокруг в последний раз. Пламя потрескивает от дождя. А затем я поправляю сумку и начинаю свой путь, не оборачиваясь на север.

Часть 2. Стена

Глава 10

Я никогда раньше не боялся в лесу, но сегодняшняя ночь щекочет мне нервы. Это не темнота и не грохочущий гром, и не предчувствие смерти. Это ответы, которые зовут меня по ту сторону Стены. Блейн сказал бы, что я потерял рассудок. Возможно, это и так. Может, и стоит сойти с ума, чтобы узнать правду.

Когда я достигаю Стены, она кажется более угрожающей, чем мне казалось. Я прикасаюсь к ней рукой. Камень холодный и гладкий, как речная галька. Сквозь дождь, который капает с моих ресниц, я смотрю вверх, пытаюсь рассмотреть вершину Стены. Молния освещает небо, и всего секунду я вижу одинокую ворону. Она сидит на Стене, и ее гладкие перья блестят от дождя.

Позади меня что-то двигается, и ломается ветка. Я всматриваюсь сквозь дождь, но мой факел высвечивает только падающие капли. Я сосредоточиваюсь на дереве, огромной сосне, ветки которой достигают самого верха Стены, чтобы послужить мне своеобразным мостом, и начинаю забираться наверх.

С факелом я продвигаюсь очень медленно, но он мне нужен. Я забираюсь выше того места, до которого я забирался ребенком, когда надеялся заглянуть за Стену. Я добираюсь до ветки, которая протягивается до Стены и свисает за нее. На ней, вероятно, я смогу удержаться на ногах. Вскоре я забираюсь на Стену и смотрю в темную пустоту на той стороне. Там невозможно ничего разглядеть даже с помощью факела. Только черный туман, такой густой и тяжелый, что можно поверить в то, что он убивает. Какое-то время я сижу на Стене, тяжело дыша. Мое сердце бьется очень быстро. Я пробую успокоиться, но ничего не помогает.

Некоторое время я думаю над тем, что нужно спуститься с дерева и вернуться назад в город. Должно быть, я сошел с ума, если думаю, что смогу это сделать. Еще никто не выжил, перебравшись через Стену. Но всего пару дней назад я считал, что никто не может пережить Похищение. И ответы ждут на той стороне. Мне нужно только спуститься туда.

Ворона рядом со мной ощетинивает перья, как будто разозлившись на мое тяжелое дыхание и нерешительность. Она наклоняет голову вбок и каркает на меня. А затем летит в темную пустоту, как будто хочет мне показать, что это просто. Ее черные перья сливаются с пустотой. Достаточно долго я смотрю туда, куда она исчезла.

Наконец я следую примеру вороны. Я закрепляю факел на сумке, чтобы освободить руки, и перекидываю тело через Стену. Ее другая сторона такая же гладкая. Ни трещин, ни выступов, чтобы помочь мне в спуске. Поэтому я вишу на руках, опускаюсь как можно ниже и прыгаю. Когда я приземляюсь, мои колени подгибаются, и острая боль пронзает щиколотки и спину. Я хватаю факел и поднимаюсь.

Я чувствую отдаленный запах гари и вытягиваю факел вперед в надежде что-то увидеть. Медленно темнота отступает. Она тает, и не из-за факела. Тьма изменяется. Как будто из-за того, что я ступил на эту сторону Стены, ранее темное пространство становится видимым. По-прежнему ночь, но пламя освещает мир вокруг меня, несмотря на то, что за пределами этого круга видна только тьма. Под моими ногами трава. Я вижу бульжники и кустарники. Лес очень похож на тот, что я оставил позади. Я иду вдоль Стены, изучая новый мир. Возле Стены не растет деревьев, они все повалены. Вид пней, поверхность которых такая же гладкая, как Стена, пугает меня. Ни один топор не смог бы добиться такой поверхности. В моем поле зрения все двигается, меняет форму и преобразуется. Сильный порыв ветра приносит клубы дыма. Справа от меня я слышу шорох. Что-то приближается. Я роняю факел, хватаю лук и целюсь в это что-то. Это конец, оно надвигается на меня. Оно убило всех остальных. Силуэт появляется из тени, и мое сердце уходит в пятки. Ничего не может быть страшнее: Эмма последовала за мной через Стену.

Глава 11

Я нагибаюсь, чтобы поднять факел, прежде чем он погаснет от мокрой травы. Затем я просто стою с открытым ртом. Эмма использует мое молчание и бежит ко мне. На ней штаны и теплая куртка, на спине висит охотничий мешок. Видимо, она сама решила следовать за мной.

Она обнимает меня за шею. Я прижимаю ее к себе и целую в макушку, в ее мокрые от дождя волосы. Она говорит что-то, но слова звучат приглушенно, потому что она прижимает лицо к моей груди. И тут первый шок от того, что она здесь, проходит. Я понимаю, что она сделала. Я хватаю ее за плечи и отодвигаю от себя.

— Почему? — прошу я объяснений.

— Грей, — начинает она и протягивает ко мне руки, но я отбрасываю их.

— Нет, правда, Эмма, о чем ты думала? Почему ты последовала за мной?

Теперь я точно уверен, что тот шорох и звук сломанной ветки за спиной, который мне послышался, принадлежал ей.

— Я... Я только хотела... Прекрасно, Грей! Я тоже рада тебя видеть.

— Я вовсе не рад видеть тебя здесь, Эмма, — бросаю я в ответ. — У меня еще может что-то получиться, но тебя ждет то же, что и остальных. Я должен этому радоваться?

— Но я еще не умерла, — отвечает она.

— Оно еще не нашло нас. Но это случится, как всегда, и я не смогу ничего сделать, чтобы спасти тебя.

Я бы хотел сказать ей, что она должна уйти, снова перебраться через Стену, подальше от опасности. Но Стена такая гладкая, что отсюда невозможно на нее забраться, потому что на этой стороне нет деревьев. Она в ловушке.

— Возможно, я совсем не хочу, чтобы меня спасали, — добавляет Эмма. — Может быть, я здесь, потому что хочу любым способом узнать правду. Как и ты. Я всю свою жизнь хочу получить ответы. Почему тогда твое желание узнать правду стоит выше моего?

— Потому что я могу с этим справиться.

— Ты не знаешь точно, — шипит она.

— Мне все равно! — кричу я. — Я пережил Похищение. Я не знаю, как и почему, но, возможно, эта магия защитит меня здесь. У тебя этого нет.

Эмма закусывает губу и смотрит вниз на травяной покров. Дольше, чем я ожидал, царит молчание, и когда она снова говорит, ее голос звучит очень тихо.

— Для меня больше ничего нет, Грей. Все, что я хочу — ответы и ты — теперь по эту сторону Стены.

Я слушаю, как Эмма говорит это, и понимаю, что я тоже хочу ее. Но я также хочу, чтобы она держалась подальше от этого опасного места, и, возможно, даже от меня. Я люблю ее, а Любовь — огромное слово для пары в Клейсуге. Это бывает очень редко, и чаще всего между родителями и детьми. Такие чувства между людьми одного возраста — просто глупость. Похищение разрушает все отношения, и совсем неважно, насколько глубоки чувства. Только не мои чувства, потому что я уже победил Похищение. Но этот мир по другую сторону Стены уничтожает всех, кто перебирается сюда...

— Грей?

Эмма все еще ждет моего ответа. Она так красива, несмотря на то, что ее волосы от влажности похожи на гнездо. Я не могу долго на нее злиться. Не здесь, без гарантий, что мы оба с этим справимся. Я хотел бы сказать ей правду, но язык у меня не поворачивается.

— Мне очень жаль, — говорю я, — что я накричал на тебя.

Она кивает. И затем я целую ее, потому что это проще, чем найти слова. У ее губ вкус дождя. Я хочу, чтобы она была ближе и одновременно с этим, чтобы она была как можно дальше отсюда, в безопасности за Стеной. Когда мы, наконец, отрываемся друг от друга, дождь стихает.

— Ты должна мне пообещать, что с этой секунды всегда будешь меня слушаться. Будешь следовать всем моим указаниям, пусть даже они звучат нелогично. Просто доверься мне. Хорошо?

Эмма снова кивает: «Обещаю».

Мы пьем немного воды и идем вперед сквозь густой лес и подальше от запаха гари, который все еще витает в воздухе. У меня плохое предчувствие: если мы встретимся с его источником, это будет конец для Эммы. Клейсуг мы покинули поздно ночью, так что до рассвета остается совсем недолго. Мы моргаем на свету и двигаемся дальше.

Позади деревьев открывается поле. Оно гораздо больше, чем луг в лесу Клейсуга, и полностью очищено от камней и тропинок. Оно кажется таким привлекательным, и именно это расстраивает меня. Ветер дует со стороны равнины и снова доносит до нас запах гари. Этот запах становится гуще и резче. Я думал, что мы удаляемся от него, но теперь я не

уверен.

— Что это? — шепчет Эмма и показывает через равнину.

На другом конце леса по неясным очертаниям можно угадать здание. Волосы у меня на затылке начинают вставать дыбом. Ответы. Осторожно мы идем через поле. Я иду первым и останавливаюсь при любом шорохе или предчувствии. Чем дальше мы идем вперед, тем лучше можно различить контуры здания. Вероятно это небольшой дом, уже давно покинутый. Крыша повреждена в некоторых местах, и входная дверь качается на ветру. Но в этом доме есть что-то странное. Даже полуразрушенный, он все равно выглядит идеальным. Все поверхности в сохранившихся углах ровные, окна одинаковые и крыша прямая. Я думаю о наших домах в Клейсуге, которые построены старательно, но все равно неровно. Этот дом построен искуснейшими руками. Или его строители не были людьми.

— Возможно, там есть люди, — говорит Эмма. — Пойдем. Давай посмотрим.

Я хватаю ее за локоть и тяну к себе.

— Думаю, нам стоит немного подождать.

Странное чувство охватывает меня. Мне кажется, за нами наблюдают.

— Я знала, что за Стеной что-то должно быть, — говорит Эмма. — Ты знаешь, что это обозначает, Грей? Кто-то был здесь. Люди! Возможно, первые дети пришли отсюда. Или, может быть, взрослые остались здесь, когда пришел шторм, а дети сидели под защитой Стены!

Я не знаю, что я ожидал найти по эту сторону Стены, возможно, зияющую черную пропасть, по которой я бы бродил целую вечность, но этот дом меняет все. Есть жизнь и вне Клейсуга, жизнь и мир, точно такой же, как и внутри Стены.

— Пойдем уже, осмотрим все получше, — настаивает Эмма.

Я очень этого хочу. Я чувствую, как ответы вибрируют в воздухе перед нами. Эмма протягивает ко мне руки, ее тепло на моей коже ощущается как тепло сильного огня. Но она не может рассеять мои сомнения. Я все еще чувствую, что невидимые глаза спокойно наблюдают за нами. Я осматриваю поле, надеясь в глубине души заметить преследователя, в которого я могу выстрелить. Но мы одни.

Я выполняю просьбу Эммы, когда я уже не могу больше бороться с желанием узнать больше, и мы идем к зданию. Вскоре мы внутри. Я открываю ржавую дверь, и мы идем исследовать помещение. Пол в доме обработан так же, как в доме Мод в Клейсуге, только поверхность сделана не из дерева, а из гладкого материала, который я никогда раньше не видел. Несмотря на слой пыли и грязи, который его покрывает, можно понять, что он гладко отполирован, и в нем отражается свет от наших факелов. Мы находим также умывальник, в который, после того как мы поворачиваем кран, течет вода ржавого цвета. На потолке висят своеобразные ветки, которые освещают дом, когда Эмма нажимает что-то на стене. Это место наполнено магией. Я уверен, что его построили не человеческие руки.

— Такое возможно? — спрашивает Эмма, которая осматривается в прихожей. — Я так хочу рассказать об этом остальным. Ты можешь представить, что бы у нас было, если бы мы все вместе перебрались бы через Стену? У нас была бы волшебная вода, магический свет и....

С режущим ухо звуком открывается дверь. Эмма прижимается ко мне. Две фигуры стоят на входе. Вокруг них в воздухе висит пыль. В руках они держат узкие, вытянутые инструменты, и почему-то я знаю, что ничего не смогу сделать с луком и стрелами против них.

— Слава богу, что оно еще не нашло вас, — объясняет один из них.

У него шрам на лице, который начинается под левым глазом и исчезает в густой бороде, и совершенно лысый череп. Мужчина рядом с ним выглядит гораздо моложе и гладко выбрит. Но они оба старше меня. Так как я никогда не видел мужчин старше восемнадцати, они кажутся мне старыми. Они оба носят одинаковую одежду: черные штаны и черную куртку, на груди которой видна красно-белая буква «F», заключенная в треугольник.

— Вы одни? — спросил бородатый.

Эмма и я одновременно закивали.

— Что-то есть в этой местности. Что-то опасное. Вам повезло, что мы нашли вас раньше.

— Что-то? — спрашиваю я.

Больше я не могу говорить, так как мой голос дрожит.

— Здесь небезопасно, — говорит он. — Пойдемте с нами.

Он подходит к нам, хватая Эмму за локоть и хочет потащить ее.

— Убери от нее руки, — бросаю я.

Он разворачивается так, что его лицо прямо передо мной. Из-за шрама его глаз затянут белым, и это беспокоит меня.

— Если ты знаешь, что хорошо для тебя и твоей подруги, тогда заткнешь пасть и позволишь нам отвести вас в безопасное место. Но если хочешь сгореть, тогда не делай ничего и оставайся здесь.

Сгореть. Обугленные тела. Мы первые, кто перебрались через Стену и встретили этих спасителей, одетых в черное. Первые, кто избежал смерти, которая настигала всех?

Бородатый напирает.

— Итак, Ромео? — мне требуется пара секунд, чтобы понять, что он разговаривает со мной. — Что ты решил?

Я смотрю на Эмму. Ее лицо не выражает ничего, кроме страха, и я уверен, что выгляжу так же. Она слегка кивает, берет мою руку и сжимает ее.

— Мы идем с вами, — говорю я мужчине.

— Хорошо. Тогда поторопимся, у нас не так много времени.

На улице на холме нас ожидают два странной формы аппарата на колесах. Они одинаковы по форме и цвету и достаточно большие, чтобы вместить несколько человек, но довольно малы для дома, несмотря на то, что у них есть двери и окна. Бородач вытаскивает маленькую коробочку из кармана штанов. Она чуть больше его ладони, но он разговаривает с ней, словно с человеком.

— Мы дальше, — объясняет он. Через секунду аппарат отвечает ему. — Тогда увидимся в Центре, Марко.

Из окна аппарата кивает мужчина, и у меня чувство, что бородатый только что разговаривал с ним. Клетка на колесах, в которой сидит мужчина, издает гул и начинает двигаться в сторону леса, из которого пришли я и Эмма. Она быстрее всего, что я когда-либо видел, просто нереально быстрая. Я моргаю, и она исчезает. Мы следуем за Марко на холм.

— В машину, — приказывает он и открывает заднюю дверь.

Аппарат, который он назвал машиной, тревожит меня, и я не уверен, что хочу последовать за ним. А если это всего лишь трюк? Что, если они только говорят, что хотят нам помочь, а на самом деле хотят убить? Напарник Марко толкает меня сзади, но я не двигаюсь.

— Почему вы нам помогаете?

Марко переступает с одной ноги на другую, все еще держа дверь открытой.

— Я не думаю, что вам нужно со мной об этом разговаривать. Кроме того, у нас нет на это времени. Но если вы сядете в машину, я смогу отвезти вас к человеку, который ответит на все ваши вопросы.

Ветер снова приносит запах гари.

— Поехали уже, Марко, — говорит другой мужчина. — Мы должны исчезнуть отсюда. Я не хочу рисковать жизнью только потому, что эти двое настолько тупые, чтобы спасти свои.

Мужчины садятся в машину. Марко опускает стекло и смотрит на меня здоровым глазом.

— Последняя возможность, Ромео.

Почему он постоянно так меня называет? Я хотел было его поправить, но Эмма касается моей руки.

— Я думаю, нам стоит сесть, — говорит она.

— Я не доверяю им. Мы не знаем, кто они и как нас нашли. Если они могут нас спасти, почему не сделали этого с другими, кто перебрался через Стену?

Эмма убирает прядь за ухо.

— Я не уверена, но ты знаешь, что случится, если мы останемся здесь. Я чувствую жар. Мы оба видели тела. И они сказали, что отвезут нас к человеку, которые все объяснит. У нас есть выбор?

Машина гудит, и Марко дергает нас еще раз.

— Я не могу больше ждать. Сейчас или никогда.

Я избежал Похищения и возможно, только возможно, я могу избежать и сгорания. Но Эмма не может, и я это знаю.

— Мы с вами, — говорю я и сажусь в машину.

Эмма делает то же самое. Марко говорит что-то своему партнеру, но переднее сидение отделено стеклом, и слова звучат приглушенно и слабо. Но я слышу, как машина гудит под нами. Эмма прижимается к моему плечу, и в следующую секунду мы уже едем.

Глава 12

Машина подпрыгивает на неровной дороге, и мы подпрыгиваем вместе с ней. Я обхватываю Эмму рукой и вновь думаю о странном свете в комнате Мод. Сомнения не оставляют меня: она знает о том, что за Стеной. Но я пробую убедить себя, что это невозможно. Если она все время знала... Мне не нравится думать о том, что это значит.

Машина замедляет ход, и мы стоим перед стеной. Не нашей Стеной, а другой. Эмма и я все время в заключении, и в Клейсуге, и здесь, за Стеной. На переднем сиденье Марко вновь говорит в свой аппарат.

Происходящее дальше кажется невозможным. Небольшая часть стены приходит в движение и мягко отходит в сторону. Перед нами освобождается проем, свободный проход прямо в середине стены.

Эмма приподнимается:

— Ты это видел?

Я киваю, пораженный, как после удара громом.

— Ты думаешь, мы тоже так могли? У нас в Клейсуте. Может, в нашей Стене тоже есть проход, который открывается, и мы просто не смогли его найти?

Но у меня нет возможности ей ответить, так как мы снова едем, и на этот раз так быстро, что мне становится плохо.

Мы едем по черной застывшей реке, такой прямой и ровной, что я начинаю думать, настоящая ли это река. На небе серые облака. Трава сухая. Здесь царит огромное пространство, которое простирается все дальше и дальше. Я спрашиваю себя, где его границы, и думаю, какой Клейсут маленький по сравнению с ним.

Мы проезжаем мимо бревенчатых жилых домов и разрушенных зданий. Эмма показывает на уставшие грязные лица людей. Это место похоже на Клейсут. Запавшие глаза и земляные холмики говорят о том, что здесь есть кладбище. Дальше по улице после кладбища мы видим двух юношей, которые несут ведра с водой. Мышцы на их руках напряжены. Я могу представить, с какими мозолями на руках они вернутся домой. Или, если они делают это часто, их ладони совсем огрубели.

Еще долго мы едем дальше, не встречая по дороге людей. Наконец на горизонте показывается лес, высокие деревья тянутся к облакам. Над ними неясный свет в форме зонта или перевернутой миски, который отражает солнечные лучи в сторону машины. Когда мы приближаемся, я понимаю, что это не деревья, а здания — сотни разных по размеру домов, которые стремятся в высоту, к сверкающему изгибу.

Марко на огромной скорости направляет машину к сияющему барьеру. Он снова что-то говорит в аппарат, и снова появляется проход.

Добро пожаловать в Теам, значится на табличке перед нами, первый город-купол.

Теам не похож ни на что из виденного мной раньше. Мне все время кажется, что вот-вот я проснусь в своей кровати в Клейсуте и пойму, что это всего лишь сон, начиная с посещения дома Мод. Я быстро моргаю. Щиплю себя за руку. Но не просыпаюсь.

Даже от размеров Теама захватывает дух. Кажется, дома такие высокие, что могут обрушиться на нас. Становится понятно, что застывшая река, по которой мы ехали, на самом деле дорога с черной, твердой поверхностью, совершенно не похожая на наши дороги. Пока мы едем через город, улицы раздваиваются и увеличиваются, образуя сложный рисунок, по которому движутся машины. По кабелям, которые висят над нами, развешены длинные линии серебряных кастрюль, на боку которых написано слово троллейбус. Я пытаюсь произнести это слово про себя, чтобы понять, как его выговаривать. Эмма и я не обмениваемся ни словом. Мы слишком заняты тем, чтобы рассмотреть все с вытаращенными глазами.

Все здесь сделано из материалов, которых я никогда раньше не видел. Освещение здесь ярче, чем все факелы и свечи из Клейсута, вместе взятые. Что-то освещает улицу, по которой мы едем. Еще что-то размещено на фасадах зданий и очень быстро высвечивает слова и символы. И люди, вокруг люди. Они идут, разговаривают, выходят из зданий и входят в них. Она носят странную одежду. Многие женщины ходят в неудобной на вид обуви с приподнятой пяткой и носят сумки, которые кажутся непрактичными, потому что они слишком маленькие или слишком большие. Я не могу перестать рассматривать все это.

Помимо всего, что я не понимаю — новые формы, звуки, материалы — больше всего мне бросается в глаза одно: мужчины.

Они вокруг, и их так же много, как и женщин. Многие молоды — моего возраста или дети — но я вижу и взрослых мужчин от средних лет до стариков. У них морщины на лицах

и седые волосы, кожа сухая как пергамент, а глаза выглядят уставшими. Это так странно и волнующе.

Мы едем дальше мимо зданий и останавливаемся на площади, где стоят мужчины в такой же черной форме, как у Марко с его напарником. Позади них находится золотая статуя, такая же, как эмблема у них на груди. По площади вьется невероятно длинная очередь жителей города. Многие мужчины в черной форме держат в руках такие же узкие предметы, как Марко и его партнер. Только эти мужчины направляют их на толпу. Я узнаю эти жесты. Они целятся. В людей. Предметы, которые они держат в руках — это оружие. Позади статуи на гладкой поверхности старого здания светятся слова: Сегодня выдача воды. Только районы 13 и 14. Предъявляйте карточки установленного образца.

Толчок, мы снова движемся, и площадь остается позади. Следующая улица, видимо, главная в городе. Я никогда не видел так много людей. Я думаю, почему бедные жители деревни не могут тоже жить здесь, в этих безупречных зданиях под сияющим куполом. Возможно, в городе больше нет места, или недостаточно воды. Мысли тревожат. В Клейсуге всегда выпадает достаточно осадков, наше озеро и родники никогда не пересыхают. А нас только пара сотен.

Дорога тянется между двумя зданиями, которые так высоки, что достают до самого купола. На каждом здании огромное изображение мужчины, который смотрит на нас. На глазах у него необычная твердая повязка в черной толстой оправе. На шее спускается на грудь странная узкая лента. Изображение обрезано по грудь, но можно понять, что у мужчины сутулые плечи. Он выглядит таким хилым и хрупким, будто легкий ветерок может подхватить его и унести.

— Как ты думаешь, они нарисованы? — спрашивает Эмма и показывает на мужчину. — Они одинаковые и кажутся такими реальными.

— Может, это и не рисунки.

Вместе мы еще раз смотрим на изображения. Под ними написано «Харви Малдун» и ниже еще много слов более мелкими буквами. Я могу прочитать их, только когда Марко останавливает машину, чтобы пропустить переходящих дорогу людей. «Разыскивается за преступления против АмОст, в том числе обвиняется в шпионаже, мятеже и государственной измене, в преступлениях против человечества, включая пытки, убийства и неэтичный научный подход».

Большинство слов мне незнакомо, но я понимаю достаточно, чтобы встревожиться. Благодаря законам, которые установил и поддерживает Совет, в Клейсуге очень мало преступлений. В наших рукописях есть только одна запись о попытке убийства, которая не удалась.

Я снова смотрю на Харви и пытаюсь понять, как один человек может совершить так много ужасных преступлений. Для этого он выглядит слишком слабым. Конечно, после того, как я прочитал описание, мне кажется, в его глазах есть что-то болезненное и сумасшедшее. Мне не нравится, как его глаза преследуют меня, пока мы едем. Эмма пугается, и я не могу по-другому.

Мы покидаем переполненную улицу, едем еще пару минут дальше, и достигаем здания, которое выглядит роскошнее всех остальных. Оно стоит в центре совершенно ровной лужайки, каждая травинка которой подстрижена. Все пространство окружено металлическим забором такого красивого и изящного рисунка, что Блейн в Клейсуге потратил бы всю жизнь, создавая его.

Само здание тоже безупречно. Некоторые его части выпуклые, и в них вставлены арочные окна, а другие части образуют причудливые ниши. Крыша имеет несколько уровней и выглядит как лестница в небо. Форма здания причудлива и блистательна, и я могу прочесть на нем слова «Центр объединения».

Когда мы проезжаем через ворота, мужчина в черном кивает Марко. Марко поворачивает машину от здания, и мы спускаемся под землю в огромное помещение, заполненное машинами. Когда наша поездка с грохотом заканчивается, Марко выходит из машины, открывает ее заднюю дверь и садится рядом с нами.

— Меня зовут Марко, а это Пит, — движением головы он указывает на своего напарника, который стоит рядом с машиной. — Простите, что не представились раньше, но это было опасно.

— Здесь я тоже не чувствую себя в безопасности, — думаю я вслух. Изображения разыскиваемого преступника, дозированная вода и бойцы, которые направляют оружие на людей, все еще стоят перед моими глазами.

Марко фыркает: «Понятно, не пытайтесь нас благодарить. Мы всего лишь спасли вам жизнь».

— Спасибо, — говорит Эмма. Она выбирается из моих объятий и протягивает Марку руку. — Я Эмма, а это Грей. Он, кажется, совсем позабыл о хороших манерах.

Марко улыбается ей, но мне не нравится, как его рот кривится из-за шрама и как он осматривает Эмму с ног до головы.

— Возможно, я смогу быть повежливей, если нам хоть что-то объяснят, — говорю я. — Я все еще не знаю, где мы. Или почему мы первые спасены из тех, кто перелез через Стену.

— Как я уже сказал, я не могу говорить об этом, — отвечает Марко и встает. — Но как только вы приведете себя в порядок, мы отведем вас к Франку. Идемте.

Эмма и я выходим из машины.

— Кто такой Франк?

— Единственный, кто удерживает эту разваливающуюся страну.

Я не понимаю разницы между деревней, городом и страной. Но, судя по тому, что я сегодня увидел, страна — это огромный город, точно как большую деревню называют городом. Или даже что-то еще большее.

— И у него есть ответы на наши вопросы?

— Да, — отвечает Марко. Он крутит оружие в руках. — Здесь мы разделимся, — добавляет он. — Эмма, ты идешь с Питом. Грей, тебе прямо.

— Эмма останется со мной, — объявляю я.

— Это очень трогательно, Ромео, но так не пойдет, — снова это имя. Я хочу его поправить, но он продолжает. — У мальчиков и девочек разные душевые комнаты. Как-то так.

В Клейсуте нет отдельных уборных. Это глупо, потому что непрактично. Так много строить, ремонтировать и обслуживать.

— Все в порядке, — говорит мне Эмма. — Со мной все будет в порядке.

Я киваю утвердительно, несмотря на то, что мне было бы намного спокойнее, если бы она была рядом со мной. Все в этом месте вызывает у меня холодок по коже. И мы все еще не получили ни одного ответа, только еще больше вопросов. Если Эммы нет рядом со мной, я не могу гарантировать ее безопасность. Оглянувшись, я вижу, как она исчезает с Питом. Марко и я идем в противоположную сторону.

— Ну, уже жалеешь, что перебрался через Стену? — снисходительно спрашивает Марко. Он идет впереди меня, но я могу поспорить на недельный запас пищи, что он злорадно ухмыляется.

Я делаю мрачное выражение лица.

— Совсем нет. К тому же я не был похищен, несмотря на то, что была моя очередь. Поэтому стоило попытаться за Стеной.

Он застывает.

— Расскажи-ка еще раз. Ту часть про Похищение.

— Меня не забрали, несмотря на то, что была моя очередь.

Медленно он разворачивается ко мне. Он кажется таким же ошарашенным, как я, когда только что увидел Теам.

— О чем ты говоришь?

— Я говорю о том, что я единственный юноша в Клейсуте, который остался там после восемнадцатого дня рождения.

— Это невозможно, — открывает он рот.

Почему он считает это невозможным? Почему он вообще знает о Похищении? Холодный ужас охватывает меня.

— Это не невозможно, — объясняю я. — Мой брат-близнец исчез, а я остался.

— Брат-близнец? — с трудом переводит дыхание Марко. Он проводит рукой по затылку, смотрит в проход, а затем снова на меня. — План меняется, — говорит он. — Сюда.

И бежит по проходу туда, откуда мы пришли. Я прикладываю все силы, чтобы хоть как-то поспевать за ним. Мы бежим через проход, затем вниз по лестнице, поворачиваем за угол. Я теряю ориентацию, но одно ясно: «Центр объединения» внутри не имеет ничего общего с внешней стороной здания. Стены сделаны из серого камня. В расщелинах между ними пыль, и мох облюбовал мокрые углы. Проходы освещены висящими на потолке плоскими световыми панелями, которые дают неестественный голубоватый свет.

Мы спускаемся по последней лестнице и входим в узкий коридор. В воздухе в три раза больше влаги, чем раньше. На табуретке сидит мужчина в черном. Слева и справа такие низкие двери, что через них невозможно пройти, не нагнувшись.

— Все занято, — выкрикивает мужчина.

— Тогда посади его к кому-нибудь, — говорит Марко. — К нашему парнишке Бозо, Клоуну. Там хорошее общество для него. — Марко со всей силы толкает меня к мужчине и бежит назад по проходу. Он кажется испуганным еще больше, чем раньше.

— Куда он?

Мужчина ничего не отвечает и тащит меня к двери на другом конце коридора. Он прижимает палец к металлической пластине, и дверь отъезжает.

— Мне жаль, малыш, — говорит он мне. — Этот парень немного не в себе.

Затем он швыряет меня внутрь. Там темно, пахнет плесенью и мочой. Дверь закрывается за мной. Наконец, когда металлическое дребезжание заканчивается, мне становится ясно, что я в тюремной камере.

оседаю на пол и прижимаю руки к груди. Я не должен был доверять этим людям. Возможно, Марко планировал это все время. Возможно, он никогда не собирался нам помогать. От мысли, что Эмма сидит в такой же камере, что ее держат где-то в этом огромном здании, а я беспомощен и не могу ей помочь, у меня холодеет в груди. Я яростно бью по двери.

— Если ты будешь беситься, пользы от этого не будет. Ты же знаешь, ты знаешь... — раздался голос из угла.

Я забыл, что у меня есть сокамерник. Я не могу разглядеть его лицо, но мне все равно.

— Ты новенький, — говорит он и стучит в темноте пальцами по камню. Смешной ритм, неправильный такт. Словно пальцы стучат против своей воли и ударяют слишком рано. — Из какой ты группы?

— Что? — у меня нет настроения для разговоров, особенно с сумасшедшим, которого называют «клоуном». Я слышал, как скривился Марко, когда язвительно называл его прозвище.

— Группа, — повторяет мужчина. — Из какой группы? А? Б?

— Слушайте, вы, — рычу я, потому что на самом деле не знаю, о чем он говорит, — я не принадлежу ни к какой группе. И я не из Теама.

Шаркая, он выходит из своего угла, согнувшись из-за низких потолков. Его освещает слабый свет, который попадает в камеру из маленького окна на двери. Мужчина слабый, тощий и старый — старше всех людей, которых я видел. Складки и морщины покрывают его лицо с седой запачканной бородой. Глаза выглядят так, как будто он неделю не спал, а одежда поношенная и рваная. Темные штаны висят лохмотьями на бедрах.

— Аутсайдер? — на его лице играет сумасшедшая ухмылка. — Тебе нравится там? За городом? — Снова его пальцы играют с камнем и усердно стучат по нему, пока он говорит.

— Там было лучше, чем здесь, — отвечаю я.

На это замечание мужчина реагирует страшным хихиканьем. Затем он задирает голову как дикая собака и воет.

— Я могу тебя понять, — говорит он. — У тебя есть чувство юмора.

Я не верю, ему и даже не пытаюсь быть веселым. Он улыбается во весь рот, а затем вновь начинает стучать по камню.

Позади нас, где-то в проходе, приближаются шаги, а потом я слышу, как охранники разговаривают. Я пытаюсь понять, что они говорят, но стук Бозо становится громче. Похоже, он намеренно старается заглушить разговор. Качается взад-вперед у стены, бормочет что-то про себя и поет.

— В одном ряду пять красных ягод, выращенных с любовью, чтобы потом съесть. В одном ряду пять красных ягод, выращенных с любовью, чтобы потом съесть.

Снова и снова он повторяет это сиплым голосом. Звучит почти как колыбельная. Слова отзываются эхом в нашей маленькой камере, и я уже не могу больше понять, что произносит он, а что отражается от стен.

— Ты можешь закрыть рот? — шиплю я. Он застывает, смотрит на меня и дергает себя за волосы. — Я хочу услышать, что они говорят. В конце коридора.

Ему, кажется, все равно. Стук и пение продолжают, те же слова и ничего больше. Его руки так быстро двигаются по камням, что мой взгляд не успевает уследить за ними. Мне бросается в глаза, что на его черной изношенной верхней одежде красуется блеклый треугольник. Этот сумасшедший когда-то был таким же, что и люди в форме? Как Марко и Пит?

— В одном ряду пять красных ягод, выращенных с любовью, чтобы потом съесть. В одном ряду пять красных ягод, выращенных с любовью...

— ...чтобы потом съесть, — перебиваю я его. — Я понял. А теперь заткнись.

Он прекращает стучать и сидит прямо, так что его голова почти достаёт до низкого потолка. А затем скользит по полу как паук, пока не оказывается прямо передо мной. Его лицо теперь так близко, что я могу почувствовать его несвежее дыхание.

— Ты знаешь песню? — спрашивает он, и его нос дотрагивается до моего.

Я отталкиваю его.

— Благодаря вам я отлично знаю первые две строчки.

Он оседает: «А остальное?»

Я качаю головой. Он снова начинает стучать и петь, но не возвращается назад в свой угол. Я отстраняюсь от него, прикладываю ухо к двери и прислушиваюсь к охранникам, но не слышу ничего, кроме шагов. Они становятся громче, пока не останавливаются перед нашей камерой. Кто-то пытается открыть дверь. Бозо обнимает колени руками и качается взад-вперед.

— В одном ряду пять красных ягод, выращенных с любовью, чтобы потом съесть.

Затем лязгает засов, и яркий свет падает в камеру.

Бозо поет громче: «В одном ряду пять красных ягод, выращенных с любовью, чтобы потом съесть».

— Ты, мальщ, — зовет меня голос из коридора. — Тебя требуют наверх.

Охранник заходит в камеру и хватает меня под локоть. Бозо начинает кричать: «В одном ряду пять красных ягод, пять красных ягод, пять красных ягод, ягодягодягодягод!»

— Эй! — кричит охранник и идет в сторону старика. Его сапог упирается в выцветший треугольник на груди Бозо и толкает его в угол.

Охранник захлопывает дверь и тянет меня за руку. На мгновение становится тихо, а затем снова начинается усердный стук и следующее за ним пение. Мы заворачиваем за угол, и я больше не слышу Бозо. Но я знаю, что он все еще поет — о ягодах и о любви, которые никогда не освободят его из этой сырой камеры.

Рабочий кабинет Франка правильной прямоугольной формы и тщательно убран. Невозможно понять, какие вещи используются, а какие здесь просто для украшения. Охранник приказывает мне сесть на стул, который стоит перед увесистым письменным столом из красного дерева, и ждать. Я откидываюсь на спинку и рассматриваю потолок.

Непонятно, как потолок может быть сделан так ровно. Идеально выточенные квадратные панели покрывают комнату над моей головой. В центре висит тяжелый предмет с отростками, в каждом торчит свеча. Эти свечи не мерцают и не плавятся, поэтому комната равномерно освещена.

Вещи тщательно расставлены: шкаф около огромного окна, цветок перед темно-фиолетовыми шторами. Даже бумага, которая лежит на письменном столе, аккуратно подложена под каменное пресс-папье. На стенах висят картины, вставленные в сверкающие на свету рамы. На одной из картин изображена семья: родители и двое мальчиков стоят спиной к блестящему черному стулу. Она не похожа на другие картины, которые тщательно нарисованы кистью, и виден холст. Скорее она подобна изображению Харви в Теаме. Возможно, это все же рисунок, но он кажется слишком реальным. Мать положила руку на плечо юного сына, пока все остальные рассматривают что-то интересное за рамой. Там, где они стоят, солнечно и ветрено, волосы матери развеваются. Я спрашиваю себя, не Франк ли

отец на рисунке.

Позади меня распахивается дверь. Вошедший мужчина определенно не отец с этого реалистичного рисунка. У него морщинистая кожа, как будто он много времени провел на солнце. Щеки слегка обвисшие, носогубные складки глубокие, губы потрескавшиеся. Над ушами немного седых и редких волос. Он невысокий и худой. Ничего в нем не говорит о том, что он может что-то мне объяснить.

— Грей, правильно? — говорит он и, улыбаясь, протягивает руку. Его губы окружает множество тонких морщинок. Голос мягкий, как хлопок, и гладкий, как масло. Я сразу чувствую себя уверенно. Возможно, я узнаю, наконец, правду. Этот человек со старым лицом и аккуратно сложенными бумагами, может быть, знает ответы. Все равно я медлю, прежде чем пожать ему руку.

— Ах, да. Почему ты должен мне доверять? Мы же забрали тебя из внешнего кольца, не дали никаких объяснений и бросили в камеру, — он прикладывает палец к губам и садится. — Моих объяснений будет недостаточно после того, как мы встретили тебя, Грей. Тебя и твою подругу.

— Эмма.

— Да, Эмма. Вы двое — единственные, кого мы смогли спасти за все это время, поэтому протокол для таких случаев еще не отработан. Марко опрометчиво отреагировал на очень интересную информацию, которую ты ему дал. Но ты должен знать одно: если бы я смог все начать заново, в твоём пребывании в Теаме не было бы камеры. Совсем не было бы.

Из прозрачного кувшина он наливает две кружки воды и протягивает мне одну. Так как я с самого восхода ничего не пил и не знаю, как тяжело с водой в Теаме даже для такого как Франк, я беру кружку и жадно пью. Франк пригубил свою воду элегантно, как подобает. Его глаза улыбаются. Я отставляю кружку.

— Так, значит, вы Франк, — говорю я.

— Дмитрий Октавий Франк, — снова протягивает он руку, и на этот раз я пожимаю ее. У него длинные и тонкие пальцы, крепкое рукопожатие.

— Грей Везерсби.

— А, понимаю, — снова этот жест, когда он прикладывает палец к губам.

— Что понимаете?

Он ставит локти на стол и складывает руки друг к другу, так что соединяются сначала мизинцы, а затем безымянные и остальные пальцы. Пока он думает, его пальцы волнообразно двигаются. Он смотрит мимо меня, кажется, его мысли далеко отсюда. Мое терпение быстро истощается.

— Послушайте, забудьте камеру, Марко и все остальное. Я принимаю извинения. Я не могу просто сидеть здесь, пока вы играете пальцами. Мне нужно найти Эмму. А затем мне нужно назад в Клейсут, рассказать людям, что есть еще много всего, и помочь им выбраться. Вы могли бы ждать на этих «машинах», пока они перелезают, и тогда мы могли бы...

— Мы пробовали это, Грей, — тихо говорит он. Его взгляд все еще направлен на что-то позади меня. Где-то между мной и другим концом комнаты находится что-то интересное. — Мы пробовали... Как я могу тебе объяснить?

Мне хочется кинуть мою кружку в стену и посмотреть, как она разобьется: «Просто скажите. Меня это все уже достало. Скажите мне, наконец».

— Это непросто объяснить, — он молчит и смотрит на стол. — Господи, надеюсь, со временем станет проще. Но пока это так же тяжело, как в первый раз.

Сейчас он смотрит на меня, а не мимо. Выражение его лица кажется печальным, как у моей матери в день, когда она в последний раз закрыла глаза. Глаза Франка изменились, как и ее глаза тогда.

— Ты видел плакаты по дороге сюда. Плакаты о розыске.

Ясно, что он ждет, когда я кивну.

— Харви Малдун — ученый, и, говоря правду, лучший в этой стране со времен второй гражданской войны. Много лет назад Харви начал то, что можно назвать экспериментом. Он хотел изучить сущность человечества, строение общества и не знаю что еще. Мы немного знаем. Мне ясно, что долгое время у него были добрые намерения, но с самого начала его работа была неэтична. Когда мы узнали, что он делает, мы пробовали его схватить. Он сбежал. Но его эксперимент, процессы, которые он запустил, действовали дальше. Часть из них еще действует, хотя уже долгое время ноги его не было в Теаме.

В моем горле застрял ком, такой огромный, что я не мог глотать.

— Что вы имеете в виду?

— Я говорю, что Клейсут...

Я думаю, что понимаю, что он имеет в виду. Но это не может быть правдой.

— Все не так, как ты думаешь.

Нет.

— Все, что ты знаешь: твой мир, люди вокруг тебя...

Это просто не может быть правдой.

— ... это эксперимент Харви. Клейсут был и есть эксперимент.

Нет. Нет.

— Нет, — последнее вырывается из меня. — Это все... Кто-то сделал? Кто-то построил Стену? И посадил нас внутрь? — мои руки дрожат.

Франк опускает глаза. Он берет лист бумаги со стола и пишет на нем шесть букв. Laicos.

— Клейсут только эксперимент, Грей. В немногих документах, которые мы смогли найти, Харви отмечал его как проект «Лайкос». Больше мы ничего не знаем. Мне очень жаль.

Я так крепко сжал руки в кулаки, что костяшки побелели.

— Я убью его, — говорю я, не замечая, как эта мысль появилась в моей голове.

Если моя реакция и удивила Франка, он не показал этого.

— Не могу отрицать, что сделал бы то же самое, сынок. Теам очень сильно пострадал из-за Харви. Когда мы попытались его схватить, он убил наших людей, объяснив это самообороной. После его побега его люди похитили наши запасы, и еще несколькими перерезали горло. Наше положение здесь достаточно скверное, и Харви может сделать его еще хуже. Возможно, тебе поможет, если ты немного больше узнаешь о нашей истории и о роли Харви.

Он делает еще один глоток воды и продолжает.

— До землетрясения, наводнения и второй гражданской войны наша страна была единой, огромной и обширной. Сейчас мы разделены на Восток и Запад. Здесь, на Востоке особенно в Теаме, я пытаюсь восстановить порядок, и очень многое удалось. Большую часть своей жизни я потратил на то, чтобы придать Теаму сегодняшний облик. Эта страна потеряла много людей во время войны, дешевое сырье, за которое и шла борьба, пресную воду. Сейчас воды достаточно, если мы будем ее экономить. Я даю моему народу воду. Орден Франка обеспечивает им безопасность, — он кладет руку на красный треугольник на

своей форменной одежде.

— Мы держим предателей с Запада в безвыходном положении, Грей. Годы назад они нарушили границу и напали на нас. Хотя самые страшные бои уже позади, они все еще атакуют нас. Харви помогает им, как будто мало того, что он уже натворил. В обмен на их защиту он продает им военные тайны, оружие и информацию. Он думает, если он внушит мне достаточно страха, я не посмотрю на его злодеяния. Он использует страх как оружие, но я не поддамся ему. Он ответит за все преступления, которые он совершил против нашего народа, в том числе и за Клейсут.

Франк массирует пальцами переносицу, и я понимаю, что рот у меня пересох. Слишком много всего случилось так быстро, что я не могу принять все сразу. Я пробую представить разьединенную страну, о которой говорит Франк. Теам по сравнению с Клейсутом кажется мне очень большим, и мысль о том, что существует что-то еще большее — страна, которая больше по размерам, чем Клейсут и Теам вместе взятые — не может уложиться у меня в голове. Война, о которой он говорит, кажется мне странной. О войне у меня представление как о беззаботной детской игре, о которой я вспоминаю: Блейн и я против Септума и Кроу. Мы стреляли друг в друга воображаемыми стрелами, пока кто-нибудь на нас не шикнет. История Франка совсем не игра.

Итак, Клейсут — эксперимент. Первые дети, о которых рассуждали мы с Эммой, никогда не были выброшены в разрушенном городе. Они никогда не теряли матерей во время урагана. Это Харви взял людей, как игральные кости на доске, и поместил их куда захотел. Мне стало ясно: все, что я делал, знал и говорил — неправда.

— А Стена? Обожженные тела? Похищение? — выпаливаю я. — Это все Харви? Это вся часть проекта «Лейкос»? — это слово кажется.

Франк кивает.

— И вы не можете это предотвратить? Не можете просто забраться через Стену и освободить Клейсут?

— Мы пробовали, но потеряли слишком много людей из-за того, что охраняет Стену снаружи.

Мне хочется спросить, что это такое, но Франк продолжает, прежде чем я успеваю начать.

— У нас нет возможности бороться с тем, что Харви посадил с внешней стороны вашей Стены. Мы старались спасти тех, кто пробует перебраться через Стену. Мы наблюдали за вами со смотровых вышек, но до сегодняшнего дня не успевали добраться первыми. Ты и Эмма — вы первые, — он откидывается на спинку стула и дружелюбно улыбается. — Но, возможно, еще есть надежда, Грей. Со стороны Марко было глупо посадить тебя в камеру, но он сделал это, потому что ты сказал нечто очень и очень интересное. То, что он посчитал таким важным, что не смог решить сам.

Я опасаясь повторить то, что я сказал Марко из-за того, к чему это привело в первый раз. Но голос Франка кажется успокаивающим. Его спокойный, озабоченный тон напоминает мне о моей матери. И все его объяснения кажутся намного логичнее всего, что Эмма и я обсуждали в Клейсуге.

— Я близнец, — объясняю я. — Мне восемнадцать, и меня не забрали.

Франк нагибается и показывает на меня.

— Точно.

— Что это значит?

— Это ты должен мне сказать, — добавляет он. — Мне это кажется довольно странным. Не настолько странным, чтобы я захотел отправить тебя в тюрьму, но это что-то означает. Если мы сможем понять, как или почему ты избежал Похищения, мы сможем спасти остальных.

Я мог бы рассказать ему о том, что я прочитал в тетради Картер, но я останавливаю себя на мысли, почему Марко и Франк знают о Похищении.

Но если ты не знаешь, что это означает, ничего страшного, — говорит Франк в ответ на мое молчание. — Мы можем это выяснить вместе. Я чрезвычайно занят, но могу тебя заверить, что Клейсут по важности на первом месте. Ты важен, Грей — для решения этой загадки. Я чувствую это. Ты можешь остаться в Теаме, даже здесь, в Центре. И Эмма тоже. Это самое малое, что я могу для вас сделать, если вы поможете объяснить это. Что ты думаешь?

Что я должен на это ответить? Эмма и я не можем никуда больше пойти. Я представляю Картер, которая за Стеной тоскует о дочери и мечтает быть с ней. В наших руках возможность добиться этого. Возможно, я и в самом деле ключик для того, чтобы закончить проект Харви. Так думать эгоистично и глупо, но я ничего не могу с собой сделать.

— Мы остаемся — отвечаю я. — И спасибо.

Франк улыбается, на его лице вновь появляются морщины. — Юноша, которого не похитили, живет в Центре. Это заставляет меня уважать себя — такая тайна и такая надежда.

Когда он вспоминает про Похищение, я вновь думаю, что он знает больше, чем рассказал мне.

— Насчет Похищения... Если Эмма и я — единственные выжившие из тех, кто перебрался через Стену, откуда вы знаете так много о Похищении?

— Я объяснял тебе, что большая часть проекта «Лейкос» продолжается и управляется дистанционно. Да, мы знаем, что молодые люди в восемнадцатый день рождения исчезают из Клейсута, потому что они посреди ночи появляются на нашем тренировочном поле и сообщают об этом. Пафф, и они здесь, как будто выросли из ниоткуда.

У меня, наверное, очень ошарашенный вид, так как Франк тихо смеется.

— Я тоже не понимаю, как это происходит, — говорит он. — Для нас это такая же тайна, как и для тебя. Возможно, твое пребывание здесь прольет свет и на это.

Я удивленно киваю. В моей голове мелькает мысль.

— Здесь? Пропавшие юноши появляются здесь?

— Везерсби, ты сказал? Правильно? — Франк перелистывает бумаги, которые достал из письменного стола. Он находит, что ищет, и подмигивает мне. — Блейн. В это время он должен быть в кафетерии и завтракать.

Я почти забываю дышать. Франк жестом предлагает мне встать и кладет руку на плечо. Его ладонь теплая и успокаивает. Он меньше чем я, поэтому ему приходится поднять голову.

— Пойдем, найдем твоего брата, — говорит он.

Глава 14

Франк идет впереди. Мы проходим через ряд коридоров, и ему приходится открывать множество дверей, поднося ладонь к коробке серебряного цвета рядом с дверью. Проходы одинаковые и хорошо освещены. Пол везде покрыт коврами, рисунок на которых повторяет треугольный символ Ордена Франка. Он повторяется в различных оттенках красного.

которые соединяются между собой и образуют странный узор.

Наконец мы стоим перед высокой двойной дверью, которая, как я предполагаю, скрывает за собой столовую. Что-то тихо плачет. Франк подносит руку к уху и нажимает на маленький прибор, который висит на ушной раковине. Подняв палец, он дает мне знак подождать, начинает ходить туда-сюда по коридору, утвердительно мычит и коротко кивает. Я понимаю, что он разговаривает с кем-то через этот прибор.

В конце разговора он говорит: «Собери всю команду. Если это правда, это фантастически удачное время. Я хочу, чтобы люди выступили, самое позднее, утром. И, Эван, собери совещание. Я скоро присоединюсь.

Аппарат снова плачет, и Франк опускает руку.

— Извини, — говорит он.

Я показываю на его ухо: «Что это?»

— Просто аппарат, через который мы — Орден — можем разговаривать между собой, если мы далеко друг от друга. Ты познакомишься здесь со всеми новыми технологиями. Харви не создал вам никаких современных условий.

Я не совсем его понимаю, но киваю. Франк кладет мне руку на плечо.

— Мне очень жаль, но у меня новая проблема. Найди своего брата и обязательно поешь. Я позабочусь, чтобы кто-нибудь проводил тебя потом в твою комнату.

Я киваю. Когда Франк убирает руку с плеча, я хочу, чтобы он вернул ее обратно. В этом чужом мире он придает мне уверенности.

— Мои разведчики думают, что Харви видели рядом с Теамом, — говорит Франк и идет вперед спиной по коридору, так что я все еще вижу его во время разговора. — Если мы сделаем все быстро, мы сможем его поймать. Но тсс, я тебе ничего не говорил.

Он подмигивает, поворачивает за угол и исчезает. Я толкаю рукой двойную дверь и оказываюсь в столовой. Здесь несчетное количество столов и еще больше стульев. Каждый предмет мебели сделан так ровно и так похож на другие, что я непременно должен познакомиться с изготовившим их мастером. Вокруг суетятся бойцы Ордена. Большинство из них занято едой. Другие стоят в очереди, чтобы взять еду с длинного стола в конце зала. Картина напоминает мне праздничный ужин во время церемонии Похищения.

От запаха горячей еды мой живот урчит, но еще никогда голод не мог отвлечь меня от цели. Блейн здесь. Я остаюсь рядом с дверью и осматриваю толпу, которая кажется морем черных костюмов. Все бойцы Ордена выглядят похожими друг на друга. И вдруг я его вижу. У него коротко подстрижены волосы, но это он. Как и все остальные, он в форменной одежде Ордена. Он смеется над чем-то.

Я чувствую себя снова целым и бегу к нему через зал. Когда мне осталось всего несколько столов, он замечает меня.

— Грей! — выкрикивает он. А затем вскакивает из-за стола и проливает воду на колени. Мужчины вокруг пригибаются, как будто поднос летит в них. Затем я чувствую, как Блейн крепко обнимает меня, и почти плачу, потому что думал, что мы больше никогда не увидимся.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он и трясет меня.

— Это длинная история.

— Не могу в это поверить! Я рад видеть тебя, но как ты... Этого не может быть!

Я улыбаюсь так широко, что щеки начинают болеть, и не могу остановиться. Видеть его полную растерянность так весело.

— Ты... ты перебрался через Стену? — спрашивает он тихо.

— Да, и Эмма пошла за мной, — говорю я, все еще улыбаясь.

Я думал, это невозможно, но на его лице появляется еще более озадаченное выражение. Мне хочется задать ему кучу вопросов о том, что случилось после его появления здесь, о спрятанном от меня письме, но сейчас я просто наслаждаюсь его потрясением.

— Эй, Блейн, — кричит кто-то позади него. — Куда подевались твои манеры? Не хочешь представить нам своего маленького брата?

Маленький брат. Никто не знает, что мы близнецы. Блейн возвращается к реальности.

— Ну, не так уж и нужно представлять тебя, Септум.

Я вытягиваю шею, чтобы посмотреть за спину Блейна. Там сидит Септум Тейт с коротко стриженными волосами и выглядит точно так же, как и пару месяцев, назад, когда он был похищен.

— Привет, Грей, — Септум улыбается мне, хотя его рот наполнен хлебом. Позади него дружелюбно кивает мне Кроу Феникс. Моя челюсть падает на пол.

— Вы тоже здесь? — заикаюсь я. Франк рассказал мне об этом, но все равно сложно поверить.

— Все здесь, — объясняет Кроу. Когда он улыбается, на его щеках появляются ямочки. — До тех пор, пока не попадают на службу.

Позади него я узнаю еще несколько лиц, а затем и еще дюжину других.

— Служба?

— У Франка слишком много дел, — говорит Блейн. — Мы помогаем Ордену решать простые задачи, пока он занят сложными.

— И что это за задачи?

Септум откусывает большой кусок хлеба и дальше невнятно говорит с полным ртом. — Например, раздача воды или агитация.

— И во время этого погибают люди?

— Во время раздачи воды — нет, — объясняет Блейн. — Но агитационные акции становятся в последнее время опаснее. Ходят слухи, что последователи Харви выигрывают. Мятежники здесь, на Востоке.

Итак, они это знают. Они знают все.

— Вредные паразиты, — бормочет Кроу и плюет в пустую тарелку. — Этот мужик просто ужасен.

— Ты имеешь в виду обычных паразитов, — вставляет Септум. — Примитивные, хитрые и коварные.

— Нет, я имею в виду самых вредных паразитов, таких как черви, крысы.

Септум задумчиво тянет: «Подожди-ка, кажется, эти слова обозначают одно и то же».

— Конечно, нет, — выдает Кроу и закатывает глаза. — Паразит может быть и комплиментом. Я имею в виду чистую грязь. Харви. Сброд.

Пока они спорят, Блейн хватает меня за руку.

— Пойдем. Нам надо поговорить, — говорит он.

Он тянет меня от стола, и мы покидаем столовую через боковой выход, который ведет к круглой высокой стене Объединенного Центра во внутреннем дворе. Утренний воздух все еще холоден и влажен, и вокруг никого. Меня охватывает усталость. Я ушел из Клейсута ночью, почти утром, и с тех пор еще не спал.

— Ты поступил глупо, Грей.

Удивительно, но я слышу злость в его голосе.

— Глупо?

— Перебрался через Стену, — он складывает руки на груди и снова смотрит на меня как разочарованный старший брат. — Ты понимаешь, как тебе повезло, что Орден нашел тебя и спас? Почему ты это сделал?

Вся злость, которая зародилась во мне, когда я прочитал письмо матери, пробудилась с новой силой.

— Я перебрался через Стену, Блейн, — рычу я, — потому что ты врал и утаивал от меня правду. Если бы ты и мама доверяли мне и были правдивыми, я не начал бы сам искать объяснения.

— О чем ты говоришь?

— О том, что мы близнецы, Блейн. Ты и я, мы родились в один и тот же день, — я вытаскиваю мамино письмо из кармана и бросаю Блейну. — Если ты не хотел, чтобы я это нашел, нужно было его сжечь.

Блейн раскрывает листок. Его взгляд становится виноватым, когда он понимает, что перед ним.

Он говорит в замешательстве: «Как ты узнал? Здесь об этом ничего нет».

— Ну да, в одном мама была права — я отправился искать ответы. В личном блокноте Картер есть интересная запись, что мы близнецы и родились в один и тот же день в 29 году.

— Ты не должен был это узнать, — тихо говорит он.

— Что на второй странице, Блейн?

— Мне очень жаль, Грей. Я не думал, что это важно. Ма... я думал, она не в себе. Он отдала мне это письмо, и я не хотел запятнать ее память. Клянусь, я был уверен, что тебя похитят вместе со мной. Я всегда считал, что нас заберут вместе.

Я вспоминаю, как Блейн подмигнул мне и сказал, что мы скоро увидимся. Внутри я киплю от злости и чувствую себя преданным, но стараюсь не закричать на него.

Вместо этого я медленно повторяю свой вопрос: «Что на второй странице, Блейн?»

Он открывает сумку и вытаскивает пергамент. Я разворачиваю его дрожащими руками и начинаю читать. Предыдущая страница закончилась «Грей...

«... на самом деле твой брат-близнец. Разница в возрасте между вами не год, а пара минут. Я не знала, что у меня будут близнецы. Когда Грей родился вскоре после тебя, я попросила Картер держать рождение Грея в тайне. Я притворилась, что вновь беременна. Годом позже Картер пришла ко мне и записала, что Грей «появился на свет». Она объяснила, что он был «болен», и отговорила всех от посещений. Грей впервые увидел свет в два с половиной года. Тогда уже никто не удивился, что вы так похожи. Все решили, что вы просто братья, и между вами разница в год.

Если Похищение — природное явление, моя задумка ни на что не повлияет. Я хотела увидеть все своими глазами, чтобы, наконец, разгадать загадку Клейсута. Теперь приходится переложить эту ношу на твои плечи. Если вы с Греем исчезнете вместе, станет ясно, что Похищение имеет природный характер. Но если похитят только тебя...

Грей до твоего Похищения не должен ничего знать, потому что иначе он начнет задавать лишние вопросы. Он должен узнать об этом, если его не похитят. На этот случай мы с Картер разработали план, моя смерть приближается, и пусть все идет, как идет. Я надеюсь, вы не возненавидите меня за то, что я превратила вашу жизнь в эксперимент. Я люблю вас обоих. Не проходит и дня, чтобы я не видела в вас вашего отца. Вы оба точная его копия,

только Грей еще получил его взбалмошную голову. Итак, береги тайну, даже если это будет слишком тяжело, и помни о том, что Грей твой брат, твой близнец и тебе когда-нибудь придется извиняться.

Подписи нет, только чернильная клякса внизу пергамента. Информация, которую ищет Франк, есть в этом письме. Это может быть доказательством, которое ему нужно: подтверждение того, что мое рождение было скрыто, и Похищение пощадило меня.

— Можно я его возьму? — спрашиваю я, даже не взглянув на брата.

— Конечно.

Я складываю пергамент. Блейн отдает мне первую страницу, и я убираю теперь полное письмо в сумку. Так странно, наконец, прочитать все письмо. Я думал, мне все станет понятно. Но я так же беспомощен и полон мучительных вопросов, как и прежде. К своей цели — понять Похищение — я не приблизился ни на шаг.

— О каком плане Картер пишет мама? Который я разрушил тем, что сбежал?

— После смерти мамы Картер просветила меня, — объясняет Блейн. — Она сказала: если нас не похитят вместе, она подождет до твоего девятнадцатого дня рождения. Если ты будешь похищен только тогда, это докажет, что Похищение зависит от дат, записанных в бумагах, а не от настоящих дат рождения. У нее была идея, что можно будет скрывать даты рождения мальчиков и тем самым задерживать их в Клейсуге. Превратить теорию в практику. Что из этого вышло, я не знаю.

Я презрительно фыркаю. После всего, что я видел в ночь, когда перелез через Стену, мне не кажется, что идея рассказать все Мод сильно поможет делу. Я хочу рассказать об этом Блейну, но слова не идут.

— Я думал, она сумасшедшая. Считал, что они обе просто потеряли рассудок, и ничего не рассказал тебе, потому что обещал это маме, — Блейн смотрит в пол, а затем поднимает взгляд на меня. — Она думала, ты меня простишь за это.

Мама была права: я его брат, и я прощу его. Но сейчас я не готов к этому. Еще нет. Невозможно делать вид, будто ничего не случилось, после того, как прочитал, что вся наша жизнь была ложью, что это был эксперимент. То, что со мной случилось, ненормально. И здесь, в этом месте, где мы находимся, нет ничего нормального. Я чувствую, что совсем потерял.

— Грей, — это еще одно заверение, что ему жаль, ему даже не нужно это говорить.

— Это уже случилось, Блейн, — между нами тяжелая напряженная пауза. Я пытаюсь вспомнить, когда мы еще так чувствовали себя вместе, но ничего не приходит на ум.

— Так ты все знаешь? — спрашиваю я, в отчаянии пытаюсь нарушить молчание. — О Клейсуге? О Харви?

Он кивает: «А ты?»

— Да. Франк рассказал мне.

— Ты встречался с ним? Сам?

— А как иначе он мог рассказать мне?

— Я все узнал из видео, — он, должно быть, заметил мой удивленный взгляд, так как он добавил. — Здесь есть устройство, которое называется камера. Она как пара глаз, которые видят все, и она может запомнить то, что видит. Потом можно просмотреть, когда захочешь. Я думаю, они запомнили с помощью камеры, как Франк говорил о Клейсуге, и показали мне. Септум и Кроу тоже это видели. Франк так занят, что у него нет времени встречаться с каждым. Удивительно, что он нашел время встретиться с тобой, — он останавливается на

пару секунд. — Какой он? — добавляет он.

— Довольно вежливый.

Блейн убирает руки в карманы: «Надеюсь, он скоро найдет, что за всем этим стоит. Я каждый день думаю, что должен вытащить оттуда Кейл».

Когда он говорит о Кейл, я думаю о Картер, Саше и Мод.

— Думаешь, они сейчас все начнут перебираться через Стену? — в панике спрашиваю я. — Если мы с Эммой были первыми, кого спас Орден, значит, тела не появятся. И если они не найдут тел, возможно, все...

— Нет, — говорит Блейн.

— Ты же не знаешь...

— Видео... Если Орден спасает кого-то из перебравшихся через Стену людей, можешь быть уверен, в Клейсуге появляются тела.

Я думаю о второй машине, которая ждала на холме, когда Марко нашел нас. Она поехала тогда в другую сторону.

— Возможно, это разумно, — говорю я. — Если перебравшихся через Стену людей пока трудно или даже невозможно спасти, Клейсугу лучше оставаться прежним, пока Франк не найдет решение.

— Или пока не поймают Харви.

— Точно.

Я улыбаюсь, и Блейн улыбается в ответ, но все равно все кажется неправильным. Мы все еще братья, даже если нас не окружает Стена, и мы стоим на песке? Я чувствую себя истощенным.

— Я, правда, устал, — говорю я. — Думаю, мне надо прилечь.

— Хорошо. Позже я приду к тебе, и мы обсудим все, что случилось, — он поворачивается, чтобы идти. — Мне очень жаль, Грей, — добавляет он. — Из-за того, что мы близнецы. Правда.

Я мог бы принять его извинения, но не делаю этого.

— Я знаю, — отвечаю я и иду за ним назад в столовую.

Когда я вновь прохожу через столовую, сомнения с новой силой охватывают меня. То, что Франк найдет решение или схватит Харви, кажется мне таким нереальным, невозможным. Я хочу домой. Никогда бы не подумал, что скажу что-то подобное, но я просто хочу назад в Клейсуг, где все было легко. Где отношения между мной и Блейном были просты и понятны. Где у меня было будущее с Эммой.

Я покидаю зал той же дорогой, продираясь сквозь толпу стоящих за едой людей. Ни о чем больше не думая, я опускаю голову, и вдруг кто-то хватается меня за руку.

— Грей?

Передо мной стоит Эмма. Ее волосы так хорошо причесаны, что кажутся идеально гладкими. Обычно они торчат во все стороны. Меня охватывают смешанные чувства: любовь, радость, боль, облегчение, страстное желание — все вместе.

— Я скучала по тебе, — говорит она.

Эмма одета в белое: неудобные узкие штаны, а верхняя часть, когда она двигается, колышется как вода. Что-то в ней изменилось: брови кажутся слишком тонкими, а кожа слишком светится. Лицо выглядит так, как будто каждую черту нарисовали идеальной кистью.

— Что они с тобой сделали? — спрашиваю я.

Ее губы необычного темного цвета. Даже глаза, о которых я думаю, что никогда не смогу их забыть, кажется, окружены темной тенью.

Она вздыхает: «Точно не знаю. Кажется, на лицо намазали три слоя сажи, а с тела содрали три слоя кожи. Хорошо хоть не заставили надеть туфли на каблуках, я в них все время спотыкалась».

Эмма демонстрирует простые белые туфли и горячо меня обнимает.

— Нам нужно убраться отсюда, Грей, — шепчет она мне на ухо. — Здесь что-то не так. Они не все нам говорят. Я им не доверяю, — ее волосы под моим подбородком пахнут горелым.

— Они рассказали тебе про Харви? — она поднимает голову с моего плеча и хмурится.

— Я встречался с Франком. Он ответил на кое-какие мои вопросы, — мой живот громко урчит, и я понимаю, что уже несколько часов ничего не ел. Поспать я могу позже. — Я расскажу тебе все во время завтрака.

— Эй, Ромео! — Марко идет вдоль прохода. Эмма и я отрываемся друг от друга. — Я должен ненадолго одолжить тебя.

Впервые мне приходит в голову, что его густая борода по сравнению с лысым черепом смотрится глупо. Взгляд Марко падает на Эмму.

— Привет, моделька. Тебя хорошо отремонтировали, — я вижу, как его взгляд задерживается на глубоком вырезе ее блузки, и сдерживаюсь, чтобы не врезать ему. Марко хватает меня за руку и тащит по коридору, прежде чем Эмма и я успеваем попрощаться.

— Куда мы идем? — спрашиваю я, когда мы заворачиваем за угол, и он тащит меня вниз по лестнице.

— В стационар. Тебя нужно очистить. Стандартная процедура для всех членов Ордена.

— Очистить?

— Уколы, таблетки и прочая медицина. И мы должны тебя подстричь. Только не говори, что не заметил, что мы все выглядим чистыми и опрятными? Мы просто хотим, чтобы ты стал частью семьи, — улыбается он мне.

Инстинктивно я свободной рукой трогаю непослушные пряди волос на затылке. Конечно, это только волосы, но я хотел бы их оставить. Я не хочу выглядеть как Орден и Марко. Я хочу сохранить что-то от Клейсуга.

— Нет, спасибо, — говорю я. — Я чувствую себя хорошо так, как есть.

Марко отвечает мне подзатыльник.

— Я разве сказал, что ты можешь принимать решения? Это не обсуждается, — я ошеломленно потираю голову. — Волосы нужно подстричь, чтобы вывести вшей. Таблетки и уколы, чтобы избежать болезней. Это лучше и для тебя, и для всех в Теаме. Давай, иди!

Он грубо тащит меня за собой. Марко далеко не так вежлив, как прежде, когда уговаривал меня и Эмму сесть к ним в машину. Сейчас в Объединенном центре все изменилось, как будто он ненавидит меня. Я спрашиваю себя, не устроил ли Франк ему нагоняй, потому что он засунул меня к Бозо в камеру.

Мы входим в дверь, на которой написано «Только для персонала», и останавливаемся перед второй с надписью «Стационар». Марко проводит рукой над коробкой рядом с дверью, и, держа меня под локоть, ведет по открывшемуся за дверью коридору. Когда мы, наконец, заходим в комнату, он толкает меня на холодный металлический стул.

Последнее, что я помню — кто-то заталкивает мне в рот две красные таблетки, и парикмахер ждет, чтобы подстричь меня налысо.

Я очнулся уже не в карантине, а на кровати в обычной комнате. На мне все еще моя одежда из Клейсута: грязные штаны и толстовка с капюшоном. На улице темно. Не знаю, сколько времени прошло — пара часов или целый день.

Когда я поворачиваюсь на бок, голова шуршит по подушке как наждачная бумага. Проведя рукой по макушке, чувствую, как волосы грубо царапают ладонь. Сколько себя помню, у меня никогда в жизни не было таких коротких волос.

Я спускаю ноги с кровати и сажусь. Болит каждая мышца, руки кажутся свинцовыми, в затылке глухая боль. На столе рядом с кроватью оставлен хлеб и овощи. Я жадно глотаю пищу.

Зайдя в соседнюю комнату за кроватью, нахожу ванную прямо в доме. Ванны нет, но, если покрутить пару рукояток за стеклянной дверцей, из прикрепленной к стене трубы течет вода. Это напоминает удивительное устройство, которое мы с Эммой видели в покинутом доме возле Клейсута. Я скидываю грязную одежду и встаю под струю. Это намного проще, чем мыться дома. Я стою под горячей струей воды, соскребаю с себя грязь и наблюдаю, как мыльная пена исчезает в сливе. От этого боль в затылке начинает проходить.

Внезапно вода иссякает. Я кручу рукоятки. Ничего. На стене светится маленькое табло, на котором мигает сообщение «Двухминутный контрастный душ использован». Я отбрасываю мыло в сторону, хватаю полотенце и вытираюсь. В следующий раз нужно поторопиться.

Рядом с раковиной лежит стопка чистой одежды. Это форма Ордена. Ткань тяжелая и прочная. Я пытаюсь понять, как они могут сшивать такую материю. Штаны неплохие, но верхняя часть выглядит странно. Воротник слишком узкий и мешает дышать, руки и талия обтянуты, словно ткань приклеена к телу. Я чувствую себя скованно: двигаться неудобно, а шея так зажата, что я могу смотреть только вперед.

В зеркале над раковиной я впервые вижу мою новую стрижку. Лоб кажется слишком большим, и вид унылый. Серые глаза больше не спрятать за длинной челкой. От форменной одежды шея болит сильнее, поэтому я стягиваю верх и бросаю на пол. Потом возвращаюсь в кровать и с облегчением засыпаю. Я прижимаюсь к постели, словно она может облегчить боль.

Когда я просыпаюсь в следующий раз, уже рассвело и всходит солнце. Я сажусь в кровати, натягиваю обувь и поднимаю с пола ванной комнаты форменный верх. Руки и ноги все еще болят.

Я должен найти Эмму. Я все еще не рассказал ей, что Франк сообщил мне о Харви и «Лейкосе». Мы можем вместе позавтракать и поговорить, а затем попробовать уйти из Центра. Если поднапрячься, может, это будет так же легко, как из дома в Клейсуге. Возможно.

Я подхожу к двери и слышу по ту сторону голоса Марко и Франка.

— Он все еще без сознания? — спрашивает Франк. Я благодарен ему за беспокойство обо мне.

— Уже почти двадцать четыре часа, но это нормально, — отвечает Марко. — Он скоро очнется.

— Сразу же скажите об этом мне. И подумай о том, как это вообще могло случиться. Я

сейчас слишком занят с Харви и не могу заботиться еще и об этом. Но из-за одного пропущенного Похищения не должно все провалиться, — Франк говорит раздраженно, он просто вне себя.

— Понимаю, сэр.

— Хорошо, — отвечает Франк.

Его шаги удаляются, потом он останавливается.

— Ты идешь?

— Я давно не спал. Сначала парень, потом вчерашнее совещание. Я хочу немного отдохнуть.

— Ты не заработал, — говорит Франк. Его голос звучит так же тепло и ровно, как в моей памяти, но в словах и интонации ясно слышен командный тон. — Эван подготовил сообщение до того, как парни уйдут в лес. Ты должен там быть.

Марко вздыхает: «Да, сэр».

Я слушаю, как их шаги удаляются, и приоткрываю дверь. Коридор пустой. Интересно, что все это значит.

Вчера Франк мне объяснил, что я удивительная загадка и, возможно, ключ к спасению нашего города. Но в его сегодняшнем разговоре с Марко все звучит совсем по-другому. Похоже, он сильно напуган этим происшествием.

Я чувствую, как у меня дрожат руки. Франк потрясен тем, что мы единственные спасенные жители Клейсута, а я к тому же единственный избежал Похищения. Это все. Ничего другого просто не может быть. В этом чужом мире мне необходимо мыслить разумно и найти во всем смысл. Уходя из комнаты, чтобы найти Эмму, я еще раз повторяю себе это.

Дверь в конце коридора закрыта. Я со слабой надеждой провожу рукой над серебряной коробкой, как это делал Франк, когда вел меня в столовую. К моему удивлению, дверь отъезжает в сторону.

Я вхожу внутрь и осматриваю свою руку. На внутренней стороне запястья бледный синяк. Видимо, во время карантина мне дали доступ к этим дверям. Не знаю, как это сделали, но такое предположение разумно.

Я иду через коридоры, пока не добираюсь до лестницы. По ней попадаю на главный этаж, куда вновь получаю доступ с помощью запястья, и по памяти нахожу дорогу в столовую. Беру завтрак и замечаю Эмму, которая ест овсяную кашу и пьет горячий чай из чашки. Сначала она обращает внимание на мою новую стрижку, гладит меня по голове и безжалостно поддразнивает. Наконец я могу ей все рассказать. О Харви и проекте «Лайкос», Франке и его целях, разговоре, который недавно подслушал. Когда рассказываю об эксперименте Харви, ее кулаки сжимаются, как и мои.

— У меня мания преследования или...? — спрашиваю я, когда описываю поведение Франка возле моей комнаты, когда он казался возмущенным тем, что я избежал Похищения.

— Не знаю, — говорит Эмма. — Если он пытается разгадать тайну Похищения и освободить Клейсут, он должен быть рад, а не расстроен, что тебя не похитили.

— Я тоже так думаю, — я прикасаюсь к спрятанному в сумке письму матери.

В письме объяснение моего случая, которое ищет Франк. У меня внезапно возникает чувство, что показывать ему письмо не стоит.

Эмма смотрит на свой поднос.

— Они считают нас мертвыми, верно? — ее голос звучит глухо и невыразительно.

— Кто?

— Моя мама. Мод. Все. Блейн объяснил тебе, что они используют убитых под Стеной для замены. Если он прав, там, как всегда, появились тела, и они думают, что мы мертвы.

Я представляю Картер, как она, всхлипывая, свернулась на больничной кровати. Невозможно представить, что она чувствует, думая, что потеряла дочь. Я ничего не ответил на вопрос Эммы, но мы оба знаем, что ответ «да».

— Давай прогуляемся, — предлагаю я. — Нам нужен свежий воздух. И, возможно, мы побольше узнаем об этом месте.

— Что ты ищешь?

— Я хочу узнать, почему проект «Лайкос» вообще начался. Что убивает тех, кто перелез через Стену. Почему похищенные юноши появляются здесь в Центре.

Она усмехнулась.

— Ты думаешь, что найдешь эти объяснения во время прогулки?

— Кто знает? Иногда стены разговаривают. Подумай, сколько мы узнали из плаката с изображением Харви в тот день, когда прибыли в Теам.

Столовая начала пустеть, члены Ордена возвращались к своим обязанностям.

— Ты никогда не изменишься? Всегда будешь пытаться узнать правду? — Эмма смотрит на меня, высоко подняв брови.

Я пожимаю плечами.

— Вероятно, нет, пока я не увижу ее своими собственными глазами. Когда ты пошла за мной через Стену, ты сказала, что тебе так же нужны ответы, как и мне.

— Верно. Но посмотри, куда мы попали. Я хотела бы вернуться в то время, до нашего побега. Если бы мы могли начать сначала, я не стала бы ничего искать и просто хотела бы быть с тобой, Грей. Тебя не похитили, и мы могли бы остаться в Клейсуге вместе. Навсегда, как птицы.

— Тогда меня бы похитили в девятнадцать, — предполагаю я. — И мы не птицы.

— Знаю. Но хотела бы, чтобы мы были. Тогда мы могли бы улететь отсюда прямо сейчас.

Она вновь смотрит на поднос, и на миг я боюсь, что она заплачет. Я наклоняюсь вперед и беру ее за руку: «Мы не можем. Не сейчас. Но если мы найдем еще пару объяснений, правду, тогда обещаю тебе, что мы сможем убежать куда захотим».

На лице Эммы появляется ее обычная сдержанная улыбка, которую я никогда не смогу понять. А потом она наклоняется над столом и целует меня. Короткий нежный поцелуй, который дает надежду на большее. Когда мы уходим из столовой, мое сердце колотится как сумасшедшее. Но не из-за загадок и грядущих открытий. Эмма. Это всегда Эмма.

Глава 16

Нам потребовалось гораздо больше времени, чем мы думали, чтобы покинуть Объединенный центр и выйти на улицу, увешанную плакатами с лицом Харви.

Мы замечаем небольшую скамейку в тени и устраиваемся на ней. Я рассматриваю золотую статую, а Эмма прислоняется ко мне спиной, кладет ноги на сиденье и смотрит в другую сторону. Ее волосы щекочут мне плечо. Они больше не пахнут мылом из Клейсуга. Этот запах долго преследовал меня, и теперь кажется, что она пахнет чем-то чужим. Но я все равно целую ее в макушку. Какое-то время мы сидим вот так в тишине.

— Знаешь, до сих пор я так и не нашла ни одного ответа, — говорит она шутливо. — Очень жаль. Я начинаю думать, что ты отправился на поиски, только чтобы побыть со мной наедине.

Я улыбаюсь, а она поворачивается и садится прямо.

— Возможно.

С тех пор, как мы пришли на площадь, она все больше заполняется простыми людьми. Кое-где их очень много. Они встают в очередь к сцене и яростно толкаются, чтобы получить место получше. На стене светится объявление, которое мы уже видели: «Сегодня раздача воды. Только первый и второй районы. Предъявляйте ваши карточки».

Потом между зданиями приезжают на автомобилях бойцы Ордена. Они с оружием занимают свои места на сцене. У них то же оружие, что мы видели во время нашего приезда в Теам. Снова Орден направляет оружие на толпу. Жители Теама непрерывно текут мимо нашей скамейки к сцене. Все держат в руках маленькие красные листки, по которым получают выделенную им долю. Очень нервный мужчина средних лет бежит мимо нас и наступает мне на ногу.

— Смотрите под ноги, — говорю я.

Он бросает на меня злобный взгляд через плечо и что-то бормочет. Потом бежит дальше, не замечая очереди и проталкиваясь между людьми. Сумка, которую он перекинул через плечо, качается туда-сюда и бьет тех, кто стоит слишком близко. Впереди начинается раздача: каждый по очереди получает канистру воды.

Мы с Эммой решаем уходить, потому что людей слишком много, но продвигаемся вперед очень медленно. Как рыбы, плывущие вверх по реке, проталкиваемся сквозь неуступчивые тела, которые двигаются в другом направлении. Когда я слышу крик, мы как раз достигаем окраины площади.

— Держите его! Держите этого мужчину!

Позади нас становится тихо, и толпа снова движется к сцене. Вдруг я замечаю, как кто-то упорно проталкивается к нам. За ним люди разворачиваются и гремят голоса: «Держите вора!»

Я вижу мужчину, который наступил мне на ногу. Он бежит через толпу и толкает всех, кто стоит на его пути. Он держит не одну канистру, а две.

Бойцы Ордена отчаянно борются с толпой и преследуют вора. Я бросаю взгляд на Эмму и вижу, что мужчина бежит прямо на нее. Она стоит перед переулком, в который он хочет скрыться.

Эмма пытается отпрыгнуть с его пути, но слишком медленно. Вор толкает ее плечом, и она падает. Когда мужчина бежит мимо меня, я выставляю ногу, и он тоже падает. Канистры с водой грохаются вниз, и содержимое сумки выливается на землю. Спотыкаясь, он поднимается и бежит в переулок, но я быстрее. Я прыгаю на него, хватаю за рубашку и прижимаю к стене.

— Вам определенно нужно смотреть под ноги, — рычу я.

— Пожалуйста, — говорит он. — Вы не понимаете. Моя жена, мои дети. Они больны.

Его взгляд не кажется больше озлобленным, скорее сломленным и безнадежным. Эмма встает с земли, ее белые штаны порваны, и коленка разбита в кровь. Я еще раз ударяю мужчину о стену. Бойцы Ордена уже в пути, я слышу их крики.

— Пожалуйста, — умоляет вор. — Нам нужна вода.

— Видимо, она всем нужна.

— Что вы вообще понимаете? — спрашивает он, глядя на мою форменную одежду. — Вы живете во дворце и исполняете приказы этого продажного...

Первый из охранников заворачивает за угол, и вор вновь пытается вырваться из моей хватки.

— Пожалуйста. Моему сыну всего пять. Еще есть время. Просто дайте мне убежать. Скажите им, что я напал на вас, толкнул. Или плюнул вам в глаза.

Я почти делаю это. Его слова звучат так правдоподобно, что я почти выпускаю его рубашку из рук. Но затем я вспоминаю о том, как упала Эмма, когда вор толкнул ее плечом. Я держу его за рубашку еще пару секунд, а затем появляется боец Ордена и прижимает вора к стене. Я вижу, как камень царапает его щеку, когда ему связывают руки не какой-то веревкой, а специальной металлической цепочкой с двумя браслетами для запястий.

— Повернись, — приказывает охранник. Когда вор не подчиняется, его бьют. Сильно. Он ударился головой об стену. Свежая кровь течет из расщепленной брови, пока он продолжает просить.

— Пожалуйста. Она нам нужна. Вы не понимаете.

— Повернись.

— Я сделаю все, что вы хотите. Разрешите мне сначала отнести воду моей семье.

— Сейчас же.

Вор поворачивается спиной к стене. Он плачет, и слезы смешиваются с кровью. Охранник отступает и направляет на него оружие.

А затем следует взрыв, такой громкий, что моя голова гудит. Я на миг закрываю глаза, и когда вновь могу видеть, вор лежит на земле мертвый. Но я не вижу ни стрелы, ни пики, ни даже ножа. Ничего. Только зияющая дыра у него в голове. Я смотрю на окровавленную голову мужчины, отворачиваюсь к стене и начинаю задыхаться.

Всю обратную дорогу Эмма дрожит. Она не плачет, но, по крайней мере, реагирует сильнее, чем я. Она проявляет страх, раскаяние, потрясение, что-то. Я же, напротив, бессмысленно смотрю вперед и иду молча. Я спрашиваю себя, что случилось, и есть ли в этом моя вина. Все хотели воды, и все ждали в очереди. Он украл. Он был вором. Но заслужил ли он смерть из-за канистры воды?

Я держу свои мысли при себе, потому что боюсь: если выскажу их вслух, Эмма упадет рядом со мной. Я обнимаю ее и провожаю в комнату, которая совершенно случайно на том же этаже, что и моя, только в другом крыле.

Затем я направляюсь в бюро Франка. Там я барабаню в дверь, пока кто-то не объясняет мне, что у Франка нет времени поговорить со мной. Я настаиваю, что мне нужно его увидеть. Меня просят уйти, но я продолжаю настаивать.

В конце концов, я сажусь на пол перед кабинетом и складываю руки на груди. Я немного дремлю и просыпаюсь оттого, что кто-то пинает меня в ребра.

— Грей, — Франк стоит надо мной. Он держит в руках стопку бумаг.

Я встаю на ноги.

— Я должен с вами поговорить.

— Я уже слышал. У меня есть немного времени, но зайди внутрь, пожа-луйста.

Мы садимся возле письменного стола. Когда Франк кладет на него свою стопку бумаг, кажется, будто эта растрепанная стопка разрушила всю гармонию комнаты. Франк откидывается на спинку стула, складывает пальцы и делает ими успокаивающую волну.

— Итак, Грей, чем я могу тебе помочь?

— Сегодня там был один мужчина, в городе. Он был...

— Застрелен, — заканчивает Франк за меня.

— Но я не видел никаких стрел.

— Это верно. В Клейсуте у вас есть луки, да? Вы стреляете стрелами?

Я киваю.

— В Ордене мы пользуемся пистолетами. Мы стреляем пулями.

Он поднимает рубашку и вытаскивает оружие из-за ремня. Оно намного меньше тех, что у мужчин на площади. Франк вытаскивает маленькую емкость из нижней части и тянет за верхнюю часть. Вынимает из пистолета что-то блестящее и металлическое и протягивает мне.

На моей ладони пуля выглядит такой маленькой, что я спрашиваю себя, как она могла убить вора. Но она так невероятно быстро летела. Вылетев из оружия, она так быстро достигла цели, что я не смог за ней проследить. Маленькая, но сильная. Быстрая и смертоносная. В сравнении с этим мой лук и стрелы кажутся смешными.

Я даю пуле скатиться на стол.

— Он не заслужил смерти, — говорю я.

Франк напряженно улыбается. Совсем как моя мама, когда Блейн или я провинились, и она собиралась нас наказать, хотя ей это и не нравилось.

— Иногда мы должны делать то, что кажется не совсем правильным.

— Нет, — отвечаю я твердо. — В этом не было необходимости. У него в семье больные. Ему нужно было всего лишь немного больше воды.

— Все хотят иметь больше воды, Грей. Каждый из них. И я делаю все, чтобы у них вода была. Но у нас очень ограниченные запасы. Он взял то, что ему не полагалось. Совершенно не важно, болен он или нет. Он не имел никакого права получить больше воды, чем его сосед. Ты это, конечно, понимаешь.

— Но у него не было возможности защитить себя.

— Он был виновен, — отвечает Франк.

— Что, если это не так? Если все не настолько черно-белое?

— Но это так. Он убежал с водой, и он знал, что нарушает правила, — Франк перегибается через стол так, что его лицо оказывается прямо передо мной. — Ты правильно поступил, когда остановил его, Грей. В Теаме сейчас спокойнее, потому что ты сделал это.

Я киваю, но все еще слышу последние слова вора, его мольбы и причитания. Я чувствую, что потерял решающую часть паззла. Возможно, у меня неправильная точка зрения на всю эту историю, чтобы я мог понять ее смысл. С полной уверенностью могу сказать только, что я не согласен с мнением Франка. У каждой истории две стороны, а вор не мог рассказать свою версию.

Мне хочется сказать это Франку, но он так хорошо относится ко мне. Он дал мне одежду и еду, и пытается помочь всем остальным в Клейсуте, и борется с проблемами своей собственной страны. Возможно, это оправдывает то, что он приказывает Ордену так действовать. Что я на самом деле знаю? Клейсут очень мал, а здесь все так сложно.

— То, что ты видел, не типично, Грей, — уверяет меня Франк. — Так мы поступаем только с ворами, убийцами и предателями.

Я киваю, но что-то возникает у меня внутри, слабые всходы сомнений, посеянные воров. «Вы не понимаете... Вы подчиняетесь приказам этого продажного...»

Я извиняюсь и иду к двери. Но прежде чем я выхожу, Франк добавляет.

— Грей? Я не знаю, как это случилось, что ты вышел из Центра. На время твоего карантина я приказал изменить коды. Ты не должен был открыть внешнюю дверь. В Теаме часто беспокойно, люди с внешней стороны купола тоже, бывает, нарушают границы. Я могу гарантировать твою безопасность только внутри Центра. Я должен попросить тебя в будущем не бродить вокруг.

Еще вчера я решил бы, что он, в самом деле, заботится обо мне. Сегодня его слова звучат как приказ.

— Конечно, — говорю я.

Но, когда двери кабинета со своеобразным щелчком закрываются за мной, я иду прямо к Эмме. Сомнения зародились во мне, и только Эмма знает, нужно ли мне вырвать их с корнем, пока это еще возможно.

Глава 17

Когда я подхожу к комнате Эммы, решение уже принято. Мои сомнения слишком правдоподобны. Видимо, вор знал то, что мне неизвестно, когда назвал Франка продажным. И тот разговор Франка и Марко, который я слышал, и то, что Франка так беспокоит моя история... Здесь что-то не так.

На мой стук Эмма сразу же открывает дверь. Еще влажные после душа волосы падают ей на плечи. Она больше не дрожит.

— Я уже говорил тебе, что стены здесь умеют разговаривать?

Она кивает.

— Внизу за дверью «только для персонала» есть коридор. Я его видел, когда Марко вел меня в стационар. Я считаю, в этом коридоре стены знают больше, чем другие.

Эмма подозрительно смотрит на меня.

— Мне кажется, с этим не стоит играть, если ты не «персонал». Возможно, ты должен поговорить с Франком. Кажется, ты ему нравишься.

— Уже. Но я ему нравлюсь, потому что избежал Похищения, ни больше, ни меньше.

— Понятно, — говорит Эмма и выходит в коридор. — Что мы ищем на этот раз?

— Библиотеку.

Она останавливается.

— Почему?

Я бросаю взгляд через плечо. Никого нет, но я все равно продолжаю говорить тихо.

— Потому что мы знаем не все, и неважно, сколько вопросов я задаю. Но в библиотеках все есть. Даже у нас в Клейсуте есть здание с историческими сведениями и заметками, а этот город в несколько раз больше Клейсута. Где-то в Теаме должны быть свитки или книги.

Эмма ничего не говорит, но протягивает мне руку. Я принимаю ее, и поиски начинаются.

Когда мы подходим к коридору, Эмма снова начинает дрожать. Снова и снова я оглядываюсь, но никто не следует за нами. Я никак не могу решиться провести ладонью над серебряной коробкой, так как знаю, что у меня нет сюда доступа. Вместо этого я разглядываю на стене устройство с рукояткой, на котором написано «В случае пожара потянуть». Может быть, если потянуть, откроется другой вход? Слегка дрожа, я пытаюсь понять, нет ли иной возможности.

Эмма ободряюще кивает, и мне приходит в голову, что до сего времени у меня

получалось хоть что-то понять, если я прислушивался к своим предчувствиям и сам охотился за правдой. Прежде чем успеваю передумать, я тяну за маленькую рукоять. Шум сирены заполняет коридор, и с потолка льется вода.

Нас точно поймают.

Группа членов Ордена выбегает из открывшейся двери, но, удивительно, никто не обращает на нас внимания. Они бегут в сухие коридоры и держат бумаги над головой, чтобы спрятаться от внезапного душа. Прежде чем дверь закрылась, мы с Эммой проскальзываем внутрь.

Коридор внутри плохо освещенный, длинный и узкий. Пол мокрый от воды, она льется с потолка и вызывает неприятные ощущения. Сирена продолжает реветь. Дрожа, Эмма нащупывает мою руку и переплетает наши пальцы.

Мы проходим мимо ряда кабинетов и зала для заседаний. Все двери закрыты, но через застекленные проемы в них видны столы и стулья. В конце коридора находится единственная дверь с матовым стеклом, за которым все кажется размытым и искаженным. Единственное, что можно сказать точно — там кто-то движется. Размытая фигура увеличивается, приближается к нам и сейчас появится в коридоре.

Я тяну Эмму за руку, мы отпрыгиваем в сторону и начинаем торопливо пытаться открыть каждую дверь. В ту секунду, когда дверь в конце коридора начинает открываться, я, наконец, нахожу дверь зала для заседаний, ручка которой поддается. Мы с Эммой забегаем в комнату и, тяжело дыша, прижимаемся к стене. Я наблюдаю через застекленный проем, как какой-то человек бежит по коридору, и глубоко вздыхаю.

— Думаю, мы в безопасности.

Эмма тоже облегченно вздыхает. Когда вода перестает падать с потолка, мы отправляемся на разведку по залу для заседаний. Длинный стол окружен стульями, и на нем лежат странные книги. Страницы в них не соединены корешками, а просто лежат в светлом переплете. Эмма открывает верхнюю книгу, на которой написано «Операция «Хорек-альбинос». Внутри тот же рисунок, что развешан по всему Теаму. Однако, там совсем другие сведения об этом человеке.

«Объект: Харви Малдун» — значит там. «55 лет, белый, 180 см, каштановые волосы, глаза карие. Носит очки, близорук».

Последнее, видимо относится к оправе, которая окружает его глаза и красуется на носу. Интересно, она нужна для защиты глаз, как я думал раньше, или для чего-то другого?

«Взять живым».

Мы смотрим друг на друга и поспешно поддвигаем стулья.

Эмма переворачивает страницу книги. Карта. В Клейсуге у нас была одна, которая показывала центр города и леса вокруг с высоты птичьего полета. Эта карта Теама и большой, покрытой лесом территории на севере, которая указана как «Большой лес». Далеко в северной части леса лежит горный массив. Одна из гор названа «Гора мученика». Кто-то обвел надпись красным цветом и подписал: «Вероятное расположение мятежников». Большая часть леса, которая простирается до гор, отмечена стрелками.

Следующая страница содержит сообщения разведчиков о местах, где как будто видели Харви. Их слишком много, и мы не читаем их все.

— Я надеюсь, они поймают его, — говорит Эмма, закрывая книгу.

— Я тоже.

Другие книги тоньше. В каждой лежит множество листов с похожим текстом. Буквы

кажутся слишком четкими и одинаковыми, чтобы быть рукописными.

Эмма протягивает мне листок. Это рисунок юноши приблизительно моего возраста. Он слегка опустил голову, но глаза все равно пристально смотрят на нас. Под рисунком написано «Элия Брюстер. Мятежник». Эмма водит пальцем по этому слову.

— Я слышал, что Харви собирает за городом своих людей — мятежников, — объясняю я ей. — Он работает с ними, чтобы передавать информацию дальше на Восток.

— Почему кто-то хочет помогать Харви? — спрашивает Эмма и морщится от отвращения.

— Здесь, смотри, — я показываю на абзац в сведениях об Элии.

«Брюстер, вероятно, главный мятежник. Его ищут в лесу после того, как магазин его отца был сожжен. Сестра была допрошена, безрезультатно. Точное местопребывания Брюстера неизвестно. Вероятнее всего, он прячется где-то в Большом лесу среди группы мятежников. Брюстера уничтожить на месте».

— Странно, — думаю я вслух. — Франк рассказывал, что это Харви начал восстание. Но здесь... как будто это Элия.

Ниже перечислена семья Элии. Его мать умерла, отец и сестра расстреляны. В ужасе я ерзаю на стуле.

— Расстреляны? — повторяет Эмма. — Это значит... Франк... Орден...

Еще один раз я смотрю на это слово. Мать просто умерла, но отец и сестра...

— Я думаю, они убили его брата и сестру. Вероятно, Элия сделал что-то ужасное, и они убили его семью.

— Как сегодня вора?

— Возможно.

Мы просматриваем остальные бумаги. Они содержат похожие истории. Большинство людей названы мятежниками и предателями, у многих написано, что они казнены. Но у всех есть кое-что общее: Франк хочет видеть их мертвыми.

Я думаю, иногда смертная казнь необходима. За все время существования Клейсута такой случай был только один раз. Я прочитал об этом в свитке. Юноша по имени Джек Варроу сошел с ума от ревности. Ему было шестнадцать, и у него поехала крыша, потому что он влюбился в девушку, которая не отвечала ему взаимностью. Она строила глазки другому юноше и заботилась только о том, чтобы ее закрепили за ним. Вечером Джек пробрался в дом своего соперника и попытался перерезать ему горло, но потерпел неудачу. За попытку убийства совет изгнал Джека за Стену. Его тело нашли днем позже. Так жители Клейсута казнили его.

Но это никак не походило на истории, которые заполняли книги. Люди преследовались за преступления, несравнимые с убийством: за то, что прочитали какую-то книгу, говорили о чем-то публично, обучали не тому... Мне стало казаться, что Элия и большинство людей на этих страницах невиновны. В том числе и те, что были казнены. У меня уже были сомнения по поводу расстрелянного вора, но здешние записи не оставляли места для сомнений. Эти люди не сделали ничего преступного.

— Как ты думаешь, что это значит, Грей? Все эти записи? — лицо Эммы побледнело.

Я бросаю взгляд на дверь и снова на стол. Франк знает обо всех этих казнях. Каждая страница подписана им. Франк, который положил руку мне на плечо и говорил со мной, как отец, Который хотел, чтобы я ему помог. Возможно, я все еще могу ему помочь. Истинный враг — Харви, но по этим записям Франк все меньше кажется мне союзником.

— Я спрашиваю себя, мятежники — это просто жертвы? — пытаюсь я размышлять. — Или они объединились и борются против Теама? — дальше я говорю шепотом. — И против Франка.

— Но они должны драться на стороне Харви? Это ужасно.

— Возможно, они считают, что он не так уж ужасен. Франк убил их семью и друзей и собирается казнить их самих. Харви же только провел эксперимент над незнакомыми им людьми. Если мятежники не всё знают, я могу понять, почему они присоединяются к Харви. Или, быть может, к Элии, как здесь написано.

Эмма нервно переплетает пальцы.

— Грей? А если Франк не так уж и прав?

Какое-то время я это обдумываю. Конечно, мне приходила в голову эта мысль, когда я прочитал документы.

— Но почему тогда Франк вообще начал нам помогать? Почему он потрудился вытащить нас из-под Стены?

Эмма все еще теребит пальцы и водит большим пальцем по запястью.

— Наверное, мы должны думать, что он на нашей стороне. Скорее всего, мы просто ошибаемся.

Если я определился, то в душе Эммы еще только прорастают ростки сомнений. Сведения в этих документах не совпадают с тем, что мне рассказали. И если Франку удастся освободить Клейсут, хотел бы я жить в этом мире? Где убивают из-за безобидного проступка?

— Нам нужно найти Блейна, — говорю я. — Мы должны рассказать ему об этих документах и выбраться отсюда. Мы сами можем найти Харви и заставить его освободить Клейсут. А потом нам нужно убраться от этого города как можно дальше.

— Отличный план, — в дверях стоит Марко и злобно улыбается. — А ведь Франк, как ни странно, хорошо к вам относится. Он будет потрясен, когда узнает, что вы оба предали его.

Марко кажется довольным собой, и я сразу понимаю, в какие неприятности втянул не только себя, но и Эмму. Как я мог подумать, что это хорошая идея? Зачем я потянул ее за собой?

Сначала Марко хватает Эмму. Я пытаюсь оттолкнуть его, но он сильнее. В комнату входит еще один боец Ордена и держит Эмму, чтобы Марко мог скрутить мне руки. Он защелкивает металлические браслеты на моих запястьях, так что я связан, как давешний вор. Потом он хватает меня за подбородок и нагибается, так что я могу увидеть свое отражение в его холодных глазах.

— Я, похоже, единственный был прав, когда засунул тебя в камеру. Какая ирония, — он выпрямляется. — Посмотрим, что захочет сделать с вами Франк.

Глава 18

Эмму определяют в камеру, а меня приводят в кабинет Франка, хотя его там нет. Окно с укрепленными стеклами, открывающимися наружу, открыто. Отдернутые шторы качаются от летнего бриза.

Марко бросает связку ключей на стол Франка и толкает меня на стул. Справа и слева от меня стоят охранники с оружием в руках. Я пытаюсь вырваться из наручников, но металл

только глубже врезается в кожу. Потом я перестаю бороться и просто смотрю в окно. На секунду я чувствую во рту горький привкус поражения. Он похож на прокисшее молоко.

Марко нагло садится в кресло Франка и презрительно смотрит на меня.

— Парень, не прошедший Похищение. Такой загадочный... Как стыдно, все так далеко зашло, ты пошел против Франка, — он щелкает языком. — Я надеюсь, Франк творчески подойдет к делу. Столько волнующих возможностей...

Он останавливается, как будто ждет, что я что-нибудь предложу для своей смертной казни.

— Мы могли бы отвезти твою подружку к Стене и подождать, пока она стгорит, — коварная улыбка. — Но это слишком быстро, она не успеет помучиться. Думаю, стоит заточить ее в камере и оставить там гнить, пока не состарится.

Перед глазами у меня появляется Бозо: стучащие пальцы, сумасшедший взгляд, вечная ухмылка. Эмма не может провести остаток своей жизни в камере. Это ломает ее. Я поднимаюсь, несмотря на кандалы, и металл вновь врезается в кожу.

Потом распахивается дверь, но входит и кивает Марко не Франк, а старый боец Ордена. Они стоят под семейной картиной на стене Франка и разговаривают друг с другом. Я не понимаю ни слова. Наконец Марко теряет терпение.

— Ну, ладно. Что мы решаем? Что сказал Франк? — бросает он.

Резким движением головы боец Ордена указывает на меня.

— Привести в исполнение, — объясняет он.

Прямо передо мной по другую сторону окна появляется черный ворон. Я вспоминаю ворона над полем в Клейсуге, которого я не смог застрелить. И ворона на Стене, который призывал меня перебраться на другую сторону. Сейчас ворон садится на крышу и снова указывает мне путь. Не раздумывая, я просто откликаюсь на его зов.

Я вскакиваю со стула и хватаю связку ключей Марко. Раньше, чем охранники начинают что-либо понимать, проскальзываю между ними и оказываюсь на полпути к окну.

Позади меня кричит Марко.

— Застрелите его! Стреляйте!

Я уже возле окна, ставлю ногу на карниз, отталкиваюсь и перепрыгиваю через парапет. Позади оглушительная стрельба. Мое падение, кажется, длится вечность. Как будто я оказался под водой и пытаюсь выплыть на поверхность.

До крыши не так далеко, но от удара у меня болят колени. Я пытаюсь затормозить, но из-за связанных рук не могу остановить падение. Я царапаю щеку о черепицу крыши и чувствую на ней теплую кровь.

Я бегу, и по мне продолжают стрелять. Вокруг дождь из пуль. Не знаю, куда бежать, но не останавливаюсь. Передо мной летит ворон, и я бегу за его черным силуэтом, пока не оказываюсь под защитой широкой дымовой трубы.

Пытаюсь восстановить дыхание. В ушах все еще звенит, на теле полно царапин. Плечом вытираю кровь на щеке, и какое-то время неловко сражаюсь с наручниками. Наконец, нахожу подходящий ключ и освобождаю руки.

Еще немного отдыхаю и продолжаю бег. Ворон исчез, теперь я сам по себе. Бегу навстречу солнцу, карабкаюсь по крышам вниз. Даже на самой низкой крыше все равно еще далеко до земли. Может, и смогу спрыгнуть, но точно что-нибудь сломаю. Пока я пытаюсь отдышаться и взвешиваю все за и против, за башней Теама на горизонте показывается темная тень.

Сначала я думаю, что это птица, возможно, еще один ворон. Но она летит слишком быстро и издает пронзительный вой, который становится все громче, когда она приближается к городу. И она не одна, их четверо. Они летят в одну линию с неподвижными крыльями. Вскоре они оказываются прямо надо мной, а гул становится невыносимым. Я закрываю уши руками.

Первая из замеченных мною птиц скидывает вниз яйцо странной формы, которое приземляется на крышу. Гром разрывает мне уши, и весь мир вокруг меня трясется. Другие птицы также одно за другим бросают свои яйца. Здание дрожит, но продолжает стоять.

Птицы все кружатся надо мной. На их крыльях я вижу знак: красный треугольник, такой же, как на эмблеме Франка, только здесь в центре голубой круг, а вместо буквы «F» Ордена — белая звезда.

Позади меня в Центре начинают звучать сирены, на которые Теам отзывается гулом. Это не радостный крик, а голос паники, страха. Никто не объяснял мне, что это машины врагов, о которых говорил Франк, но это и так понятно.

Когда «птицы» поворачиваются на бок и меняют курс, внизу появляется много машин. Это большие зеленые автомобили, они гораздо массивнее тех, на которых мы приехали в Теам. У них плоские крыши, задние дверцы открыты.

— В город! — кричит кто-то. — Красный код.

Пока машины выезжают из Центра, «птицы» атакуют башню еще раз. Крыша подо мной дрожит, но здание вновь выдерживает.

Мне сверху видно человека, который раздает указания. Он направляет следующую колонну: «Эта группа — к Большому лесу. Вперед!»

Перед глазами всплывает карта из зала заседаний. Большой лес находится в другой стороне, и предполагается, что где-то там, на севере прячутся мятежники. Мятежники означают защиту от Франка и, возможно, решение загадки Харви. Сейчас мне нужно и то, и другое.

Вторая группа машин не едет в город, а огибает Центр и держит курс к другому выходу. Инстинктивно я поднимаюсь на ноги и бегу за ними. Башня дрожит под очередным ударом, и я теряю равновесие из-за сотрясения крыши под ногами.

Машины покидают Центр и выезжают на проселочную дорогу. Это мой последний шанс, и я прыгаю с крыши на последний автомобиль. Боль пронизывает правую щиколотку. Мне не за что ухватиться, я скатываюсь с машины и падаю на землю. Быстро собираюсь с силами. Из-за неровной дороги машина едет медленно, и у меня получается ее догнать. Я открываю заднюю дверцу, она качается передо мной взад-вперед. Приказываю себе бежать быстрее. Когда наступает подходящий момент, прыгаю прямо перед тем, как дверца захлопывается.

Я оседаю на пол. Машина не снижает скорости. Вокруг лежат сумки со снаряжением, а в углу стоит несколько аккуратно сложенных ящиков, помеченных эмблемой Франка. На стене в ряд аккуратно висит оружие. В кузове нет окон, так что водитель не сможет меня увидеть. Я более-менее в безопасности.

Пока мы едем по неровной дороге, я думаю об Эмме в тюремной камере. Я убегаю от нее. Говорю себе, что не смогу ей помочь, если умру, и что она поймет, почему я должен был убежать. Это единственно возможный способ найти безопасное место, придумать хороший план и вернуться за ней.

Атака с Востока помогла мне бежать, но, если Теам в опасности, тогда и Эмма тоже.

Ради нее башня должна выдержать. Хорошо, если Орден справится с нападением.

Чтобы занять себя, я беру зеленую сумку и копаюсь в ней. Много предметов кажется мне незнакомыми. Странное устройство, которое светится с одной стороны, если его покрутить. Карты, коробка с надписью «спички», тяжелый охотничий нож, вещи первой необходимости и пара тяжелых подозрных труб. Если поднести их к глазам, все становится крупнее. Еще фляжка с водой и сухофрукты. Я делаю глоток воды и жду, что будет дальше.

Через несколько часов машина замедляет ход и едет со скоростью прогулочного шага. Я рассматриваю оружие на стене, затем вытаскиваю из сумки охотничий нож и затыкаю его за пояс. Чуть позже я закидываю мешок за спину и жду, когда откроют заднюю дверь.

Сначала я слышу голоса.

— Здесь мы разобьем лагерь для ночевки.

— Но пополнение никогда не отправляют ночью.

— Из-за нападения нам пришлось разойтись. Мы не можем рисковать, оставаясь в Теаме, если Эван рассчитывает утром на пополнение.

Эван. Имя кажется мне знакомым, но я никак не могу вспомнить, где я его слышал.

Двери машины распахиваются, и мой сапог впечатывается в голову замешкавшегося бойца Ордена. Он опадает на землю, а я бегу прочь. Позади меня слышны крики, снова летят пули, но мне удается убежать в лес. Я снова среди деревьев, зеленых деревьев, на свежем воздухе и в лесу, где я чувствую себя как дома.

Мне грозит смертная казнь, и моя единственная надежда на жизнь глубоко в лесу. Мои руки ритмично разгребают ветки, а ноги несут на север. В неясное будущее. К горе Мучеников. К мятежникам.

Часть 3 Мятежники

Глава 19

До наступления темноты я хочу убраться от Ордена как можно дальше. У меня совсем мало времени, поэтому я бегу, пока легкие не начинают жечь, а потом перехожу на быстрый шаг. Лес становится очень густым и разнообразным. Деревья необычно высокие и растут так близко друг к другу, что мне приходится протискиваться между ними. Трудно представить, что еще сегодня утром я был в стационаре.

Сильный порыв ветра ударяет меня в спину. Через густую листву небо едва видно. Оно ясное, светло-голубое, но в воздухе чувствуется запах дождя. Надвигается гроза. Как замечательно снова чувствовать все это, узнавать и понимать мир вокруг себя. Кажется, что я снова в Клейсуте и просто охочусь в лесу.

Я смотрю карту. Передо мной скалистый выступ и камни, которые отмечены на карте как «Брошь». Пожалуй, сейчас лучше устроиться на ночлег. Солнце клонится к закату, и во время непогоды не стоит оставаться под открытым небом.

На самом дне моего мешка находится гамак, который я привязываю к двум деревьям. Есть еще брезент, чтобы сделать подобие крыши. Я боюсь, что меня найдут, поэтому не решаюсь разводить огонь. Вместо этого поднимаю повыше форменный воротник. Сначала начинается мелкий дождь. Капли тихо падают и слегка шуршат по брезенту. Но затем небо обрушивается всей своей тяжестью. Я стремглав прячусь под брезент. Вокруг сплошная стена из воды, сквозь нее почти ничего не видно.

Интересно, когда Блейн узнает, что я сбежал? Что ему скажет Франк? Эмма и Грей попали в городе под обстрел. Эмма и Грей сбежали из башни и были убиты мятежниками. Эмма и Грей сбежали. Сплошное вранье. Я должен вернуться, чтобы забрать Эмму, но мне также нужен Харви, иначе Клейсут никогда не будет свободен. Я иду к мятежникам, но у меня нет ни стратегии, ни конкретного плана. Весь мир перевернулся с ног на голову, и от этого у меня голова кругом.

Когда начинается град, я достаю сухофрукты, которые будут моим ужином, забираюсь в гамак и засыпаю. Дождь идет всю ночь.

Утром я снова ем сухофрукты. Хотелось бы поохотиться, но это займет слишком много времени, так как у меня только нож. Если я поставлю ловушку, придется ждать очень долго, пока кто-то попадет в нее. Я собираю свой лагерь, под лучами восходящего солнца смотрю карту и иду дальше на север.

Приблизительно через два часа я оказываюсь перед каменной стеной. Возможно, забравшись на нее, можно оглядеться далеко вокруг. Я иду по тропе, которая ведет вдоль скалистой кромки, пока она резко не заворачивает влево, откуда можно легко осмотреть местность. Я достиг «Броши».

Очень медленно иду вперед. От дождя земля под ногами раскисла, и приходится рассчитывать каждый шаг. На скалистой кромке, где откос граничит с лесом, я замечаю в грязи отпечаток ноги. Он такой же свежий, как и мои следы. У меня перехватывает дыхание. Ордена где-то рядом.

Остаток дня я стараюсь держаться в тени. Если есть возможность, иду по еловым иголкам. Часто останавливаюсь и прислушиваюсь. До самого позднего вечера я слышу только лесные звуки: крики птиц и ровный шум листьев, с которыми играет ветер.

Уже стемнело, и я развешиваю гамак, когда вдруг слышу голоса. Мне нужно затаиться и держаться подальше, но желание узнать, чьи это голоса и о чем они говорят, гораздо сильнее. Поэтому собираю свои вещи и, стараясь не издавать ни звука, двигаюсь в ту сторону.

Местность здесь скалистая, и потому есть много мест для укрытия. Я прохожу между деревьями, мимо каменной глыбы и снова углубляюсь в лес. Сквозь сучья виден слабый отблеск костра. Лагерь Ордена. Около двух дюжин мужчин сидят вокруг костра, который бросает теплый свет на лица. Большинство сидит ко мне спиной, но тот, кто, скорее всего командир, полностью виден. У него такие короткие волосы, что невольно думаешь, есть ли они у него вообще.

— Вам нужно усвоить, что мы тут делаем, и как будем атаковать, — объясняет он. — Операция «Хорек-альбинос» — одна из самых важных для нашей дивизии. Мы ни в коем случае не должны ее запороть.

Операция «Хорек-альбинос»: документы, которые мы с Эммой нашли в Центре. Это операция, которую Франк запланировал, когда узнал, что Харви видели в лесу.

Мужчина делает драматическую паузу и молча оглядывает группу. Я слежу за его взглядом и узнаю в свете огня Септума и Кроу. Они, кажется, нервничают. Наверное, это их первая операция.

— Наше место назначения — гора Мученика, — добавляет мужчина. — Мы предполагаем, что там или где-то рядом не только Малдун. Возможно, это главное место сбора всех мятежников. Не недооценивайте этого человека. Он бессовестный и ловкий. Наше задание — доставить его обратно в Теам. Живым. Его обязательно нужно вернуть.

Я представляю себе Харви, его худую фигуру и темные глаза. Его пронзительный взгляд такой ясный, словно он стоит прямо передо мной. Я должен проследить за группой или найти сначала Харви. Мне нужно разгадать загадку, прежде чем Франк схватит его.

Мужчина складывает руки перед красным треугольником на груди и говорит дальше.

— Мы отправляемся рано утром. Наша цель — гора Мученика, там начинается охота на Малдуна. Следуйте инструкциям, и тогда, я уверен, эта операция будет успешной.

Затем он приглашает двух членов группы в свою палатку. Я поправляю мешок на спине и пытаюсь вернуться назад, чтобы разбить лагерь на безопасном расстоянии. Вдруг сзади трещит ломающаяся ветка. Я оглядываюсь, но не вижу ничего, кроме темных теней и силуэтов деревьев. Еще треск. На этот раз я вижу его. Он большой, темный и целится в меня из такого же маленького оружия, как у Франка.

— Не двигайся, — приказывает он и подходит, попадая в зону отблеска костра.

Это Блейн. Когда он меня узнает, опускает оружие.

— Грей! Что ты здесь делаешь? — шепчет он.

— А тебе что здесь нужно?

— Я участвую в операции. Мое первое большое боевое задание, и это отличный шанс поймать Харви, — отвечает он гордо.

О такой удаче я даже не мечтал. Я могу все объяснить Блейну, рассказать ему все о Франке. Он может мне помочь найти Харви, прежде чем его поймают Орден. С самого начала у меня было мало шансов на успех, но с Блейном у меня может получиться.

Прежде чем я успеваю сказать хоть слово, к нам кто-то подходит.

— Блейн? Твое дежурство закончено. Я хочу тебя заменить... — мужчина замечает меня и вскрикивает. — Что за черт... Откуда он здесь?

— Все в порядке, Лиам, — отвечает Блейн. — Это мой брат Грей.

Лиам недоверчиво смотрит на меня: «И как он добрался сюда?»

— Он... — Блейн запинается и смотрит на меня удивленно. — Да, как ты сюда попал?

Это определенно плохая реакция, потому что Лиам вытаскивает свое оружие и направляет его на нас обоих.

— В лагерь, — приказывает он и подталкивает нас в нужном направлении. — Вперед!

Блейн поднимает руки.

— Это мой брат, а не враг, Лиам.

— Мне все равно. Он шпионил в лесу и не числится в списке лиц, допущенных к операции. Вперед, к лагерю.

Другие бойцы Ордена смотрят на нас, когда мы подходим к костру.

— Эван? — кричит Лиам.

Плешивый предводитель появляется из палатки, и я понимаю, что Эван — тот, с кем разговаривал Франк возле столовой. Член Ордена, которому он доверил собрать команду и поймать Харви.

— Поймал этого парня, когда он шпионил в лесу за нами, — выпаливает Лиам. — Блейн сказал, что это его брат.

Блейн пытается что-то сказать в мою защиту. Эван поднимает руку, заставляя его замолчать. Кто-то приносит портативный аппарат. Он очень похож на тот, которым пользовался Марко возле Стены.

— У меня здесь Грей Везерсби, — говорит он в него. — Без понятия, как он сюда добрался, но на нем форма Ордена и сумка со снаряжением. Мы задержали его на границе

нашего лагеря. Какие будут приказания?

Из аппарата раздается треск, так что голос оттуда звучит глухо и невнятно.

— Могли бы вы повторить? — Эван трясет аппарат, но звук не становится чище.

Ругаясь, он пытается еще раз наладить контакт и, наконец, выдает:

— У этих штук никогда нет достаточной зоны дальности. Приведите его сюда.

Лиам толкает меня вперед, Я оказываюсь так близко к Эвану, что вижу отблески костра на его лысине.

— Что ты искал там один? — спрашивает он.

— Одиночная операция, — ответил я поспешно.

— Ах, так? Странно, я не знаю, что на этой неделе было еще что-то запланировано. Не считая операции нашей команды. У тебя есть документы?

— Да.

Это плохо кончится.

— Я хочу посмотреть, — бросает Эван и показывает на мою сумку.

Лиам начинает ее обыскивать. Он даже не пытается снять сумку у меня со спины, и я раскачиваюсь направо и налево, пока он там копается.

— Сэр, — говорит он. — Документов нет. И его сумка... не обычная сумка для операции. Что-то подобное имеют с собой солдаты подкрепления. Провианта на два дня максимум.

Эван срывает мою сумку, бросает взгляд внутрь и бьет меня: «На колени!»

— Подождите. Что вы делаете? — спрашивает Блейн дрожащим голосом.

— Это сумка для группы подкрепления, которая должна рано утром привезти нам провиант. Он врет.

Эван вытаскивает оружие, которое носит на бедре, и Блейн вздрагивает. — Уберите оружие, — говорит он. — Если он не говорит правду, значит, для этого должны быть основания.

— Все равно, что за основания, их недостаточно.

Лиам заставляет меня встать на колени.

Мой побег бесполезен. Мне нужно было не обращать внимания на голоса и оставаться в лесу в своем лагере. Блейн испуганно умоляет Эвана о чем-то, но тот настроен решительно. Я ловлю взгляд Кроу с той стороны костра. Он морщится.

Я слышу, как Эван двигается сзади меня, чувствую, как он приставляет оружие к моему побритому затылку. Оно холодное. Я думаю о Клейсуге, о неразгаданной тайне и о том, будет ли больно.

Вдруг становится тихо, слишком тихо. Ни слышно зверей и птиц. Даже ветер затих. А затем я слышу тихое шипение стрелы в воздухе. Тихий звук удара. Эван падает на меня. Я стряхиваю его и вижу, что стрела торчит у него в груди. Красное пятно расплзается по рубашке.

— Мятежники! — кричит Лиам. — Нас атакуют!

Стрелы градом вылетают из темноты. Много горящих стрел попадает в палатки, и они загораются. Я защищаю голову руками и поднимаюсь на ноги.

Блейн хватается за руку и тянет. Вдруг стрела задевает его руку, и он шатается. Я оборачиваюсь и вижу, что вторая стрела пронзает его бедро. Он сразу падает.

— Блейн!

Я нагибаюсь, чтобы осмотреть его, и в последнюю секунду уклоняюсь от стрелы,

которая летит в меня. Блейн хватается за бедро. Из раны сильно идет кровь, это видно даже без осмотра.

— Плохо, да? — спрашивает он, кашляя.

— Порядок, — говорю я, хотя все наоборот. — Идем, нам нужно двигаться.

Я перекидываю руку Блейна через плечо. Он тяжелый, но сейчас я этого не чувствую. Поддерживая Блейна, бегу от костра так быстро, как могу. Позади нас идет бой, атакующие стреляют не только стрелами, но и пулями.

В лагере полный хаос. Люди Ордена снова и снова падают, а нападающие остаются в тени.

— Огонь по своему усмотрению! — кричит кто-то.

Пули летят в обоих направлениях. Мне непонятно, как люди Ордена узнают, где свои, где чужие.

— Отступление, — приказывает другой голос. — Немедленно отступить!

Я сажусь на корточки за скалистой глыбой. Кроу тоже нашел там укрытие.

— Что случилось? — кричит он, перекрикивая шум боя, и смотрит на Блейна.

— Его задела стрела, — от выстрелов мне заложило уши.

— Все будет в порядке, — говорит Кроу и заряжает оружие.

— Не знаю, — я смотрю, как он готовит пистолет. Он вставляет запасную часть внутрь, перегибается через скалу и стреляет в темноту. Ряд стрел летит в нас, и нам приходится упасть на землю.

Кроу отчаянно смотрит сначала на меня, а потом на Блейна.

— Я не могу больше их сдерживать, — признается он. — Вы должны бежать. Сейчас.

Пули врезаются в скалу. В эту минуту я думаю, что, возможно, все кончено. Я не переживу эту ночь, не смогу вернуться в Теам, никогда не скажу Эмме, что я на самом деле чувствую к ней. Внезапно я ощущаю, как она бесконечно далеко от меня.

— Если ты сможешь вернуться назад в Теам, скажи Эмме, что я приду за ней. И что я ее люблю. Ты можешь это ей сказать?

Если Кроу и удивлен, он не подает вида. Он кивает, слегка выпятив подбородок, и снова перегибается через скалу. Он целится оружием в темноту и говорит, не глядя на меня.

— Уходите. Немедленно, — приказывает он. — Я прикрою.

Я поднимаю Блейна как можно выше, чтобы удобнее подхватить его под мышки, и бегу, когда Кроу открывает огонь.

Глава 20

Мы коротаем ночь в темной пещере на небольшом холме. Я развожу костер и, как могу, ухаживаю за Блейном. Стрелу оставляю в ране — боюсь, что не смогу остановить кровотечение. Только обламываю ее у самой раны. Блейн вздрагивает от боли. Остатками воды из фляжки смываю кровь. Стонет. Бинтом из сумки перевязываю рану вокруг обломанной стрелы. Повязка быстро становится бурой от крови. Я смотрю, как судорожно поднимается и опускается его грудь.

— Я буду в порядке, — повторяет он снова и снова. Я киваю.

Когда я был почти готов перейти к повстанцам, они подстрелили моего брата. Однажды я уже потерял Блейна, и не могу допустить этого вновь.

Утром Блейну еще хуже. По своим же следам мы пробираемся обратно в лагерь, я нес

брата на спине. В густом тумане местность почти не узнать. Костер прогорел, большинство палаток остались на земле. Из одной из них делаю что-то вроде носилок, в которые ложится Блейн, так что я могу тащить его за собой. Я зол на повстанцев, потому что они ранили Блейна, но глупо было бы не попытаться их найти. Мне нужен Харви, а в Теаме меня ждет только смертная казнь. Кроме того, Блейну срочно нужен врач.

В уничтоженном лагере насчитываю семь тел. Я думаю, они заслуживают погребения, но у меня нет на это времени. Вместо этого я перетаскиваю погибших на еще дымящуюся палатку и поджигаю ее. Стая разъяренных черных воронов, которым я испортил завтрак, провожают нас, когда мы покидаем лагерь. Почти все утро они следуют за нами, летая кругами и каркая, пока туман не рассеивается.

Я направляюсь на север, и в течение дня нам попадаются еще пятна-дцать мертвых бойцов Ордена. Половина команды Эвана убита. Жалкие остатки воды из фляжки я отдаю Блейну. Мне приходится раскрыть ему рот, чтобы влить воду.

Вечером я ловлю кролика на ужин, пытаюсь накормить Блейна, но он не ест. Утром, пытаюсь успокоить жажду, пью росу, которая собралась на листьях.

Так проходит день за днем. Я тащу Блейна, едим то, что мне удастся поймать. Я пытаюсь найти воду. Блейн большую часть дня без сознания, я стал от жажды и начинаю терять надежду.

Иногда мне кажется, что передо мной кто-то из повстанцев или Кроу, но, зажмурив и открыв глаза, не нахожу никого. Мы идем все дальше на север, но продвигаемся все медленнее. Ночь и день смешались, и уже непонятно, где север, а где юг. Возможно, мы вообще идем по кругу. Голова болит, а горло горит так, что, кажется, я могу разжечь огонь.

Может, я никогда не смогу найти воду. Франк говорил, что ее недостаточно, это редкий дефицитный ресурс. Что, если этот лес уже полностью использован? Реки перегорожены, озера высушены, и воды нет совсем?

На третий день без воды я натыкаюсь на пруд со стоячей водой. Она похожа на грязную зеленую жижу. Я встаю на колени. Это весь результат моих долгих поисков? Вода жутко пахнет, ее нельзя пить. Я подтягиваю Блейна к себе и кладу его голову на колени. У него потрескавшиеся и сухие губы. Он старается держать глаза открытыми. Прислушиваюсь к его неровному, сбивчивому дыханию. Я приношу несчастье людям, которых люблю. Сначала Эмма, а теперь Блейн.

Потом мне слышится какой-то тихий мягкий шум. Я прислушиваюсь, и у меня перехватывает дыхание. Этот звук похож на журчание ручья.

Я иду за звуком и понимаю, что зеленый пруд — всего лишь заводь ручья, который бежит по другую сторону скалистой стены. В ней есть небольшая щель, через которую проникает свет с той стороны, и слышится плеск воды.

— Блейн, — говорю я. — Вставай. Нам нужно идти.

Он бормочет что-то нечленораздельное.

— Там вода, — объясняю я.

Я хочу сказать, что он должен только дойти до воды, а потом я снова потащу его, но слишком сложно что-то говорить.

Когда я поднимаю Блейна на ноги, он стонет. Его лицо в грязи и тине.

— Сюда, — говорю я и показываю на расселину. Когда мы волочимся вперед, он морщится и хромает, передвигая больную ногу. — Ты справишься?

Он кашляет, но кивает. Я отпускаю его. Он зажмуривается и снова кивает. Как только я

поворачиваюсь к нему спиной, Блейн падает. Сильный глухой стук удара тела о землю.

Он потерял сознание и ударился головой об камень. Я сажусь на корточки рядом с ним.

— Блейн? — нет ответа. Когда поднимаю его голову, на моих руках кровь. — Блейн!

Ничего.

— Ты не можешь умереть сейчас! Не сейчас, когда мы, наконец, нашли воду, — я трясусь и ругаю его, зову по имени, но он не отвечает. Когда я прижимаю ухо к его груди и слышу сердцебиение, облегченно выдыхаю. Я даже не заметил, что перестал дышать. Потом вытаскиваю из сумки бинт и перевязываю ему рану. Руки у меня не перестают дрожать.

Я снова смотрю на скалу. Нам нужна вода. Я должен пойти один и принести воды. Я бросаю последний взгляд на Блейна и пролезаю через расщелину. Она очень узкая, и я еле двигаюсь. Когда я, наконец, выбираюсь наружу, кричу от радости.

Вокруг меня со всех сторон каменные стены. По самой высокой скале стекает вода, завораживающе маня, и вливается в озеро у моих ног.

Я сдерживаю себя от того, чтобы тут же кинуться к воде. Шепчу благодарственную молитву о том, что Орден еще не знает об этом естественном водохранилище, и забегаю в озеро. Брызгаю водой в лицо и жадно пью. Я еле могу поднять руки, чтобы пить из ладоней, но вода такая вкусная. Божественный звук падающей воды, и невероятное чувство холодной прохлады внутри. Впервые за последние дни во мне зарождается надежда.

Я пью, сколько могу, и достаю из сумки флягу, чтобы наполнить ее для Блейна.

— Не двигаться, — приказывает голос.

Я застываю и поднимаю руки над головой.

Вероятно, это мой последний вдох. Но выстрела нет. С поднятыми руками, означающими капитуляцию, поднимаю глаза и смотрю на того, кто меня окликнул. Приблизительно в двадцати шагах от меня, рядом с узкой расселиной, через которую я пробрался, стоит девушка. Она моего возраста или немного младше и держит в руках длинное, узкое оружие. Ее взгляд суров и сосредоточен. Я умру так же быстро, как вор на площади в Теаме. Но девушка останавливается.

— Ты, — приказывает она мне. — Как тебя зовут?

Когда я не отвечаю, она подходит прямо ко мне и прижимает оружие к моей груди: «Я спросила, как тебя зовут».

Она намного меньше меня, еще меньше, чем Эмма, и у нее светлые волосы, собранные в пучок: «Юноша там. Он твой брат?»

— Ты все равно убьешь нас, — объясняю я ей. Иначе быть не может. Она считает меня врагом. — Ты убьешь нас как бойцов Ордена.

— Убью? — выпаливает она. — Это не убийство, а борьба за выживание, — она снова пристально осматривает меня.

— Твое имя, — приказывает она, сжав зубы. Я молчу и продолжаю ее провоцировать. Мне становится ясно, что я все еще еле держусь на ногах и вот-вот потеряю сознание.

— Ты молодец, — признаю я. — Я ничего не слышал. Ты уже давно идешь за нами? — она не отвечает. — Ты была бы хорошим охотником. Особенно там, откуда я родом. Я думаю, у нас нет ни одной девушки, которая может так незаметно подкрадываться.

— Откуда ты родом? — повторяет она. — Ты из Ордена или не оттуда? — в этот раз она сильнее прижимает оружие к моей груди. Я все еще держу руки над головой, но почти уверен, что она меня не застрелит. Если бы хотела, она бы уже это сделала.

— Что тебе даст мое имя? Ты же застрелишь меня, или? — бросаю я ей с нахальной

усмешкой. Она прищуривает глаза и невероятно быстро бьет меня коленом между ног. Когда я корчусь от боли, чувствую удар прикладом винтовки по голове. Падаю в воду, и последнее, что вижу, прежде чем погружаюсь в темноту, — ее гордое, самодовольное, улыбающееся лицо.

Глава 21

Я очнулся на кровати, сплетенной из веток. Она стоит в комнате со стенами из беспорядочного нагромождения камней и сучьев, как будто кто-то построил дом, который будет незаметен в лесу. Светловолосая девушка стоит ко мне спиной и разговаривает с мужчиной вдвое старше и в четыре раза крупнее нее. У него озабоченный вид, руки сложены на животе.

— Ты не должна была приносить сюда этих двоих, Бри, — высказывается мужчина.

— Посмотри еще раз, Люк. Скажи мне, что ты этого не видишь, и я отвечу, что схожу с ума.

Люк молчит.

— И он сказал «откуда я пришел».

Все еще нет ответа.

— И они близнецы.

— Мне все равно, — отвечает Люк и качает головой. — Они в форме Ордена. Они опасны для нас.

— Один из них без сознания и, скорее всего, в коме после удара головой.

— Все равно.

— Овен должен посмотреть на них, — настаивает Бри — Если он решит, что эти двое должны умереть, тогда я согласна. Но я хочу быть уверена.

— Хорошо, но сначала я приведу Клиппера. Того, что без сознания, он уже осмотрел. Я не хочу здесь находиться вместе с ними, — Люк подозрительно смотрит на меня и выходит из комнаты.

— Кто такой Клиппер? — спрашиваю я, садясь на кровати. Голова сразу начинает кружиться.

— Он специалист по обнаружению следящих устройств, — отвечает Бри. — Вот. Выпей немного воды, — она протягивает мне грубо вырезанную кружку, которую я жадно выпиваю.

— Следящие устройства?

— Ты же знаешь, где ты, или? — спрашивает она, поставив руки на бедра.

— Гора Мученика, — говорю я.

Ничего другого просто не может быть. Бри из повстанцев, и она притащила меня в их логово.

— Где мой брат? Я хочу его видеть.

Она садится на край кровати.

— Как тебя зовут? — спрашивает она и смотрит мне прямо в глаза, словно собирается прочитать в них ответ.

— А тебя?

— Бри.

— Приятно познакомиться.

Она хмурит лоб.

— Я бы тоже так сказала, но ты до сих пор не назвал себя.

— Я знаю. И не собираюсь этого делать.

Я не доверяю ей. Она хотела застрелить меня и Блейна, который был без сознания и полностью беспомощен.

— Ты все равно скажешь, — предполагает она. — У нас есть методы, чтобы заставить людей говорить.

Хлопает дверь, и входит парень. Он худой и похож на мальчишку с вытаращенными глазами и большими руками. На вид ему не больше двенадцати-тринадцати лет.

— Это Клиппер, — говорит Бри. — Он сейчас отключит твое следящее устройство.

Мальчик гордо улыбается.

— Не понимаю, о чем ты.

— Ну, конечно, — презрительно говорит Бри. — Они сказали, что тебе нужно сделать пару уколов, принять таблетки или подстричь волосы, и все это они называют очисткой. А потом ты просыпаешься утром с болью в затылке. Они вживили тебе жучок.

Я смотрю на нее и ничего не понимаю.

— Пока ты дышишь, и жучок под твоей кожей, они всегда могут определить, где ты находишься, — продолжает она. — Клиппер удалит передатчик. Как только он извлечет его из тебя, устройство перестанет работать, и Орден Франка потеряет твой сигнал. Они будут считать тебя погибшим. Я же правильно объясняю, Клиппер, или?

— Очень правильно, — объявляет он.

Да, это нужно сделать. Если Франк будет считать меня мертвым, я смогу начать новую жизнь. Найти Харви и понять, как освободить Клейсут. Когда будет удачное время, и Франк забудет обо мне, я смогу вернуться назад в Тeam и выручить Эмму.

— Вот, — говорит Бри, протягивая ложку, вырезанную из дерева. — Зажми ее зубами. Это очень больно.

Она поворачивается ко мне боком, и я вижу шрам, который начинается под ее правым ухом и заканчивается на ключице. Она тоже раньше была в Ордене.

Клиппер обнажает мою шею и вытаскивает из мешка странные устройства. Он связывает между собой несколько проволочек и раскладывает опасные на вид инструменты.

— Бри? Ты уверена, что Клиппер специалист?

Она хмурит лоб.

— Клайтон годами этим занимается, потому его и прозвали Клиппер (Clipper — ножницы), — она злорадно улыбается. — Может, твой шрам не будет таким жутким, как мой.

— Готов? — спрашивает парень.

— Сосчитай до трех, — отвечаю я. — Чтобы я знал, когда ты начнешь.

Клиппер держит что-то, что я не могу видеть, возле моей шеи.

— О'кей, — говорит он. — Поехали. Один... два...

Без предупреждения мою шею пронзает жгучая боль, как от горячего металла. Что-то вгрызается в мышцы, нажим, рывок, и он что-то вытаскивает из меня. Я так громко кричу, что у меня болят уши, и раскусываю ложку пополам.

Клиппер прижимает что-то к моей шее, и боль становится еще сильнее. Я чувствую, как плавится, горит и распухает кожа. Потом он убирает инструмент, и боль становится меньше.

— Ты сказал, что досчитаешь до трех! — ору я на него.

— Извини, — его голос звучит искренне. — Все получается, если пациент расслаблен.

Если бы я досчитал до трех, ты бы напрягся, и ничего бы не вышло.

— Верно, — подтверждает Бри. Она улыбается, как будто радуется тому, что я страдаю.

— Посмотри сюда, — говорит Клиппер и протягивает зеркало. — Твой шрам едва заметен.

На шее видна еле заметная бледно-розовая линия. Он прав. Шрам не такой ужасный, как у Бри. Кажется, будто Клиппер резал ее шею столовым ножом.

— Можно, я посмотрю на жучок? — спрашиваю я.

Клиппер подает мне миску. В ней мирно лежит металлическая полоска не длиннее моего большого пальца. Я чувствую себя грязным оттого, что мне вставили что-то без моего ведома.

— Хватит, Клиппер, достаточно, — присоединяется Бри. — Мы не должны ему все объяснять. Я совсем не уверена, что он здесь останется.

— Ты шутишь! — Клиппер бросает жучок в свою сумку. — Я проделал все это только для того, чтобы вы убили этого парня?

— Что? — я тянусь за ножом, который спрятал на щиколотке, но его там нет. И я по-прежнему слаб, чтобы сражаться. Думаю, мне нужно еще воды.

— Мы должны принять меры предосторожности, — говорит Бри, пожимая плечами. — Да и окончательное решение принимаю не я.

— И кто его принимает? — осведомляюсь я.

— Овен.

— Кто это?

— Заткнись, наконец, — она направляет оружие на меня и толкает в плечо.

Я снова поднимаю руки в знак лояльности, и она выталкивает меня из комнаты. Мы проходим несколько узких проходов в скале, не встретив никого. Я обдумываю, не стоит ли напасть на Бри и убежать. Но тогда я буду бегать, пока меня не поймают. Или пока не умру от слабости. Кроме того, я не могу бежать без Блейна.

Мы останавливаемся, и Бри открывает тяжелую дверь.

— Заходи, — приказывает она и машет оружием. — Овен сейчас придет.

Я сдерживаюсь, чтобы не ответить, и захожу в темную пустую комнату. Вокруг каменные стены, как в камере в Теаме, которую я делил с Бозо, только здесь так не воняет. В свете единственной настенной лампы я едва вижу другой конец комнаты. У стены стоит стул, и я волочу туда мои измученные ноги. Едва я сел, входит мужчина.

— Оставайся там, где сидишь, — говорит он.

Его голос звучит доверительно. Я еще больше оседаю на стуле. Со своего места я могу видеть его только ниже пояса — он носит штаны из грубой ткани и надежные сапоги.

— Бри говорит, что я должен на тебя посмотреть, прежде чем мы от тебя избавимся, — объясняет он. — Объясни-ка, почему?

— Потому что ее совесть не позволяет убить того, кто сдался и поднял руки вверх, — выпаливаю я, все еще глядя на его ноги.

Мужчина произносит что-то нечленораздельное.

— Очень смешно. У бойцов Ордена странное чувство юмора.

Он снимает что-то с плеча и ставит на пол. Похоже на лук. Потом он идет в угол, хватая длинную узкую палку, ставит ее перед собой и кладет на нее что-то вроде ключа. Комната сразу ярко освещается. Он устанавливает свет, чтобы он падал на меня, и я опускаю голову еще ниже.

— Смотри на меня, — приказывает мужчина. Снова его голос кажется мне знакомым, но я не могу вспомнить. Я держу голову опущенной.

— Я сказал, что ты должен смотреть на меня, — командует он.

Свет слишком яркий, но я медленно поднимаю голову. Зажмурюсь, от-крываю сначала один глаз, потом другой. Когда свет падает на мое лицо, он отходит на пару шагов назад.

— Ты..., - начинает он, но замолкает. — Как тебя зовут?

Он говорит как Бри.

— Зачем мне называть себя, если вы меня все равно убьете.

— Возможно, нет.

— Но, может, и да.

— Просто скажи свое имя, мальчик. Пожалуйста.

Он не требует, а, скорее, просит. Как будто для него нет ничего важнее, чем узнать мое имя. Но я так долго скрывал его, что кажется глупым расколоться только потому, что кто-то вежлив.

— Ты Грей или Блейн? — спрашивает он, когда я продолжаю молчать. От этих слов я вздрагиваю и распахиваю глаза, чтобы посмотреть на него. Как он смог выбрать именно эти два имени из всех возможных?

— Ни тот, ни другой, — бросаю я, но знаю, что моя реакция меня выдала.

— Нет, ты точно один из них. Могу поклясться своей жизнью.

— Я не знаю, о чем ты. Почему он не выйдет на свет и не покажет лицо? Трус.

— Конечно, нет. Вы меня никогда не видели, но я знаю о вас.

Сидя напротив мужчины, я чувствую себя неуютно. Когда он подходит ко мне, отклоняюсь на стуле назад, как только могу. В одну секунду темный силуэт превращается в такого знакомого человека, что я не верю своим глазам и думаю, что жажда помutilа мой разум. Темные волосы падают на глаза так же, как у меня до того, как их подстригли. Широкие плечи и голубые глаза, как у Блейна.

— Я Овен, — говорит он и протягивает мне руку для приветствия. — Овен Везерсби. А ты...?

— Грей, — говорю я и с трудом поднимаюсь. — Я Грей.

Он прижимает меня к груди и крепко обнимает. — Добро пожаловать домой, Грей, — шепчет он. — Добро пожаловать домой.

22 глава

Мой отец. Здесь. Он жив.

Через холодный каменный коридор он приводит меня назад в комнату с плетеной кроватью, в которой я очнулся. Когда я засыпаю, его лицо склоняется надо мной.

Меня будто что-то толкает, и я вновь открываю глаза. Бри сидит рядом и проверяет свое оружие. Интересно, она когда-нибудь выпускает его из рук? Ее одежда напоминает мне о Клейсуге: куртка из легкого волчьего меха и толстые хлопковые штаны.

— Как долго я спал? — спрашиваю я и быстро сажусь. Я снова чувствую себя полным сил. Голодным, но сильным.

— Целый день.

Мне кажется, что это было намного дольше.

— Где мой отец?

— Он хочет тебя видеть. Я должна отвести тебе к нему, как только ты проснешься.

— А мой брат?

— Он в больнице. На горе Мученика.

— Разве мы не там?

Она кривит угрюмое лицо.

— Думаешь, я такая дура? Притащила вас обоих в наше логово, прежде чем убедилась, что вы сыновья Овена?

— Но ты сказала... когда Клиппер приходил...

— Нет. Это ты сказал, что мы на горе Мученика. Я ничего не сказала.

Она права.

— И почему я еще здесь?

— Потому что ты не лежишь в коме, как твой брат. Он беспомощен. Ты нет... Мы просто не доверяем тебе.

— Ясно. Не доверяете тому, кто был готов умереть от жажды, чтобы найти вас.

Она злится, вскакивает и резко убирает с глаз выбившуюся прядь во-лос.

— Ты ничего не понимаешь. Ничегошеньки. Ты ходишь в этой ужасной форме Ордена, и мы не трогаем тебя, а помогаем восстановить силы. Мы очень сильно рискуем, потому что ты сын командира. И вместо благодарности ты говоришь, как несправедливо с тобой обходятся.

Я молчу, потому что не хочу сейчас ругаться с ней.

— Наверное, ты должна была меня застрелить тогда, Бри. Меня и моего брата. Жить тебе было бы легче.

— Если ты думаешь, что я хочу иметь на совести еще одну смерть, ты еще глупее, чем я думала, — она хватает свое оружие. — Ты хочешь увидеть своего отца или нет?

— Конечно.

— Тогда закрой рот, и идем. Если ты попытаешься сбежать, я застрелю тебя. Попытаешься на меня напасть, я тоже тебя застрелю. Сделаешь еще что-то, что мне покажется странным, и я вновь тебя застрелю. Понял?

Я киваю. Я ей не доверяю, но что мне остается? Кроме того, там отец, который ждет, у которого есть ответы. Нужно идти за ней.

— Хорошо. Тогда идем, — Бри толкает меня своим ружьем.

Она не тыкает в меня сильно, как при первой встрече, но держит ружье так, чтобы было понятно, у кого в руках власть. Думаю, если захочу, я могу ее одолеть. Я неплохо себя чувствую. Но тогда я не попаду к отцу, и они никогда не начнут мне доверять.

— У нас мало времени, — говорит она и энергично кивает в направлении двери.

Насмешливо я поднимаю руки над головой, как будто ее команда действительно меня напугала.

— Я снова твой пленный, так?

— Ничего не изменилось, — она чуть-чуть улыбается.

Не злой улыбкой, но ухмылкой, которая появляется на секунду и исчезает.

Думаю, меня ведут в комнату для допроса. По дороге через каменные проходы мы встречаем Люка, который прячет от нас окровавленные руки. Он несет свой ужасный, гнусный инструмент. Где-то в темном проходе сзади него я слышу душераздирающий крик, от которого у меня мурашки по спине. Они усиливаются, когда Люк бросает мне улыбку, которая, по его мнению, должна меня успокоить. Я все еще пытаюсь избавиться от

пробирающего до костей страха, когда мы из темного прохода в скале выходим в солнечный полдень.

Я не вижу дороги, но Бри идет вперед, как будто точно знает, куда. Я перегибаюсь через край скалы, смотрю на равнину и глубоко вдыхаю. Бри терпеливо ждет и, когда я выпрямляюсь, бросает мне фляжку. Прежде чем успеваю сказать спасибо, мы снова двигаемся.

Молча карабкаемся, пока не добираемся до пологой площадки, которая кажется мне тупиком. Впереди отвесная стена горы Мученика, от которой берет жуть. Нужен не один день, чтобы вскарабкаться по этой скалистой круче.

— Мы на месте, — объявляет Бри.

Я решаю, что она разговаривает с кем-то другим, и осматриваюсь. Но мы одни.

— Мы у подножия горы Мученика. А это... — она указывает на крутой склон скалы, — проход к долине Расселин.

— Долина Расселин? — этого названия не было на карте Франка.

Она кивает: «Убежище».

Я рассматриваю могущественный скалистый массив.

— Но это совсем не похоже на долину.

— Сначала надо пройти через расселину, — она подходит к крутому склону скалы, я иду за ней и замечаю проход. Это темная прорезь, которая начинается у наших ног и простирается до неба, такая узкая, что ее сложно обнаружить, даже если стоишь прямо перед ней.

— Иди первым, — говорит Бри.

— Туда? — удивленно показываю на узкую щель в скале. — А другого входа нет?

— Есть, но тогда нам придется обойти весь горный массив, а у нас нет времени. Давай пошевеливайся.

Протиснуться в щель оказывается легче, чем я представлял. Не то, чтобы она оказалась шире или светлее, просто все равно некуда деться и нужно лезть. С одной стороны скала давит на спину, а другая сторона скалы царапает нос, но мы продвигаемся вперед.

Наконец, проход становится шире. Вскоре расселина оказывается достаточно широкой для моих плеч, и можно двигаться свободно. Через какое-то время Бри уже идет рядом со мной. Свет от входа в расселину почти полностью померк, но перед нами засветился выход из нее.

— А если нужно уходить? — осведомляюсь я, пока мы идем по все больше расширяющемуся пути. — Или нападет Орден?

— Тогда мы воспользуемся запасным выходом.

— А если они влезут сразу через оба? Тогда вы здесь как на тарелке. Сами себя загнали в ловушку.

— Не нужно нас недооценивать, — она показывает на окружающие скалистые стены. Высоко вверху, как насекомые, видны вооруженные люди. — Оба входа патрулируются день и ночь. Если нужно, мы можем пустить слезоточивый газ.

Она использует незнакомые слова, но мне все равно страшно. У Эвана и его группы мало шансов на успех. Войти в это убежище можно только по приглашению.

Наконец, название «долина» становится заслуженным. Ширина расселины удваивается, затем утраивается. Она становится такой широкой, что я не могу охватить ее взглядом. Нас все еще окружают скалистые стены, но они далеко отступают, над нами небесный купол с

облаками, и дышится легко. Перед нами долина, сады и поля. Между домами и загонами со скотом тянутся проселочные дороги. От недалекого рынка долетает запах пряных трав и жареного мяса. В долине полно людей, сотни и тысячи. Никогда не думал, что Харви — или, возможно, Элия — сможет собрать столько беглецов. Я смутно вспоминаю документы из Центра и начинаю понимать, что сведения Франка о повстанцах неверны. Что-то не сходится. Возможно, Харви здесь нет.

Я смотрю на город внизу. Сверху люди похожи на куколок в серой одежде. Молодые и старые, женщины и дети, мужчины и мальчики. Это место кажется мне родным, как будто Клейсут подняли наверх и спрятали в горах. По краям долины в отвесных стенах, которые упираются в небо, видны туннели и проходы в глубину скал. Если Харви здесь, найти его будет непросто.

— Что мешает врагам напасть сверху? — спрашиваю я.

— У нас есть скрытые охранники, их не видно. Не знаю, могу ли я кое-кому доверять, так что мы лучше сверим твои показания с документами. Мы спускаемся вниз и идем по улице мимо рынка. Люди смотрят на красный треугольник с буквой «F» у меня на груди, и в их глазах отчетливо видна ненависть и желание меня убить.

— Сверить с документами? — спрашиваю я, когда мы покидаем рынок и поворачиваем на боковую улицу. — Что ты имела в виду под «сверкой документов»?

— Это и имела. Проверку твоих документов. От нее зависит, умрешь ты или будешь жить.

— Что? Я... я думал, это решил мой отец, когда встретился со мной в комнате для допроса.

— Да и нет. Овен решил, что ты будешь жить, чтобы увидеть долину Расселин, но он не принимает решение единолично. Теперь другие должны вынести свое решение.

— Кто эти другие?

Мы приближаемся к темному тоннелю, который уходит вглубь скалы. Возле него стоят двое огромных мужчин: они намного выше меня и в два раза шире.

— Кто эти другие, Бри? — еще раз спрашиваю я.

Она не отвечает. Вместо этого мужчины с легкостью подхватывают меня под руки. Я пытаюсь вырваться, но тщетно. Как я мог довериться Бри? Или моему отцу? Как мне могло прийти в голову, что в лагере повстанцев будет безопаснее, чем в Теаме? Они хотят меня убить, как и Франк.

Я зову Бри, пока мужчины тащат меня, но она стоит как вкопанная. На секунду в ее глазах мелькает сожаление.

Потом мы с шумом вваливаемся в большую комнату. Меня бросают на стул и связывают руки за спиной. Вокруг стола сидят пять человек, которые будут решать мою судьбу. Один из них мой отец, четверо мне не знакомы.

23 глава

На меня направлены подозрительные тревожные взгляды. Я не знаю, что сейчас будет. Однако точно знаю, что проверка документов может означать мой конец. Конец моей погони за истиной, которая уничтожит и меня, и тех, кого я люблю.

Почему я был так глуп, так беспечен? Мне нужно вернуться к Эмме. Я пытаюсь вырваться из веревок и задыхаюсь от ярости.

— Будьте вы прокляты. Вы все, — я плюю в центр стола прямо перед высокой худой женщиной, которая шурит глаза. — И ты в особенности, — рычу я снова и смотрю на отца.

Он кажется подавленным. Предатель. Он обнимал меня, хотя знал, чем может закончиться эта проверка.

Кроме того, крик хорошо помогает от страха, как соль на рану.

— Вы будете решать, стоит ли мне жить, какой-то проверкой документов? — рычу я. — Вы понимаете, через что я прошел, чтобы добраться сюда? Только для того, чтобы вы меня убили, если решите, что я вам здесь не нужен?

Старый, почти лысый мужчина во главе стола улыбается: «О, просто море эмоций».

— Он взволнован, Райдер, — вставляет мой отец. — И запутался.

— Все в порядке, Овен, — отвечает Райдер и проводит рукой по своему почти голому черепу. — Я никогда не считал эмоции чем-то плохим.

Мой отец облегченно вздыхает, и это показывает мне, у кого здесь право первого голоса. Не у Харви или Элии, а у этого старика, которого я ни разу не видел до сегодняшнего дня.

— Что здесь происходит? — спрашиваю я. — Я хочу знать. Прошу вас.

Райдер отодвигает стул, встает и опирается руками на стол. Его мягкость и в то же время уверенность в себе напоминает мне Мод. Мод, которой я однажды доверился.

Старик смотрит мне прямо в лицо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Меня зовут Райдер Феникс, Грей, — объясняет он. — Я из Клейсута, как и ты. Мне понятно, почему ты чувствуешь себя обманутым, потому что я тоже пережил это. Многие из нас прошли через такое. Независимо от того, как закончится совещание, я даю тебе слово, что ты узнаешь правду.

Ответы. Мне должно стать легче, но его имя не выходит у меня из головы. Райдер Феникс. Почему оно кажется мне таким знакомым? Я вспоминаю о старых свитках. Это парень, с которым Мод провела первый опыт. Он первым пережил Похищение в присутствии других. Теперь он намного старше, но это должен быть он.

— Всю правду, — прошу я. — О проекте «Лейкос», и почему вы работаете на Харви после всего, что он сделал всем нам.

Единственная женщина за столом слегка улыбается: «Парень не в том положении, чтобы выдвигать требования».

— Все в порядке, Феллин, — говорит Райдер. — Всю правду, Грей. Я обещаю тебе.

Мне нужно бы поблагодарить его, но я молчу.

— Это совещание о судьбе известного нам Грея Везерсби, сына Овена Везерсби, члена Ордена Франка, который был пойман два дня назад Брианой Нокс и приведен к нам. Каждый здесь имеет право голоса: «нет» означает смерть и «да» — помилование. Простое решение, — Райдер поворачивается ко мне. — Есть что добавить?

Я осматриваю вырубленную в скале комнату. На меня устремлены гневные взгляды. Отец — единственный, кто смотрит дружелюбно. Блейн посоветовал бы мне сначала подумать, а потом уже излагать свои мысли. Я глубоко вздыхаю и начинаю говорить спокойно, как только могу.

Я говорю о том, что в Теаме видел документы Франка о казнях. О том, что перелез через Стену в поисках ответов. О том, что все поиски привели меня сюда. Я думаю, что здесь есть ответы. Я знаю это. Фактически я пришел, чтобы спастись от Франка. Но я здесь также из-за

Харви. Но это немного я пока оставил при себе.

Райдер кивает и снова садится на свой стул: «Начинаем голосование».

Встает мужчина, который сидит рядом с Райдером. Он приблизительно одного возраста с моим отцом. Мне сложно судить о возрасте мужчин, которые старше восемнадцати лет.

— Райдер Декстер, — говорит он. — Да.

Так это происходит. Никаких аргументов, никаких оснований. Просто один голос за мою жизнь, и он садится.

Следующим встает мой отец.

— Овен Везерсби. Мне жаль, Феллин, — говорит он женщине рядом с собой. — Ты думаешь, что мы ошибаемся. Но он мой сын — на такой риск я пойти не могу. Я голосую за жизнь.

Феллин поднимается и опирается руками на стол. В ее глазах дикая ярость. Взгляд Бри, когда мы встретили ее впервые, ничто по сравнению с этим.

— Феллин Кейс, — представляется она. — Он может быть двойником. Еще один, запрограммированный в Теаме на то, чтобы уничтожить здесь все, убить нас во сне. Но если он даже не двойник, это все равно слишком большой риск. Я голосую за смерть.

Это первый голос за мою смерть, но вместо ужаса я чувствую удивление от слова «двойник». Что это такое? За этим стоит Харви?

Понимается следующий мужчина, и внезапно я узнаю его. Он парень из документов Франка. В реальности он еще моложе, чем на фотографии.

— Элия Брюстер, — говорит он. — Я должен согласиться с Феллин. Это слишком рискованно. Нет.

Он решили, и теперь очередь последнего голоса. Единственного крошечного голоса. Райдер не встает.

— Не думаю, что Орден может создать такую копию, — говорит он. — Клоны простые и туповатые, их легко понять. Но этот парень эмоционален. Его злость и страх, горечь, и ярость — все это по-настоящему. Это чувства после Похищения: когда тебя вырвали из одного мира и в полной изоляции поместили в другой. Я голосую за помилование. Я говорю «да».

Феллин ударяет кулаком стол.

— Если ты ошибся, Райдер, кровь будет на твоих руках, — она выбегает из комнаты. Элия отбрасывает стул и бежит за ней.

— Ты должен простить Элию и Феллин, — говорит Райдер и отвязывает меня. — Они только пытаются нас защитить.

На это я фыркаю, а Райдер что-то шепчет моему отцу, перед тем как выйти за дверь. Затем он говорит: «Так, мы приняли решение. Я оставлю вас вдвоем. Вам есть о чем поговорить».

— А что насчет правды? — кричу я.

— Ну, на это у нас еще будет время. Сначала тебе нужно привести себя в порядок и поесть.

— Но... Вы сказали...

— Я обещал тебе ответы, Грей, но не сказал, что ты получишь их сразу, и что тебе дам их я. Поговори с отцом. Познакомься с ним. Посети своего брата в больнице. Это сейчас важнее.

Сыграв на моей совести, Райдер выходит.

Отец выводит меня из комнаты. Я сразу теряю всякую ориентировку. Чувствую себя переполненным всеми этими туннелями и пещерами, которые ведут к долине. Последний туннель отец называет «Котелок». Каждый проход кажется мне одинаковым, и каждый новый поворот похож как предыдущий, но он обещает мне, что со временем я все запомню.

Я хочу спросить отца о Харви, о проекте с Клейсутом. Мне нужно знать, почему повстанцы работают с таким чудовищем. Что-то не сходится. В Теаме думают, это вокруг него собирается так много людей. Но я еще не видел здесь Харви, даже на совещании, где были командиры повстанцев. Возможно, Франк ошибается, и Харви совсем не предводитель. Может быть, Харви не здесь.

Но я откладываю этот вопрос и рассказываю отцу о нашем путешествии. Я начинаю с маминого письма и описываю, как я перебрался через Стену. Затем рассказываю ему об Эмме, о том, что ее посадили в камеру, и смертной казни, которую мы видели. Он молчит, пока мы идем к его комнате. Это маленькая комнатка в туннеле, такая же, как все другие. Внутри простая кровать и комод. На стене картина, на которой нарисовано солнце и небо — то, чего никогда не бывает в комнате без окон в скале.

— Твоя мама, Сара. Как она? — спрашивает он.

Я не знаю, как сказать ему. Он совсем чужой мне, а смерть мамы — очень личное воспоминание. Но мое молчание и так говорит ему о многом.

— Нет, — не веря, бормочет он. — Когда?

— Когда нам было пятнадцать. Воспаление легких. Картер испробовала все, но не смогла спасти ее.

Его глаза блестят от слез. Видно, как он ее любил. Я спрашиваю себя, ненавидел ли он назначения так же, как я, и говорил ли он маме о том, что он чувствует.

— У Блейна есть ребенок, — говорю я в отчаянной попытке отвлечь его, прежде чем слезы потекут. — Ее зовут Кейл, ей еще нет трех, и она очень милая.

Он присаживается на край кровати и проводит рукой по волосам, я тоже так делаю, когда расстроен.

— Я едва успел стать отцом, — говорит он. — И сейчас я даже представить не могу, что уже дедушка.

Странно видеть его таким потерянным. Наверное, дети всегда неосознанно считают, что родители все знают и все могут. Когда я был ребенком, всегда бежал к маме за утешением или советом. Удивительно видеть моего отца смущенным и растерянным.

Потом он отбрасывает в сторону отцовские вопросы.

— Полагаю, ты знаешь о решении Сары провести с тобой эксперимент, — говорит он. — Поэтому ты перелез через Стену?

Я киваю.

— Когда вы оба появились на свет, мне было семнадцать. В этот день после охоты я пришел к ней — мы любили друг друга и продолжали встречаться — и там были вы оба в люльке. Она обняла меня и сказала, что будет скрывать тебя. Блейна зарегистрировали, а ты, Грей, стал призраком. Кроме нас с Картер никто не должен был знать об этом, по меньшей мере, год. Сара создавала мир, который понимала только она. Я очень любил твою маму. Но все равно думал, что она фантазирует. Она ненавидела Клейсут и Похищение. Постоянно говорила, что мы живем в искусственном мире. Я обещал ей никому не рассказывать о ее подозрениях и домыслах.

Меня поражает, как плохо я знал свою мать. Нам с Блейном она никогда не

рассказывала о своих мыслях. Словно женщина, о которой рассказывает отец, не та, что вырастила нас.

Мой отец тяжело вздыхает и рассказывает дальше.

— Она единственная думала обо всем этом. Никто больше не интересовался Похищением, даже я. Я хотел провести последний год с обоими сыновьями. Хотел выводить вас обоих на свежий воздух и солнце. Хотел побыть с тобой, Грей, не только дома, в замкнутом мирке. Но Сара победила. Я не мог допустить, чтобы она была несчастна в наш последний год вместе. Она была уверена, что ее эксперимент что-то значит. А я считал ее ненормальной, — он перебирает пальцами и смотрит на меня. — Как выяснилось, она была права во всем. Клейсут создан искусственно, и Похищение не является природным явлением. Все время это был огромный проект, но она никогда не узнает об этом.

— Да, Клейсут — эксперимент, и ты работаешь вместе с человеком, который его начал. Станный способ поддержать нашу маму, — как только эти слова вылетают, я осознаю свою ошибку.

Я хочу получить подтверждение, что Харви здесь, но отец еще не очень мне доверяет, и каждая минута на счету. Если Блейн был бы здесь, он бы одарил меня взглядом «большого» брата.

— Харви очень влиятельный человек. Сильный. Умный, — объясняет отец. Значит Харви здесь. — Нам нужна его помощь.

— Мне кажется, вам нужен тот, кому хватит мужества схватить его и получить от него ответы. Чтобы мы могли освободить всех из Клейсута, — Блейн бы уничтожил меня взглядом, но у меня не сочетаются понятия «Харви» и «доверие». По крайней мере, не с моим отцом. Я ничего не могу понять.

— Это не так просто, — говорит он.

— Тогда объясни мне, почему вы работаете вместе с ним. Я не понимаю этого.

— Если поймешь, тебе будет тяжелее жить. Возможно, нужно успокоиться, посетить Блейна в больнице. Не знаю, нужно ли переворачивать все с ног на голову.

— Конечно, нужно. Я должен понять.

— Лучше бы ты сначала освоился, — я складываю руки на груди. Он смотрит на меня, потом на дверь. — Какая вероятность, что ты дашь мне выйти из комнаты без объяснений? — спрашивает он.

— Нулевая, конечно.

Он вздыхает.

— Я должен был знать, что ты захочешь сразу получить все ответы. Я был таким же раньше.

Я прислоняюсь к комоду и жду. Он складывает руки и смотрит в пол. Мне кажется, проходят часы, прежде чем он говорит.

— Харви не начинал проект «Лейкос». Его начал Франк.

Глава 24

У меня подгибаются колени.

— Все, что ты слышал в Теаме — неправда.

— А как же плакаты о розыске? И список преступлений?

— Они подделаны, Грей. Харви не собирает повстанцев. Он не убивал бойцов Ордена, а

информацию продавал, чтобы купить себе проход на Восток. Он сбежал от Ордена, потому что невиновен.

Я сажусь на комод, ноги больше меня не держат.

— Откуда ты это знаешь?

— Элия привел сюда Харви пару месяцев назад, и Харви рассказал нам всю историю.

Он сказал, что хочет нам помочь.

— А если он врет?

Мой отец тихо смеется.

— Ему пятьдесят пять.

— И что?

— Клейсуту около пятидесяти лет. Харви начал проект «Лейкос», когда был еще в пеленках? Вряд ли это возможно.

Возраст Харви указан в документах операции «Хорек-Альбинос», но я тогда не смог понять, что означают эти цифры. Мне захотелось вернуться назад во времени, чтобы мыс Эммой чуть раньше вышли из зала заседаний, и Марко не застал нас там. Тогда сейчас она была бы со мной, а не в камере.

— Но почему Франк обвиняет Харви?

— Он использует его как козла отпущения.

Я вспоминаю, что говорил мне Франк в своем кабинете: «Он использует страх как оружие». Франк говорил не о Харви, а о себе. Чтобы заслужить мое доверие, он рассказал мне перевернутую версию событий.

— Я не понимаю. Похищение, этот проект. Зачем все это?

— Это длинная история.

— У меня есть время.

Мы зашли слишком далеко, чтобы остановиться, и отец понимает это. Он продолжает.

— Все, что Франк говорит о войне, скорее всего, правда. После войны вся страна была в руинах. Это было задолго до начала проекта. Запад все еще в таком состоянии. Люди живут в развалинах, в том числе и люди за границей Теама. На западном побережье почти нет организованных сил, сейчас они не могут сосредоточить усилия и напасть на нас. Но людей, живущих в нищете, много. Очень много. Франк знает, что он не сможет их удержать, если они соберутся вместе и перейдут через границу, чтобы захватить землю и пресную воду. Победить их можно только численным превосходством. Франку нужно много хороших бойцов, здоровых телом и крепких духом. Их можно вырастить в Клейсуте, там выживание закаляет людей.

— Это очень непрактично, — размышляю я. — Ждать восемнадцать лет, чтобы получить одного солдата.

— Мы всего лишь средство для достижения его целей, Грей. Ему нужны наши копии, двойники.

Снова это слово. Я знаю, что означает слово «копия», если Блейн делает копье или стрелу, подобные уже готовым. Но не понимаю, что это такое применительно к человеку.

— Клоны или копии — смысл и цель всего проекта «Лейкос», — объясняет отец. — Если юноша похищен, он попадает в лабораторию, где Франк его копирует. Харви рассказал, что Франк может создать клон любого человека. Но ему нужно создавать много клонов, чтобы один похищенный стал десятком или даже сотней солдат. Если у Франка будет такая армия, он сможет уничтожить Запад за считанные дни.

Меня будто огрели по голове пыльным мешком. Еще несколько дней назад я доверял Франку и чувствовал себя в Центре, как дома. А сейчас... Харви невиновен, во всем виноват Франк. Франк хочет получить идеальных солдат, используя Клейсут как дойную корову. А Стена — это тоже он? Люди, которые перебирались через Стену, гибли не потому, что эксперимент выходил из-под контроля. Это Франк уничтожал каждого, кто угрожал существованию проекта. Мы с Эммой спаслись... из-за Мод! Я сказал ей, что я близнец Блейна. Возможно, в этот день она говорила с Франком и рассказала ему об этом. И Франк послал бойцов спасти нас, потому что хотел знать, как я избежал Похищения.

— Я... не могу поверить, что проглотил все его вранье, — бормочу я. — Как он безнаказанно похитил столько детей? И почему его никто не остановил? Почему никто не задавал вопросов, когда была построена Стена?

— Вокруг Стены объявлен карантин, — объясняет отец. — Во время вой-ны использовали биологическое оружие. Вирусы убили тысячи людей. Клейсут выдали за зараженное место, все еще опасное, и люди охотно оградили него.

У меня белеют костяшки на руках, так крепко я сжимаю край комода. Франк держал руку у меня на плече. Я доверял ему. Меня отвели в стационар, обещая привести в порядок, а вместо этого засунули в шею жучок. Возможно, со мной сделали там что-то еще, и часть меня находится в какой-нибудь бутылке в лаборатории.

— Если хочешь увидеть все собственными глазами, у нас есть документы, — добавляет отец. — Когда Райдер сбежал много лет назад, он кое-что смог прихватить с собой.

— Очень интересная история, — говорит Бри, стоя в дверях. Она держит в руках комплект чистой одежды. — Есть много удивительных деталей.

Я подозрительно смотрю на отца. Возможно, он что-то утаил от меня.

— Основное я тебе рассказал, — говорит он, и я ему верю. Если бы он соврал, я бы заметил. Я всегда вижу, когда мне врет Блейн.

— Уверен, Бри охотно покажет тебе нашу библиотеку, если хочешь сам просмотреть все материалы.

Бри безразлично пожимает плечами.

— Что ж, сходим когда-нибудь. Сейчас я иду в «Котелок», ужинать.

— Отличная идея, — отвечает отец. — Грею нужно хорошо подкрепиться.

Он разглядывает мою потрепанную форму и добавляет: «Было бы неплохо тебе заглянуть в ванную».

Бри кладет вещи на кровать и поворачивается, чтобы уйти.

— Подожди его, Бри, — говорит отец. — Он не ориентируется, а мне нужно на совещание.

Она бросает взгляд на дверь: «Но я хочу есть».

— Ты подождешь его, это приказ.

Что-то в его голосе заставляет Бри подчиниться: «Да, сэр».

Овен слегка кивает, говорит, что мы увидимся утром, и прощается.

Как только он исчезает из виду, Бри демонстративно вздыхает и падает на кровать.

— У тебя пять минут.

— Или что?

— Или я буду слишком занята, чтобы после ужина отвести тебя в библиотечку.

Я хватаю одежду и спешно покидаю комнату.

Общая ванная в конце моего туннеля маленькая и простая, но так приятно помыться. Я

быстро намыливаюсь и тру себя мочалкой. Радостно понимаю, что волосы на голове стали слегка длиннее и мягче.

Бри принесла мне простую, но удобную одежду: белую хлопковую рубашку и льняные штаны. Чистые носки. Я одеваюсь и чувствую себя почти дома, в Клейсуге. Иду назад в комнату и убираю форменную одежду Ордена в комод.

— Теперь ты хоть выглядишь прилично, — замечает Бри. Я закатываю глаза, но она уже повернулась ко мне спиной. — Пойдем. Поужинать можно в «Котелке».

Большое здание, которое Бри назвала «закусочная», находится в долине за рынком и полями, вблизи здания, которое похоже на обычную школу. Обстановка напоминает мне столовую в Теаме. Длинные столы и грубо сбитые деревянные лавки. На другом конце открытая кухня и очередь за едой. Ненавидящие взгляды больше не преследуют меня. В этой простой одежде я такой, как все.

Еда вкусная, но порции строго отмерены. После небольшого ужина — тарелка супа, кусок хлеба и половина кукурузного початка — я все еще голоден, но мало еды лучше, чем совсем никакой. Мы с Бри сидим за столом вместе с другими повстанцами, и она сразу начинает разговор. Бри меня не представила, поэтому я просто слушаю.

— Мы еще не нашли их, — объясняет она сидящему рядом крепкому юноше.

— Ты же сказала, у Люка был один, — бросает он.

— Проклятье, Хал, ты никогда не слушаешь, что тебе говорят? — подает голос другая девушка за столом и бросает ему в лицо кусочек хлеба. — Они поймали одного пару дней назад, и Люк допрашивает его, но пока ничего нового.

— Спасибо, что ты мне это сказала, Полли, — Хал бросает кусочек хлеба назад, он попадает Полли сначала в лоб, а потом падает в суп. Жидкость брызгает на ее тунику и каштановую косу.

— Если подробно, — говорит Бри, всем видом показывая, что только она владеет информацией, — боец, которого мы поймали, не сознается. Не говорит ни об операции, ни о том, где скрываются люди Эвана. Думаю, они давно сбежали.

— Куда? — спрашивает Хал.

— Назад в Теам, — отвечает она. — У нас мало шансов их поймать. Тот боец в комнате для допросов скорее умрет от пыток Люка, чем что-то расскажет.

— Проклятье, — вздыхает Полли. Хлебом она собирает остатки супа в тарелке.

— Конечно, — соглашается Бри, — но у нас, по крайней мере, есть Грей. Может, он что-то расскажет об операции.

— Ты был в Ордене? — визжит Полли, впервые обращая на меня внимание.

— Нет... не совсем, — заикаюсь я. — Я должен был вступить туда, но сбежал. Потом я наткнулся на лагерь Ордена, там был мой брат, и я пытался...

— Значит, твой брат служит Ордону, — перебивает меня Хал. — Выродок. Не знаю, зачем мы шадим вас, когда вы появляетесь у скалы с поднятыми руками. Заслуживают доверия только те, кто рискует своей жизнью, придя сюда.

— Я именно так сюда и попал, — возражаю я.

Хал презрительно фыркает.

— Ясно. Или ты выдумал свою историю. И еще: ты спасался бегством, потому что тебя хотели казнить, и это значит только, что ты хотел спасти свою шкуру.

— Он сын Овена, — объясняет Бри. — Если он хоть чуть-чуть похож на своего отца, мы еще будем рады, что он здесь. И его брат тоже, если очнется.

— Может быть, — говорит Хал. — Или он клон. С этими новенькими все-гда игра в рулетку.

— Извините, ребята, но думаю, я пойму, клон ли он, — позади Хала и Полли стоит мужчина средних лет и пристально смотрит на меня. На нем странный пуловер без рукавов, который похож на рубашку с пуговицами. Я знаю, кто он. Помню эти темные-темные глаза.

— Сожалею, что прервал ужин, — продолжает он, — но мне нужно нена-долго забрать у вас Грея, чтобы провести пару тестов и узнать точно.

— Узнать точно что?

— Что ты тот, за кого себя выдаешь. Что ты не клон.

Его лицо расплывается с улыбке, даже глаза светятся. Он кажется та-ким слабым. Хотелось бы знать, почему Франк так хочет вернуть его, причем живым, если он не отвечает за проект «Лейкос».

— Будь спокоен, — бурчит Бри и толкает меня локтем под ребра. — Харви и мухи не обидит.

Харви тихо улыбается и вытаскивает руку из кармана.

— Как глупо с моей стороны не представиться. Меня зовут Харви Малдун, и я здесь отвечаю за техническое оборудование.

— Грей Везерсби, — говорю я и пожимаю его руку. Его рукопожатие слабое, и пальцы мягкие.

— Именно это мы и хотим подтвердить. Действительно ли ты Грей Ве-зерсби.

Он снова улыбается и движением руки приглашает меня идти за собой. Бри и ее друзья заинтересованно смотрят, как он ведет меня прочь от стола и уводит в другой темный туннель.

Глава 25

После бесчисленных туннелей Харви приводит меня в комнату без окон и сажает за странного вида машину. Малдун говорит, что мне не нужно беспокоиться, это совсем не больно. Но мне сложно ему поверить. Он прикрепляет мне провода к рукам и голове и начинает нажимать рычаги и кнопки машины. Затем он объявляет, что мы начинаем. Я жду, когда боль пронзит мое тело, но ее нет.

— Скажи свое имя, — спрашивает он.

— Грей Везерсби.

Харви делает заметку на листке бумаги, которая бежит через машину.

— Твой возраст.

— Восемнадцать. Вообще-то ... всего пару недель назад я думал, что мне семнадцать.

Харви делает еще одну заметку и смотрит на меня поверх очков.

— И что случилось?

— Моя семья меня обманула. Они сказали мне и всем остальным, что я младше, чтобы узнать, похитят ли меня вместе с Блейном.

— Понимаю, — еще один знак. — И кто такой Блейн?

— Мой брат.

— Где он сейчас?

— Насколько я знаю, в вашей больнице. Мне сказали, он в коме.

Так продолжалось очень долго. Один вопрос за другим о моем про-шлом, о Теаме,

странствиях в лесу и о долине Расселин. Когда Харви, наконец, сообщает, что мы закончили, откуда-то звучит голос Феллин.

— Спросите его о чем-нибудь личном.

— Он уже хорошо справился, — говорит Харви и ободряюще улыбается мне. — Она любит перестраховаться.

— Я абсолютно серьезна, Харви. Спросите его о чем-то, что не знает Орден.

Харви смотрит в зеркало, которое занимает всю стену комнаты, и откуда-то я знаю, что Феллин находится прямо за ним.

— Сделайте ей приятное, — говорит второй голос. Это Райдер.

— Тогда мне нужна помощь с вопросом, — вздыхает Харви.

Следующим говорит мой отец.

— Какую игрушку я оставил вам с братом перед моим Похищением?

— Деревянную утку на колесах.

— Сколько ступеней на лестнице перед зданием совета?

— Тридцать шесть.

— Почему Эмма последовала за тобой через стену?

Я какое-то время молчу. Это сложный вопрос.

— Она хотела знать ответы, как и я.

— Кто такая Эмма, и какая у нее роль во всем этом? — спрашивает Феллин раздосадованно.

Ее замечание так злит меня, что я теряю голову.

— Я виноват в том, что она сейчас в руках Франка. Она потрясающая, нежная и мужественная, а я оставил ее в беде. Я люблю ее, и все равно убежал оттуда, чтобы спасти свою шкуру.

Харви бросает в зеркало снисходительно-самодовольную улыбку.

— Нам больше не нужно дополнительных вопросов, — подытоживает он. — Мы все знаем, что клоны не умеют любить. Не говоря о том, что он на все вопросы ответил блестяще. В его ответах нет ни малейшей лжи.

— Прекрасно, но у меня еще остались вопросы, — говорит Феллин. — Что хотела эта группа из Ордена? Почему они хотели добраться до горы Мученика?

— Это операция «Хорек-Альбинос», — отвечаю я. — Они должны были найти убежище повстанцев и схватить Харви любой ценой. Живым.

— Интересно, зачем я им понадобился, — размышляет Харви вслух. В его голосе звучат шуточные нотки.

— Ну, это же очевидно, Харви, — усмехается Феллин. — С тех пор, как вы присоединились к нам, мы делаем большие успехи. Орден не может примириться с тем, что вы делитесь с нами их секретами.

— Подождите, о чем вы? — спрашиваю я.

— Главное оружие Ордена — клоны, и теперь они практически бесполезны против нас, — продолжает Феллин. — Харви знает о клонах все. Франк не может просто так оставить то, что мы знаем, как действует его армия, и готовимся к обороне против нее. Кроме того, он хочет, чтобы Харви закончил ту работу, которую начал.

Я смотрю в зеркало: «Я не успеваю за вами».

Феллин глубоко вздыхает: «Они хотят опять получить человека, который создал клонов».

Отец, Райдер и Феллин входят к нам в комнату, и правда раскрывается передо мной во всей полноте. Отец сказал, что Харви не мог начать проект «Лейкос», потому что он слишком молод. Но Харви работал в этом проекте с шестнадцати лет. Он был вундеркиндом, гением в мире технологий и генетики. Он работал на Центр в области оборонной и оружейной техники. Месяцы напролет склонялся над операционным столом, забирая у похищенных юношей все, что ему было нужно. Многие из того, что он рассказал, я просто не мог понять. Но было ясно, что технический гений Харви сделал то, на оказался не способен ни один другой исследователь.

Клоны были похожи на похищенных парней, как две капли воды. Франк отправил первое поколение клонов в бой, и в войне против Запада они показали себя умелыми и сильными бойцами. Они были сильными и здоровыми, но из каждого похищенного получался только один солдат. Каждая следующая копия была хуже первой, они быстро заболели и умирали. Это было не то, чего желал Франк. Он заставлял Харви работать дальше.

— Пару лет назад наступил перелом, — говорит Харви. — Я уже много лет занимался проблемой производства неограниченного количества клонов и не продвинулся ни на шаг. Однажды объект, на котором я проводил тест, умер. Это была просто копия одной копии, но я понял, что клоны — живые люди. У него были мысли и чувства, его сердце билось. У меня как будто пелена упала с глаз, и я впервые понял, чем занимался. Я резал детей на куски и пробовал создать оружие для человека, методы которого не нравятся.

С тех пор, как я начал работать на Франка, в Теаме стало значительно хуже. Да, в городе был порядок, и люди защищены от Запада, но контролировалось все до мелочей. У меня всегда было достаточно воды и свободный доступ в библиотеку. Франк разрешал мне даже во время работы слушать старые мелодии Моцарта, потому что я сказал, что музыка помогает мне сосредоточиться. Но людей в Теаме постоянно арестовывали именно за это.

На следующий день вместо того, чтобы поехать на работу, я сел в автобус и поехал в противоположном направлении. С тех пор я больше не возвращался в Центр. Я нашел бедный городок по другую сторону Башни, в котором люди были готовы меня принять. Там я оставался пару месяцев, пока Орден не стал меня там разыскивать. Тогда я скрылся в другой город, а затем в следующий. Но они никогда не прекращали поиски.

Приблизительно три месяца назад я встретил в лесу Элию. Он рассказал мне, что по всему Востоку люди начали покидать города, которые контролирует Орден. В Теаме брожение было еще сильнее. Люди знали, что опасность войны с Западом остается, но власть Франка была еще хуже. Даже бывшие сотрудники его проекта бежали, если у них была возможность. Они убегали, когда были на задании, или их ловили люди Элии. Элия рассказал мне об одном укромном месте глубоко в горе. Он сказал, что меня там ждут.

Он рассказал мне, как клоны приходили в долину, втирались в доверие и потом убивали людей во сне. Мне стало ясно, что Франк использовал клонов, чтобы уничтожить повстанцев, и я знал, что могу помочь людям.

Теперь, если кто-то приходит в долину Расселин, я сразу же провожу тест, чтобы знать, можно ли ему доверять. Ты и твой брат отличаетесь от остальных. Вы пришли сюда вместе, и один из вас стоял на пороге смерти. Если бы вы оказались клонами, это потребовало бы очень большой организации. Не говоря уже о том, что вас поймали. Обычно двойники просто появляются здесь и просят убежища, а потом наносят удар.

С моей помощью клоны стали неэффективны. Конечно, этого ничтожно мало по

сравнению со всем, что я сделал в лаборатории Франка. Но я надеюсь, что моя работа здесь — шаг в правильном направлении. И я верю, что настанет день, когда жертвы проекта «Лейкос» будут хоть немного благодарны мне за проделанную работу.

На этом история Харви заканчивается. Он улыбается мне, но у меня перехватывает дыхание, и я не могу ответить.

Вначале он вызывает у меня презрение. Как он мог работать на Франка? Но, если я не могу принять его извинения, чем я лучше Хала или Полли, которые отнеслись ко мне презрительно, потому что меня захватили в плен. Прошлое есть у каждого, оно может быть темным, но гораздо важнее то, что человек делает сейчас. И Харви здесь помогает все изменить. Возможно, он даже неплохой человек.

— И что теперь? — спрашивает отец.

— Группа Эвана отправилась обратно в Теам, — объясняет Райдер. — Наши разведчики сообщают, что город почти оправился после недавнего налета. Но если Франк хочет получить Харви, он не успокоится.

— Прекрасно, но что теперь? — настаивает мой отец.

— Наша долина хорошо укреплена. Мы ждем, пока они придут снова, и нападем на них все вместе. Если они еще раз попытаются, сделаем это еще раз. Харви, боюсь, что вам тем временем придется ограничиться долиной Расселин. Выходить куда-то слишком опасно.

— Хорошо, — кивает Харви.

— И все? — спрашиваю я. — Мы просто сидим здесь и ждем? Я думал, мы готовимся сражаться.

— Это мы тоже делаем, Грей, — говорит Райдер, — но это требует времени. Мы будем готовы нанести удар, когда хорошо его спланируем и проработаем поминутно. Но сейчас мы ждем нападения, чтобы отбить его.

— Я не могу ждать, — возражаю я.

— И прекрасно, — отвечает мой отец, — Ты начнешь утром с тренировки в долине Расселин, и никаких послаблений.

— Что за тренировки?

— Зверские, — говорит Феллин, злобно улыбаясь.

Я верю ей сразу. Когда покидаю комнату, медленно направляюсь в свой сектор, и я боюсь предстоящей тренировки, думаю о боли в мышцах завтра вечером.

Глава 26

Я просыпаюсь рано утро и даже еще ночью, здесь нельзя это понять. Интересно, светит ли сегодня луна, бросает ли она свой серебристо-голубой свет на горную долину. Если Блейн в Клейсуге храпел так громко, что я не мог уснуть, я шел проведать домашний скот и посмотреть на небо. Когда звезды ярко светили, меня одолевало желание идти куда глаза глядят. А теперь вокруг только каменные стены.

Я пытаюсь уснуть вновь, но кровать кажется слишком жесткой. Нако-нец, сажусь и надеваю сапоги. Если больше не могу спать, нужно сделать что-то полезное. Я уже очень давно не видел брата.

Больница долины Расселин больше и лучше оборудована, чем в Клейсуге. Внутри мерцают светящиеся полотна. Жужжат странные приборы. Когда я вхожу, комната кажется пустой, только пациенты спят глубоким сном в полумраке. Среди кроватей в глубине

комнаты нахожу Блейна.

Стрелу удалили, и он спит в шортах. Верхняя часть бедра перевязана. Это выглядит глупо, как будто нога была оторвана, а кто-то попытался прибинтовать ее обратно. Его волосы отросли, так же как и мои, грудь спокойно поднимается и опускается во сне. Он подключен к машине проводами, которые уходят в его руку.

Я беру его за руку. Она кажется тяжелой и неподвижной, как у статуи.

— Ему лучше, даже если это и не заметно, — молодая медсестра стоит позади меня. Я не заметил, что здесь еще кто-то есть.

— Сколько он еще будет в таком состоянии? Когда он очнется?

Она качает головой: «Это может быть сегодня или через несколько месяцев. Невозможно предугадать».

Несколько месяцев? Что, если он больше никогда не очнется? Я отпускаю его руку, и мне страшно взглянуть на него вновь. Не хочу чувствовать, что бесполезен и ничего не могу изменить.

Я спешу к выходу, но медсестра окликает меня.

— Вы должны прийти снова и поговорить с ним. Мне кажется, ему это нужно.

Я смотрю на Блейна последний раз и ухожу, не сказав ни слова. Нужно еще немного поспать, но не знаю, смогу ли я. От мысли, что Блейн умрет, и я потеряю половину себя на всю оставшуюся жизнь, весь мир становится серым.

Завтрашним утром меня ждет «зверская» тренировка. После завтрака из каши-размазни и чая Бри ведет меня в прохладный уединенный зал для тренировок в конце туннеля. В зале есть стена для скалолазания, мишени на стене, и ряд из лестниц и платформ, по которым мне не очень хочется ползать.

Бри оставляет меня в тренировочной группе с Элией, а сама идет к группе, которой руководит мой отец. Он дружески кивает мне и продолжает заниматься. Его попытка подбодрить кажется мне глупой и неуместной.

Элия ведет нас на непомерно длинную беговую дорожку. Мы бежим по полосе, которая протоптана в каменном полу усилиями многих бегунов. После второго круга я начинаю задыхаться. Я стараюсь думать об Эмме и клянусь себе бежать изо всех сил, не обращая внимания на боль, чтобы рано или поздно освободить ее.

После десятка кругов мои ноги как желе. Но Элия с нами еще не закончил. После таких упражнений, как отжимания, приседания и шаг с выпадом, мы направляемся к стене. Он приказывает нам лазать по стене в разных направлениях: сверху вниз, вбок, по диагонали. Каждый следующий заход стоит мне гораздо больших усилий, чем предыдущий. Мышцы слабеют, становится труднее держаться на ногах. Когда мы переходим к следующему упражнению, который Элия называет «самоубийством» — это бесконечно долгий бег — я уже не чувствую ног, и когда он достает лук и стрелы, я едва могу стоять на подгибающихся коленях.

Стрельба для меня простое и привычное занятие. Движущиеся цели перед нами ясно видны. Руки у меня все еще дрожат от упражнений на стене, но я попадаю в девять целей из десяти. В этом задании я с легкостью опережаю других из моей группы, хотя долго не брал в руки лук.

Мы заканчиваем тренировку последней пробежкой через зал, и, когда Элия дает нам вздохнуть свободно, я падаю на землю. Встаю, когда легкие перестают гореть, и я уже могу дышать без кашля. Все остальные члены группы уже ушли.

— Ты хорошо показал себя сегодня, — говорит Элия, пока складывает луки обратно в шкаф. Он кажется слишком юным, чтобы быть одним из командиров повстанцев. — Всю первую тренировку ты держался вместе со всеми остальными. Это мало у кого получается

Я благодарю его, а он извиняется и бормочет что-то о совещании, на которое уже опаздывает.

Я сажусь на пол и растираю мышцы, которые начинают забиваться. В отдалении группа Бри заканчивает тренировку. Отец заставляет людей карабкаться по канату, который прикреплен к потолку, и туда Бри забирается, а затем скользит вниз, первой заканчивая упражнение.

В последнем упражнении нужно перепрыгнуть с одной платформы на другую. Расстояние между ними довольно велико, и в случае падения можно переломать несколько костей. Некоторые здоровые парни прыгают туда-сюда; но у них длинные ноги, которые дают преимущество. Большая часть группы сдаётся и не может закончить упражнение. Бри хватается копьё и бежит к отверстию. Возле края платформы она втыкает копьё и подпрыгивает в воздух. Копьё сгибается и подбрасывает её вверх, как птицу. Бри отпускает копьё и приземляется на другой платформе. Она падает на колени, прикасается руками к полу и легко встает. Мой отец аплодирует, и все смотрят на неё. По крайней мере я. Она сумасшедшая — пылкая и безумная. Я делаю порицающее лицо, потому что понимаю, что сам ничем от неё не отличаюсь.

Как только тренировка заканчивается, мой отец поспешно собирается и уходит.

— Командиры совещаются каждый день, — поясняет Бри, подходя ко мне. Вырез ее рубашки насквозь мокрый. — Новости о войне, стратегия, тактика и т. п.

Я встаю и потягиваюсь. Каждая мышца кричит об усталости. Я уже чувствую, как они растут.

— Библиотека? — спрашивает она, меняя тему.

— Обязательно. Если ты еще готова отвести меня туда.

Она криво улыбается.

— Это не возглавляет мой список желаний, но я знаю, как сильно ты хочешь знать правду. Кроме того, твой отец упустил много деталей. Например, масштаб проекта.

— Масштаб?

Бри улыбается, довольная собой.

— Ты возненавидишь Франка еще больше, если узнаешь, что таких городов, как Клейсут, было пять.

— Пять? Пять разных Клейсутов?

— Ну, а ты думал, откуда я пришла, деревянная башка? Ты же не думаешь, что я из этих прекрасных бойцов Ордена, которые перебежали на сторону повстанцев, нет?

— Ты не из этих?

— О, пожалуйста, Грей, — говорит она. — Даже ты признаешь, что я хороша — бесшумная, невидимая, быстрая. Тебя не должно удивлять, что в некоторых местах похищают девушек.

Это объясняет все: ее ловкость, быстроту и полную бесшумность, с которой она идет по следу. Она упорная, страстная и сильная. Бри как я, только она из другого Клейсута.

Внезапно мой интерес к ней удваивается.

Когда мы покидаем комнату для тренировок, к ней пристает огромный парень. Он на голову выше, чем я.

— Это было прекрасное выступление, — говорит он и снисходительно гладит ее рукой по плечу. — Знаешь, нет ничего сексуальнее, чем сильная агрессивная женщина.

— Мне не интересно, Драйк, — отвечает она и сбрасывает его руку.

Драйк снова тянется к ней: Перестань, Бри, ты же тоже этого хочешь.

— Она сказала, что ей не интересно, — рычу я.

— Заткнись, тебя никто не спрашивал, — он толкает меня обеими руками так сильно, что я почти падаю.

— Ты спросил ее, и она тебя отшила, так что проваливай

Его кулак так быстро врезается в мой подбородок, так что я даже не заметил его приближения. Я шатаюсь.

— До завтра, красавица, — говорит Драйк и удаляется.

Бри складывает руки на груди и смотрит на меня: «Не нужно было этого делать. Я сама могу о себе позаботиться».

— Я знаю, — говорю я, облизываю губы и чувствую на них кровь. — Тебе нужно сказать о нем.

Она пожимает плечами, и я вижу нее глазами Драйка. Даже вспотевшая она красива. Даже потрясающе красива. У нее длинные ноги и руки, а изящные округлости так и просят, чтобы к ним прикоснулись. Взгляд, обычно такой твердый и упрямый, в эту секунду кажется мягким.

— Ты скажешь о нем или нет? — спрашиваю я.

— Ерунда, — отвечает она. — У людей есть заботы поважнее. Наконец, идет война. Кроме того, трудности делают нас сильнее.

Я не очень с ней согласен, но не возражаю.

Глава 27

Бри вытаскивает стопку узких белых книг с переполненных до краев полок библиотеки.

— Большинство документов в этой библиотеке посвящены перемещениям повстанцев, — объясняет она. — Как объединились силы, планы нападения, стратегия обороны. Но здесь... — она поднимает светлую стопку над головой и бросает ее передо мной.

— Сведения о проекте «Лейкос»?

— Самые полные, — говорит она. — Личные заметки Франка.

Я провожу рукой по обложке книги. Материал мягкий, как обработанная кожа, а уголки слегка загнуты вверх. В центре единственная, написанная от руки единица. Это первая часть из четырех. Я глубоко вздыхаю и открываю книгу.

Слова внутри слишком ровные, чтобы быть рукописными. Они напоминают мне документы, которые мы с Эммой нашли в Теаме: каждая буква на одинаковом расстоянии от другой, и все линии параллельны друг другу. Я нагибаюсь над сшитыми страницами и читаю.

В общей сложности на Востоке пять тест-групп, отмеченных от А до Е. Цель данного проекта заключается в том, чтобы производить выносливых боеспособных солдат. Для этого нам понадобится широкий спектр тестируемых объектов. Каждая тест-группа будет сопоставлена с различными ситуациями, которые от самых обычных (А) простираются до совершенно необычных (Е). Первоначальная гипотеза: из группы с трудными условиями

получатся самые опытные солдаты. Каждая группа находится за стеной и обеспечена основными вещами для выживания (топоры, пилы, ножи). В некоторых группах есть жилье — после второй гражданской войны многие места либо покинуты, либо лежат в руинах, и тест-группы могут использовать эти ресурсы. Психологическое воздействие стены используется, чтобы скрыть видеокамеры и места контроля. Тест-группы состоят из мальчиков и девочек пятнадцати лет или меньше, которых набрали из переполненных после войны детских домов. Необходимо решить, когда и как забирать тест-объекты в Тeam для исследования.

Одна страница пуста, потом опять начинается текст. Я смотрю на Бри, но она полностью поглощена книгой, поэтому просто читаю дальше.

Обзор тестовых групп:

Группа А, территория Запад. Идеальные условия жизни. Функционирующие фермы, фабрики и запасы продуктов питания. Плодovitая земля, умеренный климат. Цивилизованные, обеспеченные электричеством дома.

Группа В, южная равнина.

Обычные условия жизни. Есть дома. Большое пресное озеро, пригодные для обработки поля, теплый климат.

Группа С, столичный регион. Простейшие условия для жизни. Погода и территория достаточные. Разрушенные, но пригодные к восстановлению дома. Источники воды: маленькое озеро и река.

Группа D, остров в море. Тяжелые условия жизни. Ограниченное количество пресной воды, скалистая, сухая земля, окруженная соленой водой. Крепких строений нет, угрожают жаркие солнечные лучи, ветер и другие элементы. Холодная зима.

Группа Е, северные территории. Окрестности, в которых выживают только сильнейшие. Долгая, холодная зима. Короткое, холодное лето. Гус-тые заросли. Нет готовых строений.

На следующих двух страницах рассказывается о начале проекта и первых наблюдениях Франка. Все группы преодолели первую стадию, которую он назвал «истерией» и в которой детей, независимо от окружающих их условий, охватывает паника. Они знают, кто они, но окружающий мир им незнаком, и они не узнают никого из окружающих. Это результат обработки мозга тест-объектам в лаборатории Франка, прежде чем посадить их внутри стены. Дальше идут записи о том, что произошло после окончания истерии.

Интересное открытие в группе В и С. В каждой группе появился предводитель, который пытается распределять роли и поручения. Каждый предводитель дал имя своему поселению. Группа В называется Декстерн (фамилия местного предводителя), группа С — Клейсут (из-за особенностей почвы в этом районе). Группа А в постоянном соперничестве и беспорядках. Е борется с тяжелыми климатическими условиями...

Группа D, которая наконец назвала себя Зальтвотер, последовала примеру других и выбрала предводителя, как ни странно, женского пола. Группа А по-прежнему не имеет названия, люди там сражаются друг с другом. Группа Е практически уничтожена. Возможно, условия там были слишком экстремальными.

Прошло шесть месяцев. Все группы обнаружили стену. Только немногие решили перебраться через нее. Все получили урок в виде посланных обратно тел, чтобы оставались внутри границы. Это не обсуждается: если первое поколение захочет перебраться через стены, мы не сможем ничего сделать...

Группа А перешла от беспорядка к войне. Тест-объекты разделились на две группы и

сражаются друг с другом, чтобы захватить контроль над ресурсами и лучшими жилищными условиями...

Группа С построила удивительно стабильный город. Меньше чем через год они устроили скотный двор и рынок. Они восстановили все жилье, а предводитель организовал совет, который решает все важные вопросы в жизни города. Говорят, в группе В происходит что-то похожее...

Группа D достойна внимания за изобретательность. Они нашли источники воды и тянут ее к себе за стену. Построили защиту от солнца и ветра. В отличие от других тестовых групп, здесь всем распоряжаются женщины...

Группы E больше не существует. Проверка там прекращена. Группа А продолжает сражаться. Много крови пролито, и я боюсь, что они полно-стью вырежут друг друга ...

Приближается первое извлечение. Все единодушно считают, что брать тест-объекты из группы А нерационально. Дети потеряли головы, вся оставленная им техника, скорее всего, не работает и выведена из строя. Для группы А проект «Лейкос» закончен. Я оставляю электричество только для видеокамер. Они будут работать дальше, и мы надеемся, что эти дикари уничтожат себя сами. Вместо этого будем проводить извлечение из групп В, С и D. Для юношей выбран возраст изъятия восемнадцать лет. В это время они уже созреют и достигнут максимальной силы.

В группе D много девушек, более сильных и выносливых, чем их юноши. Поэтому в группе D мы будем извлекать женские тест-объекты в возрасте шестнадцать лет, селективным методом, чтобы быть уверенным, что отбираем лучших кандидатов. Все извлеченные будут направлены в Теам для участия в дальнейших экспериментах. Они будут находиться в различных лабораториях, между испытуемыми из разных групп не должно быть контактов...

Я перехожу к следующим записям, которые посвящены Похищению: его проведению и реакции на него в разных группах. Мне стало понятно землетрясение, жуткий свет и боль во время Похищения в Клейсуге. Орден прилетал на вертолете, той железной птице, которую я видел во время нападения Запада, он создавал такой же шум, как при Похищении. Франк выпускал слезоточивый газ, чтобы парализовать город, пока они забирают юношей.

В следующих книгах на сотнях страницах описаны эксперименты с похищенными, но я только перелистываю их. То, что пишет Франк, слишком жестоко, и я не хочу читать о людях, которые умерли на операционных столах. Торопливо перелистываю страницы и незаметно добираюсь до последней книги.

Сегодня я взял в лабораторию новенького, его имя Харви Малдун. Он молод, но в свои шестнадцать лет уже гений. Хороший мальчик, он усердно работает и, вероятно, сможет создать клон. Он обещает, что клон будет здоров, силен и не погибнет, как копии, которые создавали другие исследователи. «Похищение» — название, которое использует группа С, и мы решили его использовать. Надеюсь, что у Харви получится. Он должен иметь успех. Только так я могу построить конвейер. Запад пытается добраться до нас. Они очень настойчивы. Я должен защитить наш народ от их агрессии и нашу пресную воду от их жадности. Долго так продолжаться не может, я начинаю терять членов Ордена. Клоны как существа без семей, истории или дома, должны стать незаменимым ресурсом.

Здесь заканчиваются заметки, но я знаю, как продолжалась эта история... Эксперименты длились годами, и Харви рано или поздно достиг бы успеха. Но правила становились все жестче, и люди начали убегать. Элия был первым. Повстанцы сражались с

Орденом, и когда Харви сбежал, Франк делал все возможное, чтобы вернуть его.

Я закрываю последнюю книгу. Сложно усвоить столько нового, но такое облегчение — узнать правду.

— Так, значит, ты из группы D, Зальтвотер, — говорю я Бри. Она смотрит в книгу и кивает. — Феллин тоже?

— Ты это уже сам понял. В долине Расселин по одному командиру из каждой тест-группы. Кроме Райдера.

Я быстро считаю. Это не так.

— Но ведь командиров четверо, а групп, из которых похищали людей, три.

— Райдер из группы B, Феллин из Зальтвотера, твой отец из Клейсута. И Элия как бывший житель Теама. Он для нас очень важен.

Тогда документы Франка правдивы.

— Элия организовал повстанцев?

— И, да и нет. Он был один из первых, кто убежал из города, но его побег ничего не значил, пока он не встретил Райдера. Оба ушли куда-то в горы и начали собирать последователей вокруг себя. Это было начало восстания.

— А Райдер? Я знаю, что он из Клейсута, но как он попал сюда?

— Я тоже не знаю всего. Нам обоим повезло, Грей. Когда нас похитили, Харви уже сбежал, и его эксперименты были приостановлены. Но Райдеру так не повезло. Ему врал, что Франк пытается освободить Клейсут, и он переносил постоянные операции. Он верил, лаборатория найдет что-то в его организме, что спасет людей за Стеной.

Насколько я понял, Райдер подружился с другими юношами из Клейсута. Они говорили о том, что Франк не приближается к решению, и у них будет больше шансов на нормальную жизнь, если они окажутся подальше от Теама. Они говорили о побеге, и Райдер, наконец, решился.

— А другие?

— Двое пробрались в офис Франка, вместо того, чтобы бежать в горы. Глупо с их стороны, если ты спросишь меня. Но, по крайней мере, Райдер смог получить записи, которые ты сейчас читаешь. Их засняла видеокамера, и Орден подняли по тревоге. Только Райдер спасся.

— А потом он просто прятался в лесу, пока Элия не нашел его годы спустя?

— Точно. Он не хотел больше бороться с Франком. Он был уже пожилой и более-менее доволен жизнью. Но когда Элия рассказал ему обо всем, что Франк сделал с Теамом и его жителями, Райдер изменил решение.

Так весь пазл собрался: документы в Центре совпадают с книгами из этой библиотеки, а слова Бри открывают все события с другой стороны. У меня тяжелая голова, но узнать правду — такое приятное чувство.

— А ты? — спрашиваю я ее. — Твоя история?

— Я была похищена, хотя мы на острове называли это «Отбытием». По-том я посмотрела видео, в котором Франк объяснил, что Харви виноват во всем. И, чтобы освободить Зальтвотер, Ордену нужна моя помощь. Я поняла, что я не хочу в Орден. Тогда я еще доверяла Франку, но не хотела всю мою жизнь гоняться за Харви. Вероятно, это звучит эгоистично, но я была одна и боялась. Поэтому я просто сбежала, не думая о том, хорошая ли это идея. Двумя днями позже натолкнулась на лагерь повстанцев.

— Как долго ты уже здесь?

— Около года.

— Тогда тебе... сколько лет? Шестнадцать, семнадцать?

— Почти семнадцать, — отвечает она.

— Ты совсем не выглядишь на семнадцать.

— Старше? Потому что я такая зрелая и разумная? — ухмыляется она довольно.

— Как раз наоборот. Моложе, потому что ты такая буйная и импульсивная.

— Будь ты проклят, — отвечает она. Ее тон наполовину серьезен, наполовину шутив. — Ты такой же бешеный, как и я, возможно, даже больше.

— Я думаю, мы похожи больше, чем кажется.

Ее лицо темнеет: «От меня больше пользы для повстанцев, чем ты можешь себе представить. Я участвовала в операциях, хранила секреты и много чего еще. Этим мы точно отличаемся».

— Мне просто нужен шанс, Бри. Я могу доказать свою пользу, — я бросаю ей короткую улыбку, а она закатывает глаза.

— Ах так? Ну, мне срочно нужно как следует выпить.

Он снова убирает записи Франка на полку, и мы покидаем библиотеку, чтобы найти что-нибудь выпить.

Глава 28

В долине между «Котелком» и парой складов находится грязное здание, которое повстанцы называют «Трактир». Когда мы заходим, Клиппер пробирается между людьми и стойкой и собирает почти пустые кружки, пока посетители не видят. Я говорю ему, что он слишком молод, чтобы пить, но он спрашивает, сколько мне было лет, когда я впервые попробовал спиртное. Я отвечаю, что был приблизительно в его возрасте, и мне приходится оставить его в покое.

Трактир полон людей. Женщины висят на шеях мужчин, и все танцуют под звуки банджо и гитары, на которых музыканты играют в углу. Я осматриваю гостей в поисках отца, но нигде его не вижу. Мы с Бри пробираемся через переполненный зал к стойке.

— Эй, Соул! — кричит Бри и перегибается через стойку, так что ее ноги отрываются от пола. Рубашка у нее задирается, и между ней и штанами открывается полоска голого тела. — Мы хотим два шнапса, — говорит она.

Старик бармен толкает к нам два стакана, и Бри громко благодарит его.

— За то, что мы выдержали целый день, не убив друг друга, — говорю я и поднимаю стакан.

— Говори за себя, — ухмыляется она, но чокается со мной, и мы выпиваем.

— Еще по одной? — спрашивает она.

— Выпивка не ограничена?

— Нет, потому что не страшно, если закончится спиртное. К сожалению, с едой не так.

Мы выпиваем еще пару стаканов и переходим в дальнюю часть трактира, где видим группу ребят, которые играют в странную игру с маленькими стрелами. Они бросают их одну за другой в круглую мишень на стене.

— Мы можем тоже сыграть позже, — предлагает Бри. Лучший игрок в группе, который больше всех попал в черное, поворачивается к нам.

— Ты проиграешь, Бри, — говорит он. — Против Семми и меня ты проиграешь в любом

случае.

У него темно-каштановые волосы, которые выются над ушами, и угловатый череп. Это Ксавье Пильтес — выше и шире в плечах, чем пятнадцатилетний, который учил меня охотиться в лесу в Клейсуте, но это он.

— Ксавье? — спрашиваю я.

Он удивленно смотрит на меня. Я вижу, что его взгляд останавливается на моих глазах: цвет серый, а не голубой. Тогда он узнает меня.

— Грей! — выкрикивает он. Мыжимаем друг другу руки, и он хлопает меня по спине, как обычно делает старший брат. — Что за черт произошел с тобой? Где прячется твой брат?

Потом он заканчивает игру и ни разу не промахивается. Мы отходим в сторону. Год назад его поймали повстанцы как заложника. После того, как он узнал о вранье Франка, он сменил сторону. Я рассказываю ему мою историю, короткую версию, полную необходимой лжи, но он ничего не замечает. Когда я говорю о Блейне, моя совесть напоминает о себе. Мне нужно снова навестить его.

Ксавье представляет меня Семми, которой двадцать один. Она из Теама и перешла к повстанцам, когда ее отца расстреляли за то, что он подделал карточку на воду.

Бри и я присоединяемся к игре, которую они называют «дартс». В игре два на два мы с треском проигрываем. Не очень-то хорошо у меня получается бросать ровные стрелки с правильной силой тяжести. Ксавье пытается исправить положение моей руки и стойку, но это не особо помогает. Я виню в этом выпивку.

Наконец, мы заканчиваем игру и садимся за высокий стол. Хал и Полли присоединяются к нам. Мы сидим на высоких табуретках, много пьем и играем в Проклятую ложь. Она похожа на нашу игру в Клейсуте. Бри лучшая врунья из всех. Снова и снова она обводит нас вокруг пальца, и ее обман никто не может раскрыть. Я узнаю, что, когда ее забрали в Теам, она была одна. У нее нет ни братьев, ни сестер, мать давно умерла. Она думает, что отец тоже умер, после того как не смогла найти его в долине Расселин. Кроме того, я узнаю еще пару других совсем обыденных деталей, которые по какой-то причине кажутся мне более впечатляющими, чем вся история ее жизни. На ее бедре родимое пятно в виде полумесяца. Ее любимый цвет фиолетовый, цвет облаков перед закатом. Она до сих пор не может привыкнуть засыпать без шума прибора.

Игра продолжается, и мы смеемся все громче и громче. Все участвуют. Я не могу вспомнить, когда последний раз так смеялся.

Намного позже, когда все веселятся и уже сильно пьяные, Бри пытается дойти до стойки за выпивкой и падает с табуретки. Полли просто визжит от смеха, и все тоже смеются.

— Отведу ее домой, — объявляю я. Никто не возражает, ей на сегодня хватит. Мы долго добираемся до ее квартиры. Я тоже принял изрядно, и Бри все время отправляет меня не в те коридоры, и потом мы, спотыкаясь, возвращаемся обратно. Она всем своим весом висит у меня на шее и невнятно бормочет то, что никогда не сказала бы трезвая: какой я милый, что вступился за нее перед Дрейком, как она хочет еще раз все начать с начала, тогда она не была бы такой грубой во время моего ареста.

— Так сложно понять правду, — лепечет она, когда мы подходим к ее комнате. — И ты, наверное, боялся... Ты знаешь, когда. Когда мы думали, что ты... клон, — она молчит некоторое время. — Мне жаль, что я не была милой с тобой, — добавляет она.

— Не нужно, — отвечаю я. Осторожно отпускаю ее и пытаюсь открыть дверь. Она стоит и качается, как лист на ветру.

— Правда, мне очень жаль, — продолжает она упрямо. Рубашка со-скользнула с плеча, а глаза такие голубые, что кажутся мягкими синими озерами. Она подходит очень близко ко мне, так, что ее ресницы касаются моего подбородка, и кладет руки мне на грудь. Я знаю, чего она хочет, и отворачиваюсь.

— Почему ты не хочешь меня поцеловать? — просто спрашивает она. Ее голос как у ребенка.

— Ты совсем не хочешь, чтобы я поцеловал тебя.

— Хочу.

— Нет, не хочешь.

Застыв, мы стоим перед дверью. Бри опускает руки.

— Я для тебя некрасивая.

— Не в этом дело, — возражаю я.

— Почему тогда? У тебя есть девушка? Ты женат?

— Что значит женат?

— Ну, ты знаешь — два человека, кольца. Навсегда вместе, — она слегка колеблется.

Я думаю об Эмме. Вместе как птицы.

— Нет, я не женат, — говорю я.

— Тогда поцелуй меня, — она прижимает руки к моей груди и снова подходит ближе. На этот раз мне сложнее отказывать ей. Как всегда, мне хочется подчиниться своим чувствам. Но не с Бри. Мы полные противоположности. То, что мы чувствуем, скорее всего утром исчезнет. Кроме того, я люблю Эмму. Эмму, а не Бри.

— Я не могу, — говорю я и беру ее за руку. Рука у нее теплая и мягкая под моей ладонью. Слова вырываются у меня быстрее, чем я успеваю подумать. — Но если утром ты проснешься и все еще будешь этого хотеть, я поцелую тебя.

Бри смеется. Потом нагибается вперед, и ее тошнит на мои сапоги.

29 глава.

Когда следующим утром я захожу в зал для тренировок, то не нахожу там Бри. Элия еще раз заставляет нас пройти через ад. Каждый мускул в моем теле болит и напряжен как натянутая тетива лука. Мне кажется, что я разбит надвое, но во время упражнений мое тело постепенно расслабляется.

Когда, наконец, тренировка заканчивается, Элия снова поздравляет меня с моими успехами и покидает комнату вместе с моим отцом. Я иду в столовую, чтобы пообедать, разворачиваюсь на полпути и иду в больницу навестить Блейна.

Блейн лежит в кровати с чистой повязкой. Он все еще спит. Я стою в двери и смотрю на него. Медсестра прерывает меня, подходя ближе, но она не знает, что я боюсь. Проводить время с кем-то, кого могу потерять, самое худшее из мучений. Блейн и я преодолели это вместе после смерти мамы. Мы сидели на ее кровати, держали ее руку и говорили ей, что любим ее, и то, что это был день, когда она не проснулась, сделало все еще хуже.

Наконец я набираюсь смелости и заставляю себя сделать несколько шагов. Я сажусь на край кровати и беру его руку. Затем разговариваю с ним, как предложила ночная медсестра. Я рассказываю ему все: о нашем пути через лес, о водопаде за скалой, о Бри и мятежниках, о

нашем отце и о правде, которую я так долго искал, о Франке и Харви, о Проекте-Лайкос и похищении. Этот разговор открывает мне глаза на то, что сейчас я понимаю, как я одинок, несмотря на то, что у меня есть ответы. Без Блейна я только половина одного целого.

— Просыпайся, Блейн. Пожалуйста. Я не справлюсь один.

Я сжимаю его руку. Он спит, его грудь легко поднимается и опускается, но мне кажется, что он отвечает на мое рукопожатие. Это такое маленькое давление, что я не совсем уверен, произошло ли это вообще.

Я сжимаю его руку еще раз. И теперь я точно знаю, что мне не померещилось. Он сжимает мои пальцы.

— Блейн? Та можешь меня слышать?

Он снова сжимает мою руку.

А затем я зову медсестру, и когда она появляется позади меня, говорю ей, что нужно все проверить. Ей не нужно ничего проверять, так как в тот момент, как я говорю все это, Блейн медленно поднимает веки.

— Блейн!

Старшая медсестра оттаскивает меня. — Осторожно, сынок. Мы же не хотим его напугать. Он впервые за несколько дней открыл глаза.

Я отбрасываю ее назад. — Вы и ваши люди напугаете его. Он мой брат. Ему станет легче, если он увидит меня.

Но тогда я слышу, как тяжело он дышит, и вскоре уже несколько женщин суетится вокруг кровати Блейна. Они поспешно вывозят его из комнаты, и я не могу выкинуть одну мысль из головы: он не справится, и они не дали мне возможность побыть с ним до конца.

Наконец они привозят его назад, это ожидание показалось мне вечностью. Он живой, целый, но слабый. Блейн поворачивает голову в сторону, и когда смотрит в мои глаза, на его лице появляется слабая улыбка.

— Грей, — только и произносит Блейн, и его голос звучит сухим и охрипшим.

— Привет.

Он тяжело глотает. — Я слышал тебя.

— Я рад. Бывало время, что ты слушал меня и возвращался назад.

— Не только сейчас. Я понимал все... каждое слово.

Он выглядит скорее гневным чем удивленным, после того как я раскрыл ему правду, но возможно ему стоит гораздо больше усилий выразить эти чувства на лице. Блейн опирается рукой на кровати, пытаюсь подняться, что ему не удается.

— Я должен выздороветь, — говорит он напряженным голосом. — Я должен подняться с этой кровати, и мы должны его остановить, Грей. Подумай о Кейл.

Я никогда не задумывался об этом, и потому сразу чувствую себя ужасно. Наступает долгое молчание, во время которого я слышу только, как одна из медсестер бормочет про себя.

— Было так темно, и я совершенно не знал, где низ, а где верх, — говорит, наконец, Блейн. — Затем я услышал тебя. Оттуда это было так просто.

Это чувство, которое у меня было, если бы он исчез, эта боль в груди, он должно быть чувствовал тоже самое. Мы связаны друг с другом, несмотря на то, что мы прикладываем много усилий, чтобы казаться независимыми. Я был нужен ему. Все время ему нужно было слышать мой голос.

— Я так рад, что тебе лучше. Я... я думал... Я не знаю, что сказать.

— Тогда не говори ничего.

Мы сидим вместе в уютной тишине. Когда мой желудок начинает урчать, Блейн говорит мне, что я должен пойти поесть.

— Приходи позже навестить меня, — просит он.

— Только если ты пообещаешь остаться здесь с нами.

— Мне придется, или? Без меня ты не протянешь и дня.

Я смеюсь. — Блейн... ты только что пошутил.

Он улыбается, но выглядит, как будто ему больно. — Я определенно решил побыстрее выздороветь.

В столовой я беру немного еды и сажусь один. Овощи в моей тарелке выглядят кашеобразно, и я гоняю их вилкой. Через несколько столов я замечаю Харви, который показывает странное устройство Клипперу. Юноша держит его в руках и крутит его благоговейно и удивленно. Я не могу слышать, что они говорят, но я вижу, что каждое слово Клиппер отображается на лице Харви.

Я почти все доел, когда тень появляется за моей спиной. Когда я оборачиваюсь, то вижу изнеможенную Бри, которая бледная и угрюмая стоит передо мной. Ее волосы растрепаны после сна, и свежие линии от постельного белья покрывают ее кожу. От нее все еще пахнет алкоголем.

— Просто... сиди... не говори ничего, — приказывает она, пока усаживается рядом.

— Даже не собирался, — я все равно не могу сдержать улыбку. Это так мило, видеть ее разбитой.

— Ты полный идиот, — фыркает она. — Я забираю все слова, что сказала вчера, назад.

— Ты можешь вспомнить вчерашний вечер?

— Частично, — она осматривает овощи, но предпочитает выпить воды.

— Что там делает Клиппер с Харви? — спрашиваю я, чтобы сменить тему.

Бри потирает глаза, прогоняя остатки сна. — Обучение. Он будущий заведующий технического отдела.

— Правда? Он лучшая кандидатура?

— Ты что-то имеешь против юных дарований или? — фыркает она. — Клиппер изобрел машину для передачи сообщений на расстоянии и подает большие надежды. Наша техника шагнула вперед, как никогда раньше, и этот подъем начался до того как Харви присоединился к нам.

— Он просто кажется мне очень молодым.

— А что ты делал в тринадцать лет, Грей? Ты не охотился для своей деревни? Люди не могли на тебя положиться?

Я киваю.

— Здесь все тоже самое. Мы полагаемся на одаренных людей, и совершенно все равно, сколько им лет.

— Окей. Мне жаль. Не волнуйся.

Она фыркает и сдувает непослушную прядь волос с глаз. — Итак, пожалуйста, Грей. Как ты можешь что-то делать, что я нахожу раздражающим.

Вчера вечером это не выглядело так.

Она зло смотрит на меня. — Да, но это было вчера вечером, но на трезвую голову, многое выглядит по-другому.

Даже с похмелья она выглядит прекрасно, но она полна темперамента и совершенно не управляема как лесной пожар. О чем мы только думали вчера вечером? Мы не подходим друг другу. Нам намного лучше, когда мы хотим перегрызть друг другу глотки. Тогда мы оба опасны. Но так много есть определенного: мы снова перешли к повестке дня.

30 глава

Первые два месяца в Долине Расселин пролетают быстро.

Большую часть времени я провожу на тренировках и наконец, перехожу из группы Элия к отцу. Там все намного жестче, но мое тело тоже стало крепче. Я вешу столько, сколько никогда не весил в Клейсуге, и мои мускулы растут, благодаря постоянным тренировкам. Мое обучение включает теперь и стрельбу из оружия. Наконец я покончил и с этим, но только с длинной тонкой винтовкой. Мне нужно долго бежать, чтобы я испытывать те же чувства, как при стрельбе из лука.

Тренировка с Эваном доставляет удовольствие, несмотря на то что я еще не чувствую, что он мой отец. Но если честно он скорее старая версия меня, с похожими идеями и с таким же остроумием. После пары стаканов в баре или совместной тренировки мы сближались, но не в обычном виде, как связаны отцы и дети. Единственный момент, когда я чувствую, что он мой отец, это когда он смотрит на меня во время тренировки, как будто он не может поверить, что я его сын.

Мы часто посещаем Блейна вдвоем. Несмотря на то, что он желал скорейшего выздоровления, все происходит медленно, но уверенными шагами. — Самое главное, что твое состояние улучшается, — говорит наш отец. — Все равно, как быстро это происходит.

Большинство наших посещений в больницу состояли из того, что мы наблюдали, как Блейн тренируется. Мы уверяли его, что у него все отлично получается, хотя это было не так. Он знает, что мы лжем, меняет тему и задает вопросы о проекте-Лайеос и Долине Расселин.

Большинство мелочей, что рассказывает мой отец, я уже знаю, но кое-что есть и новенькое, интересные детали, например, что мой отец попал к мятежникам точно так же как я. Его поймали и привели в Долину Расселин, в такое великолепное и хорошо вооруженное убежище, потому что раньше оно служило пунктом поддержки солдат.

— Когда Элия открыл его, все ходы и комнаты были покинуты, и как будто ожидали, когда их начнут использовать, а также созрели поля фруктов. Здесь были люди до нас. И условия, что здесь почти везде проведено электричество и имеет пара подпольных бункеров, которые могут быть хорошим убежищем во время бомбардировок. Эта долина больше чем практичное убежище в лесу.

— Если это бывшая военная база, почему Орден не пытается всеми силами вернуть его обратно? — хочет знать Блейн.

— Мы часто спрашиваем об этом друг друга, — отвечает Овен. — Райдер считает, что знания об этом месте были потеряны еще до того, как Франк пришел к власти. Он полагается на то, что его месторасположение находилось в полной секретности и только пара высокопоставленных чиновников знало о нем, которые погибли во время войны.

— Что за удача, — лукавлю я.

— Явно большая. Если Франк так горит желанием покорить гору Мученика из-за Харви, тогда представь, как бы он удивился, если бы узнал, что Долина расселина является полностью оборудованной военной базой.

— И что он думает в действительности? — спрашивает Блейн, который поднимается, держась за трость. — Что вы спите под открытым небом, в палатках вокруг костра?

— Кто знает? У него много дел, — говорит наш отец. — И мы помирились с Западом, так что можно не бояться. Бедный мужчина запрашивает слишком высокую цену. Если он будет невнимателен, он потеряет все.

Я улыбаюсь. — Да, это было бы действительно не так трагично?

Иногда сложно поверить, что Долина Расселин так быстро достигла своего состояния, но потом вспоминаю о том, как быстро вырос Клейсут за какие-то двенадцать месяцев. Если что-то требуется, мятежники находят способ добиться этого, а солдаты, которые раньше использовали Долину Расселин, оставили много хорошего фундамента.

Как только были засажены поля, местность начала процветать. Солнце и дождь находили дорогу в долину, и насыщала кукурузу, зерновые культуры и бесчисленное количество фруктов и овощей. Скотные загоны заполнены полностью, потому молочные продукты предоставляются без ограничений. Больница очень часто переполнена ранеными солдатами, но на большом поле рядом, происходит совершенно другое. Люди встречаются, чтобы сыграть в мяч или провести турнир по стрельбе из лука. Веселье на игровом поле заглушает крики раненых.

Для подростков существует школьная система. Одну девочку я вижу очень часто, ее раскачивающиеся локоны напоминают мне о Кейл. Я могу себе представить, что эта девочка и все дети из Долины Расселин когда-нибудь посмотрят на свое прошлое и поймут, что именно здесь начиналось. Они осознают, что они не просто жили, а держали сопротивление. Они последовали примеру своих родителей, копались в земле и выросли в самом сердце революции. Люди здесь сами выбрали эту жизнь. Этой же возможности никогда не будет у Кейл. Ее жизнь всегда будет частью чего-то плана.

Мое самое любимое место в Долине Расселин — Технологический центр. Это беспорядочное собрание зданий, полигоны и склады, которые начинаются около «Котелка» и уходят глубоко в туннели горы. Большая часть центра является достижением работы Клиппера, но с приходом Харви он значительно увеличился. Теперь есть оружейный центр, работники которого чистят, ремонтируют и улучшают каждое огнестрельное оружие, каждый лук, стрелы и каждый топор в долине. А также пульт управления, в котором Харви контролирует не только камеры вокруг горы Мученика, но и все датчики движения.

В мои свободные вечера я прохожу охотно через центр и удивляюсь всем этим различным экранам и шкалах. Иногда я наблюдаю Харви из далека, мне бросается в глаза, с каким терпением работает со всем этим странным оборудованием. Он сидит там, в неудобном положении, плечи напряжены и опущены вниз, а очки сидят на самом кончике его носа. Если он замечает, как я смотрю на него, то улыбается мне и кивает.

Сегодня я иду к Харви и задаю ему вопрос, который не выходит у меня из головы, с того момента как он рассказал мне о лаборатории Харви. — Если клоны являются только копией похищенных мальчиков, как телом, так и душой, почему они так лояльны по отношению к Франку?

Харви снимает очки и кладет их на стол. — Грей, это потрясающий вопрос, на который никто не может ответить. Наконец, это основания того, почему до меня ни один из лаборантов не смог создать стабильную копию. Если это вообще возможно, то их сознание

было самостоятельно. Их насторожило поведение Франка, и он быстро устранил эти копии. Я же напротив, интересовался только технологией, я любил коды и мог обойти любой софт, это и стало решающим.

— Я не понимаю этого совершенно.

— Копия как ты и я, — продолжает он. — Имеет такие же органы, в нем течет такая же кровь, и состоит из таких же костей. Но ты и я настаиваем на свободе выбора, Грей. Копия состоит из софта, программы, которая встроена в его мозг, которая говорит ему что он должен делать и кого он должен слушать.

Улыбка Харви, которая всегда присутствует на его лице, если он говорит о своем увлечении, бледнеет. — Когда я создал это, оно работало феноменально. Но сегодня это пугает меня, что я ответственен за такое мощное оружие.

— Почему тогда вы сделали это, Харви? Почему вы работали на него?

На мгновение он задумывается.

— Вероятно, потому что я был молод и легко поддавался убеждению. Франк забрал меня из детского дома, и привез в Объединенный центр, где были современные лаборатория и технологии, больше воды, чем я мог выпить. Он хорошо обходился со мной, впервые в жизни у меня создалось впечатление, что у меня есть семья. Мне хотелось порадовать его и показать ему, что я все могу, что я умнее, чем все взрослые люди, которые работали на него в этой лаборатории. Это удалось мне действительно превосходно. Как думаешь?

Я ничего не отвечаю, но понимаю его, потому что чувствовал тоже самое к Франку, даже если и только пару дней.

— А эти опыты по производству бесконечного числа копий? — допытываюсь я. — Если вы были способны создать стабильную копию, почему не создать еще одну с этого самого человека вторую или третью? Я не понимаю, что удержало вас от этого?

— Процесс создания очень сложен, — объясняет Харви. — Если я создал бы из тебя слишком много копий, то тебя бы это убило. Я копирую не только твои физические способности, но также твоё сознание, твою личность и твои воспоминания. Человеческий мозг может выдержать ограниченное количество вмешательства. Я сконцентрировался на том, чтобы создать копию копии, но это обернулось еще большими потерями. Каждое следующее поколение было слабее предыдущего. Некоторые программы работали неправильно друг с другом, и копии клонов становились непокорными. Они были дефектными. Вероятно, я решил бы когда-нибудь эту проблему, — он снова одевает очки и подмигивает мне. — К счастью, я сбежал от этого сюда, чтобы радовать Франка.

В определенные дни, если разведчики сообщали, что ордена нет поблизости, я могу выходить на улицу. Это прекрасно, снова почувствовать солнце. В один день, когда я вышел на улицу, осенний ветер взъерошил мои волосы. Полоски стерня (остатки (нижняя часть) стеблей злаков (зерновых культур) после уборки урожая. Прим. Переводчика) так выросли, что снова стали мягкими.

Если я иду через лес, мне кажется, что я снова в Клейсуге. Почти каждый день я хочу, чтобы я действительно оказался бы там, и моя жизнь была бы простой. Но Клейсут никогда не сможет снова стать моей родиной, где я чувствую себя свободно, так как его структура, правила и охрана — обман. В Долине Расселин все сложно, но происходит все, чего хотят жители.

Иногда, если Бри в разведке или отправляется за водой, я иду к заросшему кладбищу,

которое находится со стороны заднего выхода из горы Мученика. Мне кажется, что каждый раз из травы вырастает новый земляной холм, который тянется к солнцу как маргаритки. Мой отец говорит, это только начало, и что борьба еще не началась по-настоящему. Если Бри нет, я разделяю общество мертвых и ищу прибежище среди безымянных тел, которые лежат под землей, все же я чувствую себя странно, как призрак в море людей.

Я не знаю, почему так привязан к Бри, но каждый раз, если она уходит, я чувствую себя немного потерянным. Мне не хватает его темперамента и ее угрюмого лица. Каждый раз, когда она возвращается, я обдумываю, сказать ли ей об этом, но я никогда не захожу так далеко. Но тогда в мои мысли врывается Эмма, которая уже месяцы отзывается болью в груди, я молюсь, каждый день о том, чтобы эта боль привела меня к ней, и встреча уничтожит ее. А так я оставляю чувства для Бри, которые вспыхивают во мне, если она улыбается мне и в шутку ударяет в руку.

Позже, осенью, когда дни становятся короче, а вечера холоднее, я прихожу на тренировку, когда объясняют способы борьбы. Мой отец поставил меня в список действующих, и мое возбуждение растет. Блейн, все еще старший брат, беспокоится, но он все еще поправляется, он не может предложить занять мое место. Он уже может ходить без костыля, но впереди еще два месяца тренировок. Он также должен закончить обучение, как и все остальные.

Моя первая миссия проста: внедрится как разведчик, под руководством Райда. С момента моего прибытия в Долину Расселин, Орден несколько раз пытался повторить операцию Хорек-Альбинос, и наша миссия состоит в том, чтобы разведать местность к западу от горы Мученика и обследовать ее не вызывая сомнений, на случай если Орден встретит нас там, мы должны вернуться с координатами, чтобы туда могли послать группу, которая нанесет ответный удар и уничтожит людей.

На эту миссию я никогда не должен отправиться.

Накануне вечером Ксавье весь в поту врывается в комнату для переговоров. На заседании обсуждается план миссии, я принадлежу к тем, кто смотрит на него шокировано. Присутствующие коменданты сидят вместе с Райдером вокруг круглого стола, пока Бри и я стоим у стены. Даже Харви находится в комнате, но только потому, что для нашей миссии необходимы приборы ночного видения, а он хочет быть уверен, что мы справимся с новой версией.

— Не сейчас, Ксавье, — говорит Райдер, когда распахивается дверь.

— Но это важно, Сер, — Ксавье кашляет и заикается почти на каждом слове. — Я только что из центра допроса.

Что-то из этого предложения пробудило интерес Райдера, и он показывает кивком Ксавье, что он должен продолжать.

— Этот новый пленный, который был пойман группой Феллин недавно.

— Что насчет него? — спрашивает Райдер.

— Люк разговаривал его. Мы теперь знаем, как Орден хочет просочиться в Долину Расселин. Это вирус, Сер. Они изобрели вирус.

31 глава

Затем господствует молчание, но только на одну секунду.

Феллин первая поднимает руку, а Элия испуганно стонет. Другие начинают говорить,

перебивая друг друга, задаваясь вопросом, откуда Франк знает наше местонахождение, и переживают об угрозе вируса. Ксавье стоит там совершенно беспомощный, вопросительно осматривает толпу и ждет, что кто-то предложит хороший план. Наконец, Райдер поднимает руку, и в комнате наступает тишина.

— Я так понимаю, у тебя есть еще подробности? — спрашивает он. Его голос звучит спокойно и твердо, но руки выдают его нервозность.

— Они изобрели вирус в лаборатории. Пленник сообщает, он переносится по воздуху. Видимо, это измененная версия первоначального вируса, который был сброшен на Запад во время войны с Востоком. Как только они начнут, в течение одного двух дней люди заболеют. Он говорит, что через несколько недель мы все будем мертвы.

Феллин морщит лоб. Как они защитятся, чтобы не заболеть самим?

— Вакциной, — объясняет Ксавье. — Все, кто служит в Ордене, и все, кто хочет остаться в пределах границ города. Сыворотка также поставляется и во все другие города востока.

— А города снаружи? — уточняет Райдер.

— Я не думаю, что они играют важную роль для Франка. Кроме того не все должны выжить, только он сам, Орден и Харви. Люк считает, что дата использования вируса зависит от того, имеется ли он уже у той группы, что приближается, наше преимущество в том, что у нас есть Харви, а им нужно сначала вывести его из зоны поражения, иначе они рискуют его здоровьем.

— Подождите, — останавливает мой отец. — Откуда они вообще знают, где мы находимся? Конечно, гора Мученика известная точка на карте, но были очень аккуратны с действиями вокруг. Они не могли бы знать, что мы оперируем отсюда, кроме... Есть ли у нас слабые места?

Райд качает головой. — В течение последних нескольких дней мы никого не арестовывали. Я не думаю, что сведения могли просочиться наружу. Но нам нужен план, и как можно скорее.

— Вероятно, у Франка есть подозрения, где мы находимся, — спокойно отвечает Райдер. — Но я подвергаю сомнению, что он действительно знает наше местонахождение. Иначе не было бы необходимости изобретать вирус. Он просто прилетел бы и сбросил бомбы.

— Это может означать только одно: вирус приближается к нам пешком. Я думаю, орден попытается поймать одного из наших солдат в поле. Так как они не знают, где мы находимся, они инфицируют пленника и вернут его обратно. Чтобы мы заразили друг друга.

Аргументы Райдера вполне логичны и взрывают новые волны паники в комнате. Я смотрю на Бри, но ее лицо серьезно, а взгляд сконцентрирован.

— Нам нужна сыворотка, — говорит она озабоченным комендантам.

Райдер кивает соглашаясь. — Вакцина — наш план Б. Мы забаррикадируем наши доступы, усиливаем меры предосторожности и сделаем все возможное, чтобы вирус не попал к нам. Но для полной уверенности, нам требуется вакцина.

— Подождите, — говорит Феллин. — Мы действительно полагаемся на показания этого пленника?

— Феллин, если бы ты видела, что Люк с ним сделал, ты бы поверила ему, — говорит Ксавье. — Он мечтает только о том, чтобы пытка прекратилась. Ты же знаешь, какие мучения может придумать Люк.

Элия вздыхает. — Время уже потеряно. Наши шпионы в Теам не видели, как доставляли сыворотку, и не смогут своевременно ее доставить. Они, навер-ное, даже не предполагают, где нужно будет начать искать.

— Однако я знаю, — подключается Харви. Это его первые слова с начала обсуждения.

— Не принимается в расчет, — объясняет Райдер. — Эти люди наступают нам на пятки.

— Очевидно, этого не достаточно, чтобы оставить мне жизнь, — возражает он. — В то время как они посылают вирус, они также рискуют моей жизнью, я могу умереть здесь вместе с вами, или мы можем попробовать получить средство, с помощью которого сможем защититься.

Райдер соединяет большой и указательный пальцы. — Вы знаете, где нужно искать?

— Я провел бесчисленные дни в технологическом крыле и центре медицинских исследований, когда работал там. Если вирус изобрели там, то и вакцину тоже.

— Люди Франка не допустят, чтобы вы просто вошли внутрь, — говорит Элия.

И тогда я вижу это. Передо мной открывается дорога. Мой шанс, случай, о котором я так долго молил.

— Они впустят нас, если я доставлю его, — говорю я. Все взгляды направлены на меня. — Очень просто. Я привожу Харви обратно в Теам, создам отвлекающий маневр, который позволит мне забрать вакцину. Затем мы снова исчезнем в лесу, прежде чем Орден поймет, что произошло.

И при этом я заберу Эмму, думаю про себя. Точно как и хотел, хотя я не знаю, как именно сделаю это, но не заикливаюсь на этих деталях.

Феллин хихикает. — Отвлечь может каждый. Почему ты достойнее, чем кто-либо другой? Что ты можешь сказать этим людям, что удержит их от того, чтобы застрелить тебя, как только они увидят вас?

Во-первых в операции “Хорек-Альбинос” речь шла о том, чтобы доставить Харви живым, а не стрелять сразу. И есть еще одно обстоятельство. Я — близнец.

Почему это должно сыграть роль? — спрашивает она насмешливо.

— Потому что я вернусь назад не как я сам, а как Блейн. Внешне мы идентичны, и в глазах Ордена Блейн не менял стороны в отличии от меня. Я могу рассказать им, что меня держали под стражей, с тех пор как мятежники атаковали группу Эвана. Я скажу, что вы вытащили жучок из меня, чтобы они не смогли определить мое местоположение, и я утверждал бы, что сбежал. Я скажу, что втерся в доверие к вам, а когда подвернулся удобный случай, схватил Харви как заложника и вернулся назад в Теам. Если я расскажу им эту историю, они примут меня назад с распростертыми объятиями. В любом случае мы проникнем внутрь Объединенного центра и там сможем получить вакцину.

Харви улыбается, остальные из собравшихся необычно спокойны.

— Это могло бы сработать, — говорит, наконец, Райдер. — Конечно, мы можем потерпеть неудачу, как и в других миллионах вариантов, но это лучший шанс, который у нас есть. Согласитесь ли вы с этим, Харви?

— Более чем.

— Я против, — прерывает его мой отец, — Грей не готов к операции такого значения, — я вижу страх в его глазах. В виде исключения он прислушивается к чувствам отца.

— Он доказал, что он готов, — говорит Райдер. — И он числится в списке военнослужащих. Ты уверен, что хочешь это сделать, Грей?

— Да, однако, нам нужен руководитель. Ни Харви, ни я не ориентируемся в лесу по ту сторону горы.

— Я вызываюсь добровольно, — объявляет мой отец.

Райдер качает головой. — Ни в коем случае. Это не может быть комендант. Вы все слишком примелькались. Нам нужен кто-то, кому доверяют, но его не знаю в ордене, кто неоднократно проявил себя и не сломается под давлением, — сначала я думаю, что Райдер спрашивает о добровольцах, но потом понимаю, что взгляд руководства направлен на кого-то слева от меня.

— Принято, — отвечает Бри твердым голосом, в котором нет ни капли волнения.

— Отлично, — говорит Райдер. Разведывательная миссия невозможна. Мы должны использовать этот шанс.

Следующие несколько дней мы проводим в комнате, где везде перед нами лежат карты лесов и городов. Мы рассматриваем различные пути и планы для нашего проникновения: вторжения в исследовательский центр, создание отвлекающего маневра, запасные выходы. Мой отец держится особняком, полностью погруженный в планирование, проклинает все и клянется, что никогда не хотел иметь дело с тем, чтобы планировать смерть собственного сына. Блейн, кажется, считает также.

Однажды на планирование вызывают только Бри и Харви, я не нужен. Они разговаривают за закрытыми дверьми с комендантами, пока я спрашиваю себя, какой план они будут держать втайне от меня и почему. Позже Бри рассказывает мне, что ничего особенного там не было, только обсуждение технических устройств и транспортных средств, но я предполагаю, что она лжет. Но все же Бри кажется усталой после этого напряженного дня, и я не даю на нее. Вместо этого прокручиваю в голове несколько сценариев, как я могу пробраться в тюрьму и вытащить Эмму из ее клетки. Если другие могут что-то скрывать от меня, то и я могу.

Ночью перед нашим уходом мы складываем вещи в сумки и маскируем нас. Мятежники красят Бри волосы в темно-коричневый цвет и надевают тонкие пленки на глаза, от чего они становятся цвета мокрой тины. Они называют эти диски “контактными линзами” и дают мне такие же, чтобы скрыть единственный признак, который отличает меня от Блейна, теперь мои глаза синие.

Я разглаживаю мою старую одежду из Ордена на кровати, когда заходит Бри. — Готов? — спрашивает она.

— Да. А ты?

— Конечно, — она снова делает это выражение лица. Но выглядит по-другому, а голос остается прежним, а также то, как она рассерженно хмурит лоб.

— Если ты передумала, все еще можно отказаться, — говорю я ей. — Я тоже не обижусь.

— Ни в коем случае, Грей. Кроме того кто-то должен позаботиться о том, чтобы ты вернулся домой целым, — какое-то время она смотрит на меня пронизывающе, как будто пытается понять, нуждаюсь ли я в ее помощи. — Тогда до завтра, — говорит она и уходит также неожиданно, как и пришла.

Я складываю все вещи до конца, сажусь на край кровати и пытаюсь подумать о чем-

либо, все равно. Вероятно из-за предстоящей операции, я не могу думать ясно. Мне нужно отвлечься, я отправляюсь в больницу, чтобы навестить Блейна. Он как раз надрывается на физиотерапии с медсестрой, забираясь по лестнице вверх и вниз. — Посмотрите только, уже бегаешь по лестницам, — произношу я.

Он ухмыляется. — Я становлюсь сильнее каждый день. Когда ты вернешься назад, возможно я полностью восстановлюсь.

— Ты пожалуй, размечтался.

Он готовится, как я думаю, к шутливому удару, но вместо этого обнимает меня.

— Будь осторожен, — говорит он. — Близнецы мы или нет, ты все равно мой младший брат, и я не знаю, что будет со мной, если с тобой что-то случится.

— Хорошо. Я знаю, потому что это уже происходило с тобой. Когда тебя похитили, когда ты недели лежал без сознания в этой больнице.

Мы отпускаем друг друга, и он смеется. — Окей, окей. Ты победил. Ты прошел через ад ради меня. Пожалуйста, не пытайся взять реванш.

Я оставляю Блейна с его терапией и иду назад в свою комнату. Собственно, хочу пораньше лечь, чтобы быть отдохнувшим завтра, но мой отец ждет меня, облокотившись руками на комод.

— Ты должен знать, что я горжусь тобой, — объясняет он. — И мне жаль, что в последние дни, я не особенно поддерживал тебя. Это просто потому, что не хочу потерять тебя во второй раз.

Я киваю. Это было понятно. Я никогда бы не подумал, что он бы со злым умыслом перебежал мне дорогу. Это было его способом находить соглашение с неизвестным будущим, которое быстро приближается.

— Там снаружи прислушивайся к внутреннему чувству, — говорит он. — До сих пор оно спасало тебе жизнь.

— Буду, — я почти называю его Па, но он говорит спокойной ночи и покидает комнату, прежде чем я набираюсь мужества произнести это.

Этой ночью я сплю плохо. Во сне я пытаюсь привести Харви назад в Тим снова и снова, но он превращается в черного ворона и улетает в противоположном направлении. Наконец, я стреляю и попадаю в него, но когда он падает на землю, это больше не ворон, а Бри. Она не одета, свежеекрашенные коричневые волосы спутаны и запачканы кровью. Я несу ее на руках, и бегу без цели пока она не истекает кровью.

Когда просыпаюсь, еще слишком рано, но я слишком взвинчен, чтобы за-снуть снова. Потому вылезая из кровати, надеваю форму Ордена и жду, что все начнется.

Часть 4 Диверсия

Глава 32

Нам понадобилось четыре дня, чтобы достигать границы города. Это странное чувство находиться на открытой местности. С момента моего прибытия я видел только малые окрестности горы Мученика, и передвижение через холмы, горы и долины заставляет меня чувствовать себя свободным. Харви слегка задерживает нас, так как не готов физически для этого путешествия, но он ни разу не пожаловался.

Я охочусь и расставляю ловушки, чтобы утром мы могли хорошо поесть. Харви

сообщает мятежникам о каждом нашем шаге. У него маленькие наушник и микрофон, в который он постоянно шепчет. Бри злится из-за этого.

— Им не обязательно знать, что мы три минуты отдыхали, или что Грей отошел отлить, или я высказалась о цвете неба.

— Конечно, нет, — добавляет Харви. — Но такие подробности играют роль, если на горизонте темные облака.

Утром, когда хорошо защищенная башня Теама появляется перед нами, мы последний раз останавливаемся на отдых. Молча, мы передаем, друг другу фляжку с водой и осматриваем город, которые возвышается перед нами. Попасть внутрь будет не сложно, а вот покинуть его снова с вакциной...

— Прежде чем мы расстанемся, нам нужно немного подготовить Харви, — говорит Бри. — Он должен выглядеть убедительным. Если бы он действительно был бы заложником, то выглядел бы гораздо хуже, чем грязь на лице и потная рубашка.

Я смотрю на Харви. Он так слаб и безвреден. Наверное, я не смог бы даже убедить себя ударить его по щеке.

— Если так надо, — говорит Харви. Он даже улыбается.

Я качаю головой. — Я не согласен.

Бри глубоко вздыхает, а затем встает, идет к Харви и бьет точным ударом в лицо, без предупреждения. Затем потирает кулак, пока Харви ощупывает свой кровоточащий нос. — Больше, — настаивает он.

Бри вывихивает плечо. — Вывихнутое плечо легко вправить назад.

С этими словами Бри берет сумку и перекидывает через плечо. — Я жду вас на другой стороне, мальчики. Удачи.

Она целует меня в щеку и убегает. Она хочет использовать внимание, которое произведет Харви и я, чтобы добраться до города на троллейбусе. Я смотрю ей вслед и подношу руку к месту, где коснулись ее губы.

Мы начинаем наш путь к сверкающей башне. Харви идет передо мной и прижимает руку к груди, а моя винтовка направлена ему в спину. Когда мы приближаемся, я могу поклясться, что чувствую взгляд Франка. Где-то глубоко он сидит перед экраном и наблюдает, как самое ценное появляется из лесов.

Широкий, сверкающий барьер показывается перед нами, и мы входим в город.

Рядом с машиной, двери которой открыты, нас ждет Марко. С обеих сторон стоят другие члены ордена, оружие которых следуют за каждым нашим шагом, когда мы подходим ближе. Теперь я вижу, как Харви охватывает страх. Я тоже его чувствую.

— Не один ли из близнецов-Везерсби возвращается из мертвых. И с ним еще мистер Малдун, — замечает Марко. Он нагибается вперед и смотрит мне в глаза, рассматривая их цвет, прежде чем сказать. — Хорошая работа. Блейн. Действительно очень хорошо.

Охрана скручивает нас и заставляет сесть в машину.

Кабинет Франка выглядит также как и в моих воспоминания: трудно-определимое оборудование выставленного на показ. Марко усаживает нас на стулья перед письменным столом, и мы ждем. Вскоре после этого двери открываются, но я не слышу шагов. Когда я оборачиваюсь, Франк стоит в дверях. Он рассматривает ногти на руках, щелкает пальцами и только после этого входит в помещение.

Он смотрит на нас, сначала на Харви, затем на меня и снова на Харви. В то время как он изучает нас, его пальцы стучат, но сегодня они выглядят не задумчиво, а угрожающе. Его

пальцы бледные и костлявые, как высохшие ветки.

— Добро пожаловать домой, Блейн, — говорит, наконец, Франк. Его голос звучит так мягко как всегда. Он улыбается широкой, злобной улыбкой. Я ерзаю на своем стуле.

Франк кладет руку на мой подбородок и поворачивает в сторону. Пальцем растягивает бледный шрам на моей шее. — Что произошло?

— Без понятия, — вру я. — Мятежники пытали меня, чтобы выжать сведения из меня. Я потерял сознание, а проснулся уже с перевязкой на шее.

Франк подмигивает мне. — Какое счастье, что ты жив. Мы опасались худшего. — Он складывает руки на груди и ни словом, ни обмолвился о жучке, что был у меня под кожей. — Как ты сбежал?

Франк улыбается белозубой улыбкой и мне становится дурно. Почему я не продумал больше запасных ответов на такие вопросы? я тяжело глотаю и надеюсь, что мой голос не дрожит.

— Я притворился, как будто разделяю их взгляды. Я вызвал сочувствие. Я находился под постоянным наблюдением, но когда появился случай, использовал его. При смене караула я атаковал моих стражей, взял Харви заложником и бежал назад пешком, — когда я называю имя Харви, указываю на него, он вздрагивает.

— Верно, Харви? — спрашивает Франк. — Все было именно так?

— Д-да, Сер, — лепечет Харви. Он выглядит запуганным, и я думаю, что он играет.

— У тебя здесь была прекрасная жизнь, Харви, действительно хорошая жизнь, — мурлыкает Франк. — Я не знаю, почему это должно было пойти так далеко.

Кровь, которая капала из носа Харви на рубашку, еще не высохла, и со своей обвисшей рукой, он действительно похож на заложника.

Франк снова возвращает свое внимание ко мне. — Мне так жаль, то, что случилось с твоим братом... — его голос полон сожаления, — Мы получили сообщение, что он убит во время сражения. Ты, наверное, поражен.

Я не знаю, какую реакцию я должен изобразить для него: неожиданность как будто я не знал об этом, или печаль. Прежде чем я успеваю решить, Франк наклоняется ко мне, так что его лицо находится непосредственно передо мной. Я смотрю прямо и молюсь, чтобы он не заметил края синих контактных линз в глазах.

— Итак, Блейн, — говорит Франк. — Ты снова появляешься здесь, после того как исчез более двух месяцев назад, и ты думаешь, что я поверю тебе, только потому что ты довел операцию до конца.

— Вы мне не верите? — спрашиваю я.

— Нет, Блейн. Никак нет, — его голос больше не кажется мягким, он жесткий и отравленный, — но ты можешь убедить меня в обратном. Харви казнят завтра утром. Публично. И ты, мой друг, сделаешь это, — он улыбается, светясь как злобные лучи бледной луны, которая появляется за изрезанной грядой гор.

— Но... Вы же приказали доставить его живым. Это был приказ. Как вы освободите Клейсут, если убьете его?

Франк все еще улыбается. — С тех пор как ты исчез, мы хорошо продвинулись. Мы больше не нуждаемся в его исследованиях, — очевидная, кричащая ложь. — Но нам нужен был живой Харви, чтобы мы могли казнить его и использовать это. Ты представляешь, как будет счастлив народ Теам, если это произойдет, когда предатель, убийца, террорист найдет смерть? Наконец, восторжествует справедливость, и ты, Блейн, сделаешь это. Ты казнишь

Харви, чтобы доказать мне твою лояльность.

В моей голове все смешалось: планы, отвлекающие маневры, временные рамки. Все меняется, и наша стратегия не годится. Теперь у нас меньше одного дня, а именно до наступления ночи, чтобы получить то, что мы хотим и убежать. Мне остается только два часа, чтобы найти Эмму. Франк кидает мне еще одну приманку, как будто он читает мои мысли.

— Ах, — злобно ухмыляясь, добавляет он. — Твой брат любил девушку по имени Эмма.

Я смотрю сквозь него и концентрируюсь на осенней листве перед окном, пожалуйста, не говори мне, что Эмма мертва. Я повторяю это снова и снова. Если это так, я не смогу сдержаться.

Франк перебирает пальцами. — Она работает в нашей больнице. Возможно, ты захочешь встретиться с ней? Она действительно красива, а после смерти Грея, ей, наверное, нужен кто-то, кто выглядит также как он.

Я сжимаю кулаки и смотрю на Франка. Он злобно улыбается. — Если ты извинишь меня, Грей, то есть Блейн, — добавляет он мягким голосом. — Я должен позаботиться о более важных делах.

Я сижу и пытаюсь понять, действительно ли он перепутал наши имена, или он знает правду.

У меня неприятное чувство, что он видит меня насквозь.

Они запирают Харви не в тюрьму, а в отдельный номер в оживленном проходе, где его охраняют 3 члена Ордена. Пара мужчин в белых халатах несут сумки в руках и заходят в его комнату. Скорее всего, врачи. Я сомниваюсь что Франк настолько извращен, что хочет проверить его здоровье перед смертью.

Я не могу свободно передвигаться по территории центра, но мне нужно только несколько минут, чтобы заметить часового, который следует за мной. Он всегда остается достаточно далеко от меня, чтобы не выглядеть угрожающим, но достаточно близко, чтобы не потерять меня из виду. Я проскакиваю в мужской туалет и запираю дверь. После того как я неоднократно убедился в том, что помещение пусто, я пытаюсь настроить контакт с Бри. Я ношу маленький наушник, который незаметен снаружи, и крохотный микрофон, который Харви прикрепил к внутренней стороне рубашки.

— Бри? — спрашиваю я. — Как твое положение? — пару секунд я слышу только статический треск, затем шум и наконец голос Бри.

— В черте города. Без проблем смогла сесть в автобус и должна освободить пару непомерно дружелюбных членов Ордена.

— Что с диверсией? Как ты далеко?

— Ты что думаешь, я — молния? Послушай, я должна проникнуть в Объединенный центр так, чтобы не привлекать особого внимания.

— На тебе твоя старая униформа. Просто зайди туда.

— Мы уже обсуждали это, Грей. Я должна быть незаметной, никто не должен знать, что я здесь. К чему вообще спешка? Мы же договорились, что отвлекающий маневр запланирован на завтрашнее утро.

— Дело в том... план меняется, — я рассказываю ей о намеченной казни Харви и роли, которую я должен сыграть при этом.

— Не беспокойся, — только и говорит она. — Я позабочусь о том, чтобы это случилось сегодня.

— Как?

— Еще не знаю, — отвечает она. — Но я обещаю, что диверсия произойдет до вечера.

— Уже полдень.

— Тогда больше не задерживай меня. Будь готов, когда подам сигнал.

На этом она заканчивает беседу, а я сижу в душевой и пристально смотрю на мое отражение. Я пытаюсь сконцентрироваться на отвлекающем маневре, но даже если закрываю глаза, вижу только Эмму. Определенно, Франк сделал это намеренно, чтобы я мог думать только о ней, мучил себя. В понимании того, что пока не будет сигнала от Бри, действовать я не могу, и покидаю душевую. Я оглядываюсь, чтобы найти постового, который следит за мной, но видимо я потерял его. Я больше не могу открывать двери с помощью запястья, поэтому мне приходилось ждать, когда пройдет кто-то из ордена и просить открыть дверь.

В больнице происходит многое, но Эмму нигде не видно. Вероятно, в первой половине дня она свободна, или работает в ночную смену. Я иду к ее комнате, мои ноги вспоминают и несут меня туда. Затем жду, как мне кажется часы, пока член ордена не покинет проход, а затем проскальзываю туда. Дверь Эммы закрыта, но из под нее просачивается свет.

Почему я не взволнован? Почему не лопаюсь от радости? Я желал этого с самого начала, это было моей целью. Эмма, которую я любил и все еще люблю, которую, я думал, никогда больше не увижу вновь. Потому это так сложно? Так как часть меня считала, что мы больше никогда не увидимся? Я поднимаю руку, чтобы постучать, однако, останавливаюсь. Что я должен сказать?

Прежде чем теряю мужество, стучу. Я слышу приближающиеся шаги, босых ног, которые шуршат по ковру. Руки открывают засов, а затем открывается дверь, но лицо передо мной не принадлежит Эмме.

— Блейн! Ты жив! — кричит Кроу от радости. За ним я вижу Эмму. Ее волосы растрепаны, подушки разбросаны... Она держит одеяло перед грудью. Я ударяю Кроу кулаком в лицо и ухожу по проходу.

Глава 33

Кроу чертыхается.

— Подожди, Блейн! — за мной бежит Эмма, все еще замотанная в простыню. Я не останавливаюсь. — Блейн! — еще раз кричит она. Она догоняет меня и хватает меня за руку. — Что случилось с тобой?

Я разворачиваюсь к ней. Я зол, так зол, но я не могу выдать себя и стискиваю зубы.

— Почему ты сделал это? — спрашивает она. — Я еще ни разу не видела, чтобы ты кого-то ударил. За всю жизнь ни разу... — но затем замолкает. Она смотрит мне прямо в глаза, в поисках чего-то. Ее взгляд скользит по моим бровям, вниз по лицу к подбородку. Затем вытягивает руку и прислоняет к моей щеке. Когда она проводит пальцем по линии моего носа и повторяет контур моего подбородка, ее глаза становятся все больше.

— О мой Бог, — выдыхает она и отдергивает руку. — Грей.

Я не знаю, откуда она узнала это, но она знает. Я практически теряю всякий контроль и готов взорваться прямо здесь в коридоре, поэтому разворачиваюсь и ухожу.

— Грей, пожалуйста. Все не так как выглядит.

— А как же, Эмма? — кричу я, подходя к ней. Вместе с тем она отходит от меня в страхе. — Мы... мы думали, что ты умер. Все так думали, — говорит она. — Они сказали, что ты был там во время нападения мятежников, и что ты и Блейн погибли.

Но мы не мертвы!

— Ты думаешь, это было легко для меня? — ее глаза становятся влажными, и маленькая слеза катится по родинке на ее щеке. Хотя я и зол, это больно видеть ее слезы.

— Ты думаешь, для меня это было просто? Ты даже не представляешь, через что я прошел, чтобы вернуться, Эмма. И как ты наградила меня за это? Ты спишь с Кроу.

— Это не корректно, — возражает она.

— Корректно? Теперь я тот, кто неправ? Я никогда не прекращал думать о тебе, но ты уже через пару дней с другим.

Она стоит там беспомощно и держит белое одеяло перед грудью. Она прикрывает кожу, которую уже видел Кроу, а я нет. Она должна была принадлежать мне, а я ей. Мы хотели быть как птицы. Она вытирает слезы тыльной стороной кисти руки.

— Я никогда не отдавалась другому, Грей, — говорит она. — Физически возможно, потому что я одинока и огорчена, но душой никогда. Пожалуйста, не убегай от меня. Не покидай меня снова, — она вытягивает руку вперед, но я отстраняюсь. — Передал ли тебе Кроу мое сообщение?

Она опускает глаза на ковер. — Да.

В то время как я думаю, что станет еще хуже, в моем ухе раздается треск. — Скоро, — шепчет Бри. — Приготовься.

— Я должен идти, — говорю я.

— Нет, — просит Эмма. — Мне ужасно жаль, что ты увидел меня в таком виде, и что я сделала это, но, пожалуйста, не уходи.

— Мне нужно время.

— Для чего?

— Чтобы понять, заслуживаешь ли ты второго шанса.

Каждый раз, когда у меня возникали мысли о Бри, я гнал их прочь, вытесняя их, думая об Эмме. Я думал только о ней, пытался вернуться, а она почти сразу забыла меня.

— Каждый заслуживает второго шанса, Грей, — говорит она. Слезы все еще бегут по ее лицу.

— Вероятно, говорю я и отворачиваюсь. Отвлекающий маневр скоро начнется, я должен быть готов.

Я иду назад к комнате, в которой держат Харви и смотрю, как охранники ходят перед ней туда сюда. Я чувствую себя странно уязвимым и слабым после встречи с Эммой, и бессильным, так как у меня забрали мою винтовку.

Внезапно громкий треск раздается по всему Объединенному Центру через все колонки. Сигнал от Бри, знак для меня.

— Что это было? — спрашивает один из часовых. Другие качают головой. И тогда это начинается, с начало тихо, как капли вечернего дождя. Звук мягкий и осторожный, затем он нарастает все сильнее. — Это... музыка?

— Похоже на то.

— Я не слышал музыку, с тех пор как был ребенком. Она прекрасна.

Даже я удивлен. Я никогда не слышал ничего подобного, это было гораздо более энергично, чем пара барабанов или флейт, на которых мы играли у костра в Клейсуге.

Музыка проникает в мою душу и не дает дышать. Кажется, время застыло. Музыка несется по Объединенному центру. Она наполняет проходы и проникает на территорию для тренировок снаружи. Я смотрю в окно позади меня, что все присутствующие застыли и смотрят в небо, чтобы определить источник музыки.

— Она играет везде. Даже снаружи, — говорит один из охранников.

— Франк будет вне себя от ярости, — отвечает один, и еще пока он говорит, срабатывает внутренняя сигнализация. Красные огни блестят. Серены ревут. Они орут также как при нападении Запада, тогда на крыше.

Сейчас слышно голос во всех проходах. — Боевая готовность. Красный код. Полное блокирование, — объясняет он без доли эмоций. — Члены ордена должны отметить для службы. Боевая готовность. Красный код. Полное блокирование, — звучит голос дальше, вместе с тревогой, но они не могут заглушить музыку совсем.

Члены ордена бегут через коридор направо и налево друг за другом. Охранники Харви покидают свой пост на произвол судьбы. Когда они пробегают мимо, я выставляю ногу, выхватываю его оружие и бью им охранника по голове. Он опускается на землю, а другие, которые бегут мимо в панике, даже не замечают, что их приятель упал. Я дергаю бессознательного часового к двери Харви и открываю дверь с помощью его запястья.

Харви стоит передо мной и выглядит гораздо лучше, невероятно, по сравнению с тем, каким я видел его в последний раз. Его нос еще опух, но врачи вправили его плечо и дали ему чистую рубашку. — Моцарт, — кричит он. — Я всегда слушал эту увертюру раньше во время работы в лаборатории.

— Как считаете, сколько времени у нас осталось, до тех пор, пока они не смогут отключить передачу?

— Минут двадцать, наверное? Максимум тридцать.

— Тогда пошли.

В объединенном центре полный хаос. Рабочие бегут через проходы и устремляются в подъемники, которые они используют в случае блокирования убежища. Члены Ордена пытаются зарегистрироваться на службу, как требует голос из динамиков. Никто не замечает нас, когда мы достигаем лестницы и входим в помещения, которые запрещены для нас.

Харви идет вперед, поворачивает в пустые проходы, проводя запястьем над сканерами, его коды не были изменены. Наконец, мы находимся глубоко под землей в безоконном коридоре. Однако, он безупречно чист со стеклянными перегородками и блестящими полами. Мы проходим отделение, которое Харви называет как его старое рабочее место. Из-за отвлекающего маневра оно пустынно, не считая различного оружия, машин на металлических столах и светящихся экранов с числами и графиками.

— Здесь, — говорит Харви и подходит к двери с очередным сканером. Он подносит запястье, но аппарат загорается красным. Он пытается еще раз, безрезультатно.

— Вам нужна помощь? — спрашивает кто-то позади нас. Высокая, стройная женщина в белом лабораторном халате стоит в дверях. На груди у нее красный треугольник. Я сразу же направляю на нее оружие, а она поднимает руки.

— Я Кристина. Райдер связался со мной и сказал, что вам, наверное, понадобится моя помощь.

Кристина проводит нас в исследовательское отделение и объясняет, что работает уже год в тайне для мятежников. Она сообщает о результатах исследования и новостях, а также

информирует гору Мятужника об отправленных машинах.

— У нас нет информации о вирусе, — говорит она, пока Харви проверяет данные компьютера. — Жителям объяснили, речь шла о нормальной профилактической прививке; мероприятие предусмотрено на зимнюю эпидемию гриппа. Когда Райдер сообщил о вашем приходе, мы позаботились о том, чтобы получить доступ к этому помещению. Я хотела бы предоставить вам больше сведений.

— Вы уже сделали более чем достаточно, — говорю я.

— Харви находит данные, которые он искал, тот самый материал, в котором, он считает, находится сыворотка, в стальном шкафу. Он берет столько бутылок, сколько может унести, в то время как Кристина другое медицинское оборудование в матерчатую сумку.

— Это пригодится вам по возвращению обратно, чтобы произвести больше, — объясняет она и подает сумку Харви.

— Мы очень обязаны вам, — говорит она.

Музыка прекращается внезапно и начинается сначала: бесконечность. Харви бросает мне сумку. — Нам нужно уходить. Ты заботишься о том, чтобы ничего не случилось с вакциной.

Что-то изменилось в Харви. Он выглядит более уверенным и выражение его лица больше не выражает страха. Вероятно, он абсолютно уверен, что нам все удастся, ускользнуть с вакциной во время отвлекающего маневра. Я надеюсь, он прав.

— Спасибо, Кристина, — кричу я через плечо, пока мы покидаем комнату. Она поднимает руку над головой и кивает, а мы заворачиваем за угол.

— Оно у нас, Бри! — кричу я в микрофон. — Где ты? Нам нужно встретиться и исчезнуть отсюда.

— Ну, это будет проблемой, или? — мое сердце почти останавливается. — Объединенный центр полностью заблокирован, пока они пытаются отключить музыку. Я не выйду и ты тоже маловероятно. Они, вероятно, думают, что запад просочился в Центральное объединение. Эта музыка должна была вызвать небольшую панику и отвлечь Орден ненадолго, но не вгонять такой страх, что они посчитают это красным кодом.

— Что нам делать теперь? — спрашиваю я. Харви и я снова на главном этаже.

— Без понятия, — объясняет она. — Попробуй выбраться на улицу через тренировочную территорию. Там господствует хаос, но если мы встретимся, мы что-нибудь придумаем.

Харви и я меняем направление и бежим вдоль хода, в котором его держали. Наконец, музыка умолкает, но сирены продолжают выть, а на стенах горят красные огни. Когда мы приближаемся к комнате Харви, я замечаю вид за открытой дверью. Я знаю его, знаю, кто этот мужчина, еще до того как мужчина повернулся. Если понадобится, я застрелю его. Но в этот момент группа членов ордена устремляется в проход, и мы сидим в засаде. Мне приходит на ум только одно, что я могу сделать, чтобы сохранить нашу маскировку.

— Не двигайся, — кричу я Харви и направляю оружие на его спину. В ужасе он смотрит на меня, однако, понимает все, когда Марко выходит из комнаты.

— Я задержал его, когда он пытался воспользоваться паникой и убежать, — объясняю я Марко.

— И мы, конечно, не хотим этого, или? не после всего, что ты пережил, чтобы доставить его сюда, — Марко ухмыляется. — Я думаю, Харви немного раздосадован, что ему не доверяют, не так ли Блейн?

— Однозначно.

— Я поговорю с Франком, — говорит он. — Я считаю, что лучше перенести казнь на более ранний срок, например на вечер сегодня, прежде чем что-нибудь еще произойдет.

Я чувствую, как мой рот открывается. — Перенести? Но зачем? Я все еще не понимаю, почему мы так торопимся убить его. Я думал, что Франку нужна помощь Харви?

Я знаю, что ответ “да”. Франк хочет неограниченное количество клонов, и для этого ему нужен Харви. Кроме...

Моя хватка ослабевает. Вероятно, Франк решил проблему. Вероятно, что когда я исчез, кто-то писал правильный код в лаборатории, и теперь Франк может производить бесчисленное количество клонов. Много-много копий. Я снова слышу его голос. “С тех пор как ты исчез, мы сделали успехи. Мы больше не нуждаемся в исследованиях.”

Марко лишь ухмыляется на мой вопрос. — Франк не нуждается в помощи Харви. От людей как Харви он хочет только одного: видеть, как они умирают.

С этими словами он подходит к Харви, снова вывихивает ему плечо. Харви сгибается от боли и опускается на пол. Я же могу просто беспомощно стоять рядом. Я понимаю, что мы потерпели неудачу.

Глава 34

Они закрывают нас вместе в помещении. В нем нет окон, и панели на потолке не поднимаются, когда я пытаюсь сдвинуть их. Нет никакого шанса ускользнуть. Харви снова и снова говорит мне, что все в порядке, что все будет хорошо.

— Что будет в порядке? — кричу я на него. — Это не должно произойти таким образом. Было запланировано, что мы убежим. Все должно получиться.

— Вы все еще можете это сделать, — говорит он. — Я никогда не планировал, что вернусь, с самого начала, — мои глаза расширяются, когда я понимаю. — Об этом вы говорили во время этих закрытых встреч. О том, что вы должны умереть, чтобы я и Бри смогли сбежать. — Он кивает.

— Почему вы не пустили меня на эту беседу?

— Потому что ты возразил бы, — признается он. — также как и теперь.

— Конечно, я возражаю, так как это не должно произойти таким образом. Если бы я принял участие во время этих встреч, то мы бы придумали другой план, другую стратегию для ситуации как эта. Кроме того мятежники нуждаются в вас. Непременно.

— Клейтон гораздо умнее, чем предполагает его возраст. Я обучил его всему, что знаю. Мятежники будут драться отлично. Кроме того, почему ты думаешь, что мы не просчитали другие стратегии?

— Так вы идете добровольно на смерть!

— Вероятно, это план.

— Тогда это довольно глупый план.

— Грей, — просто говорит он, — это стоящая жертва; одна жизнь ради многих других. И ты был бы глупцом не воспользоваться этим. Я не буду злиться на тебя. Так ты сможешь сбежать вместе с Бри. Таким образом, я совершу последнее действие, и тогда, когда они будут праздновать мою смерть, если они будут доверять тебе, ты сможешь доставить вакцину в Долину Расселин, чтобы борьба могла продолжаться.

Я сижу и неуверенно качаю головой. Но прежде чем я успеваю успокоиться, охранники

выводят нас.

В Объединенном Центре снова все спокойно. Сирена выключена, красный цвет выключен. Харви и меня сажают в машину, которая везет нас в город, к тому месту, где Эмма и я наблюдали казнь водного вора. Здесь происходят плотные действия. Горожане и члены совета бегут друг за другом. Франк стоит на сцене и успокаивает людей. Он говорит в тонкое устройство, которое усиливает его голос, так что его везде слышно.

— Это Харви Малдун, — Объясняет Франк. Стена за ним вспыхивает и показывает плакаты о розыске с фотографией Харви, пока охрана выводит его самого на платформу. Они привязывают его к деревянному столбу. Он не защищается, а делает это даже добровольно и держит руки так, чтобы члены ордена легко могут их сковать.

Этот мужчина известен нам, — продолжает Франк. — Мы видели это лицо повсюду в городе, но я считаю, стоит перечислять преступления, которые он совершил. Этот мужчина избегает делания жить справедливо по законам. Он — змея и трус, убийца и предатель, грязная болезнь, от которой Теам вылечится сегодня. Харви передал сведения и знание Запада и предал нас. Он доказал нам, что он желает смерти каждому из нас, и поэтому этот мужчина умрет сегодня вечером.

Зрители взрываются в ликованиях, вытягивают руки над головой и требуют казни. Франк говорит дальше и доводит их до фанатичного бешенства, но я не слушаю. Где Бри? Шепотом я зову ее через микрофон, но она не отвечает. Я осматриваюсь, но мы окружены и сидим в засаде. Всюду башни города угрожающе возвышаются вокруг нас, и толпу вокруг нас бушует как море.

— Блейн Везерсби вернул мистера Малдуна к нам, — продолжает Франк. Сразу же мое лицо появилось на стене за Франком, и оно передвигается одновременно со мной. Это должно быть видео, — Блейн доказал преданность и верность Теам. Он показал, что уважает закон и порядок, возвратив Харви в наш город. И теперь Блейн уничтожит эту угрозу навсегда на ваших глазах.

Масса кричит от ликования. Я осматриваю гневные лица и ищу Эмму, но ее нигде не видно. Я не должен был оставлять ее. Часовой ведет меня на сцену и оставляет напротив Харви. Все это повторяется на стене. Харви и я заполняем весь экран. Часовой подает мне винтовку, и Франк, улыбаясь, прикладывает палец к губам.

Оружие на ощупь тяжелое. Я мог бы убить Франка. Это мой шанс, если бы я захотел. Он стоит прямо передо мной, но что произойдет тогда? Определенно Орден застрелил бы меня, или толпа затоптала бы меня, и тогда вакцина никогда не попадет к мятежникам. Франк был бы мертв, но что было бы с проектом — Лайкос? Или пошел бы Марко по его стопам? Будет ли он похищать людей, чтобы создавать из них копии? Пошлет ли он вирус на гору Мученика? Изменит это что-то, если я убью Франка?

Я смотрю на оружие, а затем снова на Харви.

Если понадобится, сделай это не задумываясь,

Это были его слова и, вероятно, он был прав, это действительно единственная возможность. Харви жертвует собой для общества, для существования мятежников и надежды, чтобы мятеж мог продолжаться, после того как они получают вакцину. Сегодня вечером мы не победим Франка. Это борьба еще впереди, но в совершенно другом будущем.

Когда я готов к действию, которого боюсь, я замечаю несколько блесков на крыше дома. Я смотрю вверх и вижу Бри, она сидит с винтовкой в руке за каминной трубой на крыше соседнего дома. Она практически сливается с темным камнем, чему способствует ее

окрашенные волосы. Я не могу точно понять, но мне кажется, что она одобрительно кивает мне. Она и Харви договорились об этом за закрытыми дверями, где я не должна была присутствовать, Я часть плана, и если откажусь играть по правилам, все будет потеряно. Или я могу нажать задний ход.

Я поднимаю винтовку, ставлю поршень на плечо и смотрю на Харви. Выражение его лица выглядит мирным. Он беззвучно двигает губами. “Я готов”. Он закрывает глаза, и я целюсь.

Кровь шумит в моих ушах, и волосы стоят дыбом. И, когда я практически нажимаю на курок, за секунду до этого, я слышу выстрел.

Бри стреляла в меня. Я опускаюсь на землю, и мир вокруг меня в огне.

Глава 35.

Люди бегают вокруг меня. Я слышу стрельбу и взрывы, но они очень далеко, так как в моих ушах такой громкий звон, что весь мир отдаляется от меня. Я держусь за мой живот, так как пуля попала именно туда. Все болит и горит. Моргая, я пытаюсь разглядеть что-то сквозь дым. Харви нет больше там. Огонь охватывает сцену и поднимается по столбу, к которому он был привязан совсем недавно. Кто-то разжег огонь во всей этой неразберихе, скорее всего как отвлекающий маневр, чтобы Франк мог бы скрыться, когда толпа станет неуправляемой. Или это была Бри. Но почему?

Толпа кричит в панике.

— Нападение мятежников!

— Нет, это Запад!

— Они хотят убить парня.

— Они пытаются спасти Харви.

Ничего из этого не правда. Здесь нет никаких мятежников кроме меня и Бри, и все выглядит так, как будто она пыталась застрелить меня. Но почему? Было ли это планом, который они придумали за закрытыми дверями? Я должен умереть, чтобы Бри и Харви спаслись? Вероятно, это новый отвлекающий маневр и Бри хватается за каждую соломинку и действует спонтанно.

Я все еще держусь за живот, но становится все жарче. Очевидно, огонь об-жег мою руку, но мне слишком больно, чтобы снять рубашку. Сцена пуста, я один и горю. Когда я как раз готов принять все и умереть, кто-то хватается за меня под мышки и вытаскивает меня с горячей платформы. Я не вижу, кому принадлежат руки, но мне все равно. Меня тащат по неизвестным покинутым переулкам и оставляют в безопасности. Руки снимают сумку со спины с вакциной и стаскивают рубашку. Сильные ноги тушат огонь, который окружает нас. Я лежу прислоненный к стене до тех пор, пока не прихожу в себя. Мои глаза больше не горят, а мои легкие прекращают кричать из-за нехватки воздуха. И тогда мой спаситель попадает в мое поле зрения.

— Вы? — бормочу я. — Почему вы помогли мне?

— Ты думаешь, что ты единственный, кто знает, что здесь происходит? Не думаешь ли ты, что другие поддержали бы вас с этой сумасшедшей идеей? — Бозо стоит передо мной. Его тело неудобно согнуто, как будто оно забыло, как стоять прямо.

— О чем вы говорите?

— В Теам много людей на стороне мятежников. Мы не знали о вирусе, но это не

значит, что мы не готовы были помочь, когда Райдер связался с нами, — вне камеры он выглядит гораздо сильнее, его голос звучит твердо и его конечности расслаблены. Его пальцы все еще барабнят в странном, неровном ритме о стену, к которой он прислонился, но без его оборванной тюремной одежды он выглядит как член цивилизованного общества.

— Но... почему Райдер должен был просить о помощи сумасшедшего.

— Райдер и я вместе выросли. Мы пытались вместе убежать от Франка. Я был так глуп, что поранился. Я должен был попросить Райдера идти дальше без меня.

— Вы! — все сразу становится ясно. В день, когда мы познакомились, он знал о тестовых группах. Я просто не понимал, о чем он говорит. Как такое, возможно, что я не понял этого? Он точно не сумасшедший. Не Бозо.

— Вы Бо Чилтон! — говорю я утвердительно.

Он смотрит на меня, широко улыбаясь. — Виновен, согласно обвинения.

— Как вы сбежали из тюрьмы?

— У Бри были специальные указания от Райдера. Она посетила меня во время диверсии с музыкой, освободила меня, и я бежал.

Я должен бы радоваться этому. Этот план не дал мне застрелить Харви. Меня спасли от огня, но все же я злюсь. Я вне себя от злости.

— Она умолчала об этом. Лгунья, коварная и упрямая... И она стреляла в меня.

— Ох, хватит горевать, — говорит Бо. — Она выстрелила в тебя резиновым шариком, это было необходимо. Другие, кого позвал Райдер, сражаются сейчас ради того, чтобы вы смогли ускользнуть. Все это служит маскировкой, не понимаешь что ли? Начинается борьба, пожар, и вы можете убежать во всей этой неразберихе.

Я смотрю вниз на мой живот, на больное место, на котором держал руку. Она кровоточит, но не так, как я ожидал. Под моей пропитанной потом ладонью находится безобразная полоса красного цвета, и опухоль, которая уже начинает становиться синей. Должен ли я волноваться из-за ожога на левой руке. Там где я стянул рубашку, образовались волдыри.

— Ничто так не убеждает как настоящий шок, и ты не действовал бы так, если бы знал настоящий план, — продолжает Бо. — У нас была только одна попытка, и Райдер считал, что это лучший шанс вытащить вас всех троих живыми.

— Харви! — выкрикиваю я и оглядываюсь на площадь. — Где он?

— Я видел, как он попал под перекрестный огонь. А затем кто-то вытащил его со сцены. Мне приказано, если возможно нести вас обоих, но я думаю, что мы потеряли его. И если вы хотите выбраться, то мы должны отправляться. Сейчас.

И в этот момент, когда мы не говорит о ней, я понимаю, что не могу уйти без нее.

— Нам нужно вернуться и забрать кое-кого.

— Да, Бри, — соглашается Босо со мной. — Она ждет нас в Объединенном Центре. Там мы возьмем машину.

— Бри, конечно. Но еще и Эмму. Я должен забрать Эмму.

Он криво улыбается:

— Эмма. Она говорили о тебе, — я удивленно останавливаюсь.

— Вы знаете ее?

— Мы пару дней сидели в одной камере, пока Орден не установил, что она умеет управляться со скальпелем.

— И она говорила обо мне?

— Не могла остановиться. Мне пришлось рассказать действительно жуткие истории, чтобы она успокоилась. О проекте-Лайкос, Клейсуге и похищении.

Итак, она все знает. Эмма знает все. Я вижу, как она бежит с этим грузом по Объединенному Центру. Здание, в котором она ни с кем не может поговорить. Ее единственное доказательство — слово сумасшедшего. Если бы она начала говорить, они посчитали бы ее такой же. Эмма больше не сидит в клетке, но она все еще заперта. Хотя я не готов ее простить, я так сильно люблю ее, что не могу оставить ее здесь.

— Мы должны забрать ее. После того как встретимся с Бри.

Бо энергично стучит пальцами по стене. — Мы могли бы это попробовать.

Сейчас этого достаточно.

Быстро я поднимаюсь на ноги, отрываю кусок от рубашки, которым перевязываю обожженную руку. Закидываю сумку с вакциной за спину, Бо подает мне винтовку, а затем мы бежим по безлюдному переулку.

В Объединенном центре снова суматоха. Гремит тревога. Рабочие, покинувшие свои укрытия после красного кода, бегут назад в бункеры. Члены ордена бегают, объединяясь в группы, которые поедут в город. Мне и Бо легко удается затеряться в толпе и не бросаться в глаза. Люди слишком напуганы, чтобы вглядываться в лица.

Мы встречаем Бри рядом со столовой. От ее взгляда миллион мыслей проносится в моей голове: облегчение, ненависть, предательство. Это странно, но я не знаю, какому из этих чувств отдать предпочтение, и просто пристально смотрю на нее. Она же напротив, бежит ко мне и обнимает так крепко, что я делаю шаг назад.

— Ты справился, — пыхтит она, как будто она не верила в меня. Ее рот приоткрыт, как будто она хочет сказать что-то важное: все же она решается на равнодушный приказ:

— Идем. Нам нужно сюда к автомобильной стоянке,

Но мы не можем идти. Еще нет. — Мне нужно заглянуть еще в одно место.

— У нас нет времени на это, — возражает она.

— Для этого время есть.

Я не жду ответа, а бегу вдоль прохода, но слышу, что Бри и Бо бегут за мной. В панике, которая господствует в Объединенном Центре, кто-то выключил все сканеры, так что рабочие по усмотрению могут бегать по помещениям и коридорам. Я бегу по лестнице к комнате Эммы. Дверь открыта. Она как раз выходит, когда я налетаю на нее.

— Грей! — кричит Эмма. — Я хотела идти в больницу. Что ты здесь делаешь? — она держит в руках санитарную сумку. Я смотрю ей в глаза, теряюсь в них и забываю, что хотел сказать.

— Кто это? — спрашивает меня грубо Бри. — И откуда она знает, кто ты?

— Все в порядке, — говорю я, даже не обернувшись. — Я знаю ее. Она из Клейсуга. Я оставил ее здесь, когда бежал к мятежникам.

Бри встает между нами. — Была ли она причиной, почему ты захотел отправиться сюда? — хочет она знать. — Рискуешь ли ты нашими шкурами ради этой девчонки, которую мы даже не знаем?

— Я не могу еще раз бросить Эмму на произвол судьбы. Да, я ждал удобный случай, чтобы вытащить ее из Теам, и когда представился шанс, я не мог упустить его.

— Можно мне тоже пойти, пожалуйста, — говорит Эмма. — Возьмите меня с собой. Я не могу оставаться здесь больше.

Бри пренебрежительно фыркает и подходит так близко ко мне, что я могу чувствовать

ее теплое дыхание. Она тыкает меня пальцем в грудь. — Если она так важна для тебя, она может пойти с нами, но мы больше ни минуты не останемся в коридоре.

Я, смотря на Эмму, которая стоит за Бри. — Она идет.

Бри натягивает мрачное выражение лица, однако, подает нам знак, следовать за ней. — Сюда прямо.

Бо бежит за Бри, и когда я собираюсь присоединиться к нему, Эмма хватается меня за руку. — Спасибо, — говорит она. — За то, что даешь мне второй шанс.

Долю секунды я безумно желаю поцеловать ее, прикоснуться к ее лицу и притянуть ее к себе. Но потом приходит мысль, что последние руки, которые прикасались к ее лицу, принадлежали Кроу, и его губы, целовали ее в последний раз. В моей груди все сжимается.

— Второй шанс не обозначает прощение, Эмма, — я стряхиваю ее руку. — Не отставай.

Мы следуем за Бри и бежим по лестнице. Внизу мы оказываемся в комнате, которую Франк использует для наблюдения. На стене несколько рядов экранов, каждый из которых показывает различные участки Объединенного центра: проходы, комнаты, места, столовую. То как экраны мерцают в медленном ритме, кажется зловещим. И мы смотрим, как члены Ордена бегут на мониторах. На некоторых видны части города. В районе площади видно борьбу и дым. Когда мы останавливаемся, чтобы перевести дыхание, я вижу, как на экранах двигается тень.

— Здесь кто-то есть, — шепчу я. Бесшумно мы двигаемся вдоль коридора, прочь от нашего преследователя. Скоро мы так далеко пробираемся между рядами компьютеров, что Бри уже не совсем уверена, откуда мы пришли и где находится автомобильная парковка. Шаги следуют за нами, огибают углы и копируют наши движения.

— Сюда внутрь, — шепчу я, указывая на помещение, которое ответвляется от одного из проходов. Мы заходим внутрь и закрываем дверь. Здесь почти не слышно звука тревоги. Эмма облегченно прислоняется к стене и загорается свет.

В голубом свете мы осматриваем помещение. Оно похоже на проходы, которые мы покинули, но содержание мониторов отличается. Нам не надо долго думать, чтобы понять, что перед нами. На сотне экранах незаасфальтированные дороги, остров с песчаным пляжем, хижины, выгоны, площади в центре деревни. Измученные лица. Уставшие тела.

— Это комната контроля, — говорит Бри и проводит рукой по экрану, на котором два маленьких мальчика играют на пляже.

Я подхожу к экрану с видом на лестницу к зданию совета в Клейсуге. Кейл прыгает вверх и вниз и тянет деревянную утку за собой. Экраны не издают никаких звуков, так что мы не можем воспринять изображение как что-то реальное. Я сбежал все лишь три месяца назад, но кажется, прошли десятилетия. Так много изменилось, с тех пор как я называл домом эти глиняные улицы. Кейл слышит что-то, спускается с лестницы и убегает из поля зрения.

На другом экране прямо-таки зловеще написано: группа С, Мод. На нем я могу узнать внутреннюю часть ее дома, простой деревянный стол, водопроводный кран с насосом. Но больше всего меня шокирует, что эти предметы находятся на заднем плане и видны через неприкрытую дверь в спальню. Самую большую часть комнаты занимает кровать Мод, на которой сидела Мод в ночь, когда я убежал из Клейсуга. Тогда она говорила с голосом, который, я практически уверен, принадлежит одному из членов ордена. Если она говорила с ними, говорит ли это о том, что она знала обо всем этом все время?

Бо встает сбоку от меня и стучит по краю монитора. Сначала я думаю, что он делает это

по привычке, пока не замечаю, на что указывает его палец: пять ягод земляники, которые лежат на прикроватном столике Мод. И он не стучит, он рассказывает.

— В одном ряду пять красных ягод, — шепчет он.

— С любовью посеяны, чтобы потом собрать, — поет Бо. Но не останавливается на этот раз.

— Первая, если твой рот отравлен,
другая, если нет дождя.

Печет солнце, кушай третью.

— Хочешь еще одну? Нужно только попросить.

Пропала вода, возьми последнюю из центра.

И если однажды я испытаю жажду,
посади пять новых ягод.

С удачей и верой они покраснеют,
иначе жажда станет нашей смертью.

Его пальцы начинают снова барабанить, они танцуют на мониторе с видом на дом Мод.

— Когда мы просыпались в Клейсуге, мы вдвоем пели эту песню, — объясняет он. — Мод считает, наша мама пела нам ее, несмотря на то, что мы не можем ее вспомнить, ничего о доме, в котором мы жили с ней.

— Она знает о том, что за стеной есть что-то большее, или? — спрашиваю я.

— Да, и это моя вина, — он опускается на землю, прислоняется к стене и подтягивает колени к груди. — Когда я пытался бежать с Райдером и члены ордена поймали меня, я сказал людям, найти возможность оповестить Мод, что жизнь по другую сторону стены существует. Я думал, если Орден узнает, что Клейсут знает о проекте, то его прекратят. Но произошло все по-другому. Кто-то из ордена наладил контакт с Мод. Они думали она ничего не знает, но после того как обнаружили о ее знаниях, позаботились о том, чтобы она молчала. Франк говорил ей, что он убьет меня, если она расскажет правду.

Она потребовала сначала увидеть меня. Я вспоминаю и видеоконференции. Мы смотрели друг на друга только десять секунд, и в середине она начала плакать. Затем они стали использовать ее как источник, ставили всевозможные вопросы. Я думаю, они до сих пор делают это. Она — их глаза внутри стены. И она участвует в этом только из-за меня. Мод сделала бы все для меня, это ее самая большая слабость.

Теперь я уверен, что Мод была причиной того, что меня спасли из внешнего кольца. Она, наверное, опасалась, что Франк мог подумать, что она была виновата в том, что я избежал похищения, и что моя дата рождения была скрыта, а значит, он мог навредить Бо. Она должна была сказать ему правду, как только я признался ей.

— А ягоды? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами. — Я, предполагал, она оставила их на случай, если я вернусь, чтобы показать мне, что она никогда не забывала обо мне.

— Нам нужно идти, — говорит Эмма.

Я киваю и иду к двери, когда что-то привлекает мое внимание, кое-что особенное на верхнем мониторе, на котором стоит “Группа А”

— Подождите. Вы видели это?

— Что там? — спрашивает Бри и смотрит на экран, на который я показываю. Мы ждем и снова движение, тень, которая мелькает на экране.

— Там, наверху. Вы видели это? — Бри и Эмма кивают.

Мы распределяемся по комнате и ищем другие экраны с надписью “Группа А” и ждем. Хотя каждый экран показывает кусок пустыни — разрушенные здания и уничтоженные загоны для скота — мы замечаем там жизнь: едва видимые силуэты, которые мелькают на мониторах. Если специально не искать что-то, то заметить что-либо сложно, с учетом того, что экраны стоят рядом с оживленными картинками из групп В, С и D.

— Я думал группа А была уничтожена, — говорю я.

Бри пожимает плечами. — Наши записи не полные, поэтому я не уверена.

— Они сами себя уничтожили, — ответил Бо. — Я слышал сообщения. Впервые недели после моего взятия в плен, я был самым любимым тестовым объектом Франка. Он ненавидел Райдер, так как тот убежал, и весь гнев он выпускал на мне. Я провел недели на столе для исследований. Каждый раз я молил о смерти, но мне ни разу не повезло.

Я помню день, когда Франк получил сообщение, что все в группе А мертвы. Она думали, что я без сознания, но я слышал все. Мертвы. Искоренены. Уничтожены. Все до единого.

— Но видимо Франк ошибается, — говорит Бри и снова смотрит на монитор. — Пара из них смогли выжить.

— Или наши глаза играют с нами злую шутку, — произносит Бо. — В этих руинах невозможно выжить.

— Верно, — соглашаюсь я. — Но даже если они когда-то победили, горстке людей хватило бы одной надежды, чтобы продолжать жить. Клейсут и другие города восстановили практически из ничего. У этих людей было электричество и квартиры. Если они решили выжить, тогда они смогли бы это сделать.

Бри и Бо утвердительно кивают, только Эмма все еще смотрит на экран, на котором Картер сидит в больнице, склонившись над свитками.

— Идем, — призывает Бо. — Мы должны пошевелиться.

Он проверяет дверь, и после того как мы уверены в безопасности, открываем ее. Тревога все еще включена. Когда мы пробираемся между рядами компьютеров, на наших лицах танцуют красные огни. Перед нами проход, который ведет на автомобильную парковку.

И тогда мы слышим голос позади нас. — Не двигайтесь!

Бо, Эмма и я повинуемся, но Бри реагирует настолько инстинктивно, что, не задерживаясь ни на секунду, разворачивается, вскидывает оружие. Затем целится и стреляет. Но я слышу два выстрела.

А затем слышу, как два тела падают на пол.

Глава 36

Сначала кровь течет медленно, мягко и робко, впитываясь в ее рубашку, как огонь поедает сухую листву. Бри лежит на спине, пристально смотрит в потолок и часто дышит. Я опускаюсь на колени рядом с ней, мне не хватает мужества проверить насколько все серьезно.

— Бри?

— Я в порядке, в порядке, — пыхтит она. Ее рука находит мою и твердо сжимает ее. Пуля попала ей в плечо, и когда она лежит, еле дыша, я понимаю, как много она значит для меня. Мое сердце бьется безумно быстро. Я встаю, и мои руки двигаются сами. Я направляю

мою винтовку в проход, но он пуст.

На бетонном полу кто-то лежит. Рядом со мной Бо, который занят своим ритуалом самозащиты, качается туда сюда, барабанит пальцами и напевает песню про ягоды. Эмма наклоняется, чтобы осмотреть Бри, я оставляю их за спиной и осторожно приближаюсь к упавшему охраннику.

Он молод и дышит быстро и слабо. Пуля Бри попала ему прямо в грудь..

— Вы... не... выберетесь... отсюда... живыми, — кашляет он.

Я смотрю на его кровоточащую грудь. — Ты был один? — он хрипит. Я подношу винтовку к его лицу. — Отвечай мне. Ты один?

Он кивает и пробует говорить — Вы... не сможете вернуться, — он хватается за воздух. — Франк... убьет всех... мятежников.

Я стискиваю зубы и прижимаю винтовку к его щеке. Мой палец на спуско-вом крючке.

— Сделай это, — просит он. — Пожалуйста, — я не стреляю. — Пожалуйста.

Я перекидываю оружие через плечо за спину и бегу в другом направлении. Я опускаюсь на колени рядом с Эммой. — Она выживет?

— Я не знаю, — отвечает она. — Выстрел задел только ее руку, но она потеряла много крови. Она в шоке от боли.

Я поднимаю Бри на руки и толкаю Бо сапогом. — Вставай, мы уходим, — он продолжает качаться вперед назад, закинул руки за голову и напевает. — Пожалуйста, Бо, — толкает его Эмма.

Когда Эмма прикасается к нему, он выходит из транса, в который впал во время паники, и мы снова бежим. Наконец мы добираемся до автомобильной парковки, прижимаемся спиной к стене и стараемся, чтобы нас не заметили. В комнате настоящая суeta. Автомобили маневрируют между людьми и выезжают к выходу, чтобы добраться до центра города.

— Бри не сможет везти нас, — говорю я Бо. Она обмякла в моих руках, и ее кровь высыхает на моей коже. Я рассматриваю машины перед нами. Какой из них ты умеешь управлять?

— Я не умею водить, — объясняет он. — Это должно быть не сложно. Руками управляешь, правее или левее, а ногами набираешь скорость или тормозишь. Остальное расскажу по мере надобности.

Я отношусь к этому скептически, но не настроен возражать. Мы подкрадываемся к темно-зеленой машине. Бо открывает дверь, я кладу Бри на сидение. Когда я опускаю ее, она вздрагивает.

Бо находит ключи под сидением, Эмма и я садимся. Я смотрю на Бри. Ее грудь медленно поднимается и опускается.

— Ты сможешь ее вылечить? — спрашиваю я Эмму. Она выглядит такой неуверенной, что это разрывает меня. — Пожалуйста, Эмма. Ты должна ее спасти.

Машина трогается с места. Никто не задерживает нас. Это просто одна из многих машин, которые используются для усмирения. Когда мы выезжаем наружу, где уже порядком стемнело, Эмма наклоняется к Бри и открывает свою сумку.

Когда мы добираемся до лесов, уже совершенно темно.

Езда Бо далека от идеальной, и Эмме постоянно приходится держать равновесие, пока пытается помочь Бри. Она вытаскивает пулю — навык, который приобрела во время работы в Объединенном центре — устроив при этом кровавую ванну на Заднем сидении. Бри теряет сознание, но Эмма зашивает, перевязывает рану, объясняя мне, что сделала все что могла. Бо

следует по дороге, которая вилает между деревьями, пока это возможно и лес не становится слишком густым. Мы вынуждены оставить машину.

Я беру Бри на руки и иду в направлении, которое как мне кажется, ведет к горе. Так как мне приходится ее нести, мы продвигаемся очень медленно, что дает мне время подумать о Харви. Несмотря на то, что мы не знали, жив он, мертв или арестован, мы бежали без него.

Наконец, Бо говорит, что мы должны отдохнуть. — Только Бри знает обратный путь, — объясняет он. — Мы должны разбить лагерь на ночь.

Вдалеке еще видна башня Теама, и мне кажется, что я слышу выстрелы и взрывы. Эта близость неприятна мне.

— А если нас кто-то преследует? — спрашиваю я.

— Никто не идет за нами, — говорит Бо. — У них сейчас и так много забот.

Бо разжигает огонь, а Эмма и я сидим напротив другу друга, кидая взгляды через пламя огня. Бри спит, ее голова лежит у меня на коленях. Я ничего не говорю Эмме, потому что не знаю с чего начать. С одной стороны, я хочу чтобы она была рядом со мной, но одновременно с этим желаю, чтобы она была далеко отсюда и страдала так же как и я.

— Бри?

Я опускаю глаза и вижу, как Бри медленно открывает глаза. Они снова голубые. Видимо она успела где-то снять контактные линзы.

— Привет, Бри.

Она пробует встать, но снова сжимается. — Что случилось?

— В тебя стреляли.

— Я знаю это, болван. — Что произошло потом? — она говорит медленно, но я понимаю, что она хочет звучать энергично. Ее злость заставляет меня улыбнуться.

— Мы заполучили машину, и Бо доставил нас в безопасное место. Эмма позаботилась с тебе. А сейчас мы разбили лагерь в лесу.

— Эмма? Та Эмма, о которой ты никогда мне не рассказывал? Девушка, из-за которой мы рисковали жизнями?

— Да, она.

Она хмурит лоб.

— Она много для тебя значит, или?

— Да. Но ты тоже, — сложный, но откровенный ответ.

Какое-то время Бри все еще лежит и смотрит на меня. — Твои глаза все еще голубые. Мне больше нравится, если они серые.

— Почему? — спрашиваю я. Сам же считаю серый ужасно скучным и не нормальным цветом.

— Они напоминают мне о затянутом облаками небе в моем городе. И о прибое по утрам. Я доверяю этому цвету. Он успокаивает.

Я снимаю контактные линзы и выкидываю их.

— Лучше?

Она улыбается. Я снова обращаю свое внимание на огонь, любуюсь особенно раскаленными местами с синим пламенем.

— Грей? — шепчет Бри.

— Да?

— Ты еще помнишь тот вечер, когда мы выпили слишком много в баре?

— Да. Я не смог бы забыть, как ты облевала мои сапоги, — отвечаю я.

— Нет, не это, — она медленно качает головой. — Перед этим. Помнишь, о чем я тебя просила? — я киваю. Никогда бы не смог забыть это.

— Если бы я еще раз попросила тебя об этом прямо сейчас, ты снова откажешь мне?

— Нет, — говорю я честно. Из-за Эммы я переосмыслил все, что я чувствовал к ней — из-за Эммы, которая не отказала сама себе.

Бри снова пытается встать, и искривляет лицо. Но она не сдается, для этого она слишком упряма. Она кладет невредимую руку мне на шею и подтягивается, пока не садится ко мне на колени. Ее лицо в опасной близости от моего. Я уверен, что Эмма смотрит на нас и видит каждое наше движение, но я чувствую себя ужасно, неправильно и разъяренным. Часть меня хотела бы причинить ей боль.

Бри придвигается еще ближе, ее рука на моей шее. — Ты меня поцелуешь? — спрашивает она.

И я целую ее.

Когда наши губы встречаются, они обвивают руку вокруг моей шеи, что-то возмущается внутри меня. Нечистая совесть, вероятно? Замешательство? Я пытаюсь подавить это, несмотря на то, что все внутри переворачивается. Губы Бри прекрасны на вкус. Из одного поцелуя вытекает следующий. Я целую ее в нос и шею.

Бри теплая и нежная. Она цепляется за меня, как будто ее жизнь зависит от этого. Я скучаю по Эмме, но я хочу мести. И чем больше я получаю это, тем хуже я себя чувствую, так как я не могу оторваться от нее. Я срываюсь, голова кружится, и двигаюсь все быстрее. Не знаю, как далеко бы все это зашло, если бы мы были вдвоем, но Эмма и Бо сидят по другую сторону костра.

Что-то происходит, сначала свистящий шум, а потом взрыв рассыпающийся синим. Второй красным, а третий желтым.

— Фейерверк, — объясняет Бо.

Борьба в Теам закончилась. Мы, молча, смотрим на фейерверк. Это прекрасно: взрыв насыщенных красок на фоне черного неба. И тогда проекция освещает небо: картина, на которой печальное и тяжелое событие.

На ней Харви, и он мертв.

Он прикован к деревянному столбу. Его раздели и нарисовали красный треугольник на груди. Голова свисает на грудь, как будто он хочет поцеловать вершину треугольника.

Фейерверк продолжается и закрывает проекцию, пока она полностью не исчезает. На фоне жертвы Харви, моя месть Эмме кажется детской, глупой и неоправданной. Я сконцентрирован на ошибочных вещах. Это не зависит от того отплачу ли я Эмме тем же. Ни в малейшей степени. Я даже не чувствую себя лучше.

Важно то, что мы выполнили миссию, но еще не добрались до цели. Если мы не сделаем этого, Харви погиб напрасно. Борьба против Франка и его клонов, бесчисленное количество клонов, как я узнал в Теам, важнее всего остального. Тогда смерть Харви окупится. Только так можно освободить Клейсут и всех остальных. Тогда люди в этой стране будут жить своей жизнью и смогут сами принимать решения.

Позже, когда огонь догорает, Бои Эмма засыпают, Бри прижимается ко мне, целует меня так доверчиво и настойчиво, и я понимаю, что для нее это серьезно, она хочет быть вместе. Снова волна вины охватывает меня. Я глажу ее по спине, и она засыпает.

После полуночи Бо просыпается и сменяет меня, но я не могу спать. Я практически задремал, но снова просыпаюсь. Моя рука лежит на Бри, но взгляд прикован к Эмме, которая

дрожит во сне.

Наступает утро, никто нас не преследует. Бо утверждает, что все потому, что у них есть все что они желали. — Харви мертв, и им этого достаточно в данный момент. Но наступит момент, когда они придут, особенно если узнают, что мы проникли в лабораторию и что-то украли.

Когда над плотно стоящими деревьями всходит солнце, Бри разговаривает с Райдером по радиации и сообщает ему ситуацию. В первый день мы путешествуем молча. Время от времени я оглядываюсь и вижу, что Бо беседует с Эммой. Она выглядит уставшей. В основном говорит Бо. Дрожащими пальцами он барабанит по голове пытаясь добиться от нее ответов. Эмма смотрит на свою санитарную сумку, которую несет в руках.

После того как мы поймали кролика этим вечером и пожарили его на огне, Бо подходит ко мне. — Тебе нужно поговорить с ней, — говорит он. — Ей очень жаль. И она запуталась.

— Мне нечего сказать, — но как только слова слетают с языка, я понимаю, что просто отказываюсь говорить с ней, не потому что мне не о чем говорить, а потому что боюсь ее. Я боюсь, потому что у меня есть чувства к Бри, и после того что я сделал, я ничем не лучше Эммы, которая уступила чувствам к Кроу. Больше всего мне хочется извиниться и сказать Эмме, что есть еще шанс стать птицами, что люди могут так жить. Но я не знаю, как объяснить это словами.

Эти запутанные чувства не приводят ни к чему. Я всегда следую им и ищу мой собственный путь, не задумываясь о последствиях. Но эта ситуация с Эммой парализует меня. Как такое возможно, чтобы чувствовать так много и не знать, что делать?

Несколькими днями позже мы добираемся до горы Мученика. Как только мы подходим к щели в скале, то наталкиваемся на Элия, который ждет нас. Он пьет из обычной фляжки, и, поздравляя нас с хорошей работой, обнимает каждого из нас. От него пахнет спиртом.

— Я до сих пор не могу поверить, что вам это удалось, — говорит он сияя. — Мы празднуем с тех пор, как Бри передала сообщение.

Он протягивает нам флягу, но когда никто ее не берет, продолжает. — Мы очень благодарны Харви, — некоторое время мы стоим в тишине. Нет слов, нет слов, которыми можно было бы измерить то, что он совершил. Элия опускает фляжку и рассматривает окровавленную одежду Бри. — Наверное, нам надо поторопиться. Нам нужно успеть сделать всем прививки.

Глава 37

Все ждут нас в технологическом центре. Клиппер и пара врачей кивает, как будто они торопятся начать работать, но как Элия и говорил, большинство людей пребывают в чрезмерно веселом настроении. Райдер и другие коменданты смеются, когда мы входим. На столе перед ними полдюжины пустых стаканов. Клиппер забирает у меня сумку, а отец тянет меня за руку и обнимает так сильно, что я боюсь, мои ребра не выдержат.

— Это последний раз, когда я, разрешая Райдеру принять решение, для какой миссии ты подходишь, — говорит он, его дыхание пахнет пивом.

Райдер смеется. — Я тоже не думал. Но парень все равно хорошо себя показал, ты должен им гордиться.

— Уже, — он оборачивается, кладет мне руку на плечо и делает строгое отцовское выражение лица. Затем повторяет это, уже глядя мне в лицо. — Я очень горжусь тобой.

Он одаривает меня улыбкой полной облегчения и радости, что хотя в Клейсуге и редко

говорили о любви, но она определенно есть. В таком взгляде. В короткие моменты. Райд наливает по новой, и мой отец снова идет к комендантам.

— Эй, Па? — он вздрагивает, когда я так называю его. — Я, правда, рад, снова тебя увидеть.

Его улыбка такая широкая, как будто он задался целью улыбнуться до ушей. Я спрашиваю себя, являются ли мои слова причиной его состояния, или всему виной алкоголь. И все же он кивает. — Взаимно, — говорит он.

А затем он снова с другими, которые смеются, празднуют и кричат. Они поднимают их бокалы и чокаются. Я смотрю хмурясь. Я могу понять, что у них есть причина для празднования, но все равно это кажется неправильным. Мне кажется это неправильно быть такими радостными, хотя после смерти Харви прошло так мало времени.

Бри показывает на Феллин, которая, как выяснилось, тоже умеет улыбаться, и спрашивает: — Можно ли им пить, если надо будет сделать прививки?

— Скорее всего нет, — отвечает Эмма.

— Совсем нельзя, — Клиппер бросает взгляд на санитарную сумку Эммы. — Я проведу для тебя инструктаж по больнице. Не говори им, что ты готова общаться с пьяными пациентами.

Бри настолько довольна собой, что совсем не замечает подмигивания Клиппера.

— Ты готов? — спрашивает он меня.

Шприц, который он держит в руке, внушает страх, но я киваю. Он тянет меня в сторону, мажет чем-то плечо и, не предупредив, втыкает шприц. — Овен был ни на что не годен, пока вас не было, — объясняет он. — Не думаю, что он спал больше пяти минут в день, пока Бри не прислала сообщение, что вы в безопасности.

Позади нас слышится звон стаканов. Когда Клиппер заканчивает, я не могу избавиться от впечатления, что он выглядит старше, чем в последний раз, когда я его видел. — Мне очень жаль, что Харви больше нет, — говорю я. — Я знаю, что он был тебе как отец.

— Да, наверное, — мальчик натягивает улыбку и направляется к Бри.

После обеда я навещаю Блена. Он, наконец, покинул больницу и получил собственную комнату. Несмотря на то, что практически поправился, он все еще не полностью восстановился.

— Я не могу бежать больше пары минут, — признается он. — Если я слишком сильно нагружаю ногу, то боль хуже той, когда ты всадил мне рыболовный крючок в губу во время рыбалки. Помнишь? — это воспоминание заставляет меня улыбнуться. Впервые с моего возвращения.

— Моя совесть не чиста, — говорю я. Я не могу не улыбаться.

— Из-за моей губы? Забудь. Тогда мы были детьми.

— Нет, из-за Харви. Мы оставили его там. Бо сказал, что у нас нет времени и нам надо идти, но я даже не попытался за ним вернуться. После той жертвы, на которую он пошел, мы просто убежали в противоположном направлении.

Блейн проводит рукой по волосам, которые отрасли также как и мои.

— Послушай, я ужасно чувствовал себя, пока тебя не было, — рассказывает он. — мне было плохо. Я был уверен, что ты не вернешься. Папа тоже. Теперь это кажется ужасным, как будто мне безразлична судьба Харви, но я рад тому, что это случилось с ним, а не с тобой. Если бы кто-то заставил меня выбирать между вами, я бы выбрал тебя.

Я хмурю лоб. — Никто не должен принимать такие решения. Не в таких во-просах.

— Я знаю. Но все равно.

Он прощается, чтобы идти на физиотерапию, а я иду что-нибудь поесть. Хотя еще рано для ужина, мой живот не спокоен. Я не уверен, из-за нервов ли это или из-за голода, но я иду в столовую и беру небольшую порцию. Наконец, я сажусь рядом с Бри, которая вернулась из больницы, где ей обработали рану. На ней рубашка, на которой нет крови, и Бри рассказывает Полли о нашей миссии.

— Мы не уверены, но выглядит так, что мятежники потеряли около ста человек.

— Что?

Бри смотрит на меня как на идиота. — Ох, я совсем забыла, — говорит она. — Ты же во время обсуждения миссии навещал Блейна. — я смотрю на нее, до тех пор, пока она не понимает, что я жду подробностей. — Да, группа мятежников попала в засаду, когда Орден послал пополнение, их просто было слишком мало, и Кристина... Я предполагаю камеры зафиксировали, как она помогала вам в лаборатории. Наш шпион сообщает, что ее казнили на следующий день. Вероятно, также как и Харви.

Мой желудок сжимается. Кристина, скорее всего, знала, к каким последствиям это приведет, если она попадет в поле зрения камеры, но мне все равно плохо. Именно поэтому я все еще жив. И вся долина Расселин празднует. Все больше людей умирает ради мятежников, и это не правильно. Почему они? Почему не я или Бри, или Бо? Почему нам так повезло?

Мне нужно побыть одному.

— Грей? спрашивает Бри, когда я встаю из-за стола. — Ты в порядке?

Я ухожу, не давая ответа.

В долине люди сделали поминки для Харви и павших в Теам. Это выглядит как круг, который нарисован на земле, но люди заходят внутрь, чтобы положить цветы и письма или поставить свечи. Моя сумка пуста, у меня нет приношения, которое я мог бы положить туда, но я все равно вхожу в круг. Я закрываю глаза и благодарю Харви, Кристину и все других безымянных мятежников, которые пали за доброе дело. Я обещаю им, что борьба еще не окончена. Возможно, мы и празднуем маленькую победу в течение нескольких дней, но потом все продолжится. Я буду с ними и даже готов принять должность руководства, если будет нужно.

Когда я оборачиваюсь, чтобы выйти из круга, Эмма стоит за мной со свечой в руках и ждет. Огонь играет на ее лице. Я понимаю, что должен был что-то сказать, но я просто прохожу мимо.

Моя комната выглядит также, как и когда я ее покинул. Я сижу на краю кровати и пытаюсь вспомнить, какой была жизнь, прежде чем все произошло. Мне кажется, я изменился. Может это и так.

То было время, когда я хотел быть только с Эммой, а теперь я запутался.

Я рассматриваю картину на стене и мечтаю, чтобы это было окно. Мне нужно синее небо, облака и птицы, которые летают в парах. Я должен быть уверен, что где-то в этом мире существует справедливость.

Глава 38.

Жизнь в Долине Расселин продолжается. Все как обычно, люди умирают, дети рождаются. Между тем я узнаю, что люди женятся, если они не озабочены похищением, они

всеми силами стараются позаботиться о продолжении рода, тогда они становятся похожими на птиц.

Эмма работает в больнице, но я стараюсь не попадаться ей на дороге. Только один раз я остаюсь с ней наедине, когда прихожу в больницу, чтобы поменять повязку на руке. Она мажет рану мазью и накладывает бинт. Я почти забыл, какие мягкие у нее руки, какую боль вызывают ее прикосновения в моей груди. Я задумываюсь, не поцеловать ли ее. «Давай попробуем начать с начала», — мог бы я попробовать сказать. Но она поворачивается ко мне спиной, чтобы взять еще мази, и мое стихийное желание проходит. Ожог на руке проходит и на его месте остается неровная кожа. Но напряжение между нами никуда не исчезает.

Бри смывает краску с волос и неоднократно посещает больницу, чтобы проверить ее рану, через несколько дней кажется, что она никогда не возвращалась в Теам. Мы возвращаемся к нашему обычному распорядку. На тренировках мы часто язвим друг над другом. В беседах она поддразнивает меня, а я поддразниваю ее без конца. По крайней мере, мы избегаем проявлять симпатию как тогда у огня, вечером, когда умер Харви. Но если вечерами она стучит в мою дверь, я никогда не прогоняю ее.

Этими ночами мы практически не спим. Наши руки, ноги и губы переплетаются, но если становится опасно, она останавливает меня. Она не хочет иметь детей, и я тоже. Кроме того я знаю глубоко в душе, что у меня больше не будет шанса снова быть с Эммой, если я пересплю с Бри. Я чувствую это каждый раз, когда Бри прижимает руку к моей груди и шепчет: — Не сейчас, не этой ночью, — странное облегчение. Знаю, что без этих слов я бы не остановился.

Однажды, когда мы сидим рядом на кладбище, я спрашиваю Бри, как она справляется со столькими смертями, как смогла так быстро все сделать в Объединенном центре, то есть застрелила часового.

— Ты уже убивал когда-нибудь, Грей? — спрашивает она и пристально смотрит мне в глаза. Я задумываюсь, но вопреки всему через что я прошел, к удивлению, такого не случилось. Я даже не смог убить члена ордена, который молил меня об этом.

— Я только охотился до этого, — отвечаю я.

— Это отличается от охоты. Совсем иначе. После того как в первой миссии с мятежниками я убила первого противника, я плакала. Только представь себе — ревела. Но через некоторое время, когда их стало гораздо больше, стало легче. Я не говорю, что мне нравится или что я хочу это делать, но наступает момент, когда нужно переступить мораль, если от этого зависит твоя жизнь. Ты думаешь о жизни и смерти и о существовании. В Теам я делала то, что считала правильным, чтобы спасти нашу жизнь, а также, чтобы мы могли выбраться оттуда. Если эта борьба продолжится, наступит день, когда ты предстанешь перед таким же выбором, и поверь мне, ты выберешь свою жизнь, а не противника.

— Мне кажется бессердечным то, что мы убиваем друг друга. А ты действуешь таким образом, как будто это необходимо. Ты даже гордишься этим.

— Я не горжусь, что я убиваю, но я горда, быть частью сопротивления. Я горда бороться за наш народ, и этого не изменить, — я улыбаюсь ее уверенности.

— Будешь ли ты всегда такой откровенной? — спрашиваю я шутливо.

Моя несерьезность ускользает от нее, и она морщит лоб. — Никто не говорил, что будет легко любить меня, Грей.

— Это значит? Ты и я?

— Я надеюсь, таковы твои чувства. Я ясно выразилась. Ты тот, кто должен решать, —

она оставляет меня там, на кладбище и уходит, а мои мысли возвращаются к Эмме.

Зима приближается, и в день, когда падают первые снежинки, Райдер созывает чрезвычайно оперативное совещание. Когда я захожу, коменданты сидят вокруг стола, в то время как Бри, Ксавье и даже Клиппер стоят у стены. Бо тоже здесь и подмигивает мне, когда я вхожу.

Мы оба часто беседовали с момента нашего возвращения в Долину Расселин и говорили о том, что видели в контрольном помещении, и что это может дать преимущество мятежникам. Подмигивание Бо означает, что он донес наши идеи до Райдера.

— Нам нужно обсудить наши следующие шаги, — объясняет Райдер после того, как начал собрание. — Я считаю, что время, когда мы прятались или заботились только о нашей защите, прошли. Теперь настал момент, когда мы должны начать бороться за то, ради чего мы однажды собрались. Время начать наступление. Мы должны напасть.

— Но даже если каждый в Долине Расселин будет сражаться, наше число слишком незначительное, — предполагает Элия.

— Именно поэтому предложение Бо так важно, — отвечает Райдер.

— Феллин смотрит на Бо. — Что за предложение?

— Мы отправляемся к группе А, — объявляет Бо сияя. Я улыбаюсь вместе с ним, но все другие выглядят шокированными.

— От группы А ничего не осталось, — говорит Райд уверенно, и некоторые, сидящие рядом с ним, утвердительно кивают.

— Напротив, — подключаюсь я. — Это возможно. По крайней мере, это стоит проверить.

— Нам придется преодолеть половину страны, — возмущается Феллин. — Покинуть безопасность Долины Расселин и отправиться в неизвестность, и только потому что кто-то предполагает, что в группе А есть выжившие?

— Пойдут не все, — объясняет Райдер. — Только некоторые, выбранная команда.

— Хорошо, тогда эта команда отправляется к группе А, понятно, откуда мы вообще знаем, где она находится и что нас там ждет? Примитивные дикие животные? Как это должно нам помочь?

— Одно я знаю точно, где это место, — объясняет Бо и стучит указательным пальцем по голове. — Только не совсем точно, но я слышал столько разговоров в Теам, что у меня почти, что точное представление. И если кто-то и выжил в группе А, я сомневаюсь, что они примитивны.

— И как вы пришли к такой идее? — спрашивает Феллин, однако, прежде чем Бо успеваает ответить, я беру слово.

— Потому что мы видели их. В контрольном помещении Объединенного центра. Там дюжины экранов, на которых город группы А. Если присмотреться внимательно, можно заметить, как они передвигаются в тени, чтобы оставаться вне поля зрения. Их нельзя увидеть, и поддерживают иллюзию погибшего общества, которую и ожидают увидеть. Если мы сможем их освободить, то получим отличных партнеров для борьбы с Франком.

— Очень похоже на похищение, — предполагает Бри.

— Да, однако, это отличается, — возражаю я. — Это похищение, которое они ждут, которого хотят.

— Точно, — улыбается Райдер и пододвигает нам список участников группы.

Когда мы пакуем сумки, чтобы отправиться на Запад, землю покрывает тонкий слой

снега. Сегодня мы выдвигаемся, и пробудем в пути несколько недель. И если нам повезет, мы сможем привести с собой достаточно людей, чтобы окончательно разбить Франка.

Прощание с Блейном проходит как всегда тяжело. Он хочет пойти с нами, даже умолял Райдера, но тот отказал. Блейн все еще не окреп. Главная проблема его выносливость. Я волнуюсь, что он никогда не станет прежним. Он надевает его лучше выражение-старшего-брата на лицо и говорит, чтобы я был осторожнее. Я обещаю ему, что вернусь целым, хотя, это довольно рискованное обещание.

Я иду наружу и жду всю группу на кладбище. У самого начала установлен новый надгробный камень, на котором вырублено имя Харви, хотя у мятежников и нет тела, которое они могли бы похоронить. Я останавливаюсь возле него и смотрю, как в воздухе от моего дыхания появляется пар. На дворе конец ноября. Черный ворон присоединяется ко мне и усаживается на камне.

— Прочь. Исчезни, — я замахииваюсь на птицу. Он громко каркает на меня, его черное оперение резко выделяется на белом фоне ландшафта. Кто-то подходит и птица улетает.

— Готов? — спрашивает Эмма. На ней толстое пальто и ее медицинские вещи собраны в чемодан. Она будет нашим санитаром в группе.

Я киваю.

— Я надеюсь, что мы сможем переносить друг друга во время миссии, Грей, — просто говорит она. Ее глаза прыгают туда-сюда между мной и ее руками. — Мне не нравится, что это происходит между нами, что мы так отделились.

— Мне тоже нет, — признаюсь я. Мне нужно было сказать еще миллион вещей, но я не нахожу слов.

— Это будет длинное путешествие, — добавляет она. — Надеюсь, мы сможем немного поговорить.

— Да. Нам нужно это.

Она улыбается, и впервые я могу правильно объяснить ее улыбку. Ее губы слегка распахнуты и полны обещания. Ее улыбка дарит мне надежду, самое ясное ощущение из всех, что я чувствовал за последние недели.

Я слышу, голоса и обращаю внимание к остальным участникам группы. Первым идет мой отец, он будет руководить миссией, за ним следует Ксавье, Бо и даже Клиппер, который будет обеспечивать нас своей чудо техникой. Бо выглядит удивительно сильным. После нескольких недель изнурительных тренировок он избавился от своей сутулости и двигается более эластично. Это привело Блейна в ярость, но Бо никогда не лежал в коме. Еще пара участников, подходят к нам. Другие коменданты остаются в долине. Они должны позаботиться об объяснениях, пока мы будем отсутствовать.

И наконец, появляется Бри, она последняя покидает Долину Расселин. На спине у нее мешок, в руках оружие и темное выражение на лице, которое говорит об упрямстве. Она натянула шапку на уши, но ее белокурые волосы торчат из под нее.

— Готов к твоему первому похищению? — шутит она.

— Ты же знаешь.

Мы закрепляем наши рюкзаки на плечах и начинаем двигаться за группой, которая идет перед нами.

Я слышу крик ворона, прежде чем вижу его вновь. Он появляется перед нами, темный силуэт на светлом небе. Некоторое время он следует за нами и смотрит сверху на нашу полную надежды вереницы и отпечатками наших сапог, которые остаются на тонком мягком

снегу, когда мы двигаемся в направлении запада.

Больше книг на сайте - Knigolub.net